

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 7

+

Сборники „Надежда” – Христианское Чтение – составляются и редактируются в России. Издание их осуществляется при поддержке Православного Дела.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев”.

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

*Архиепископ Антоний
Женевский и Западно-Европейский*

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 7

НАДЕЖДА

Светлое Воскресение 1980 г.

„Надежда” собирает малоизвестные в России творения Св. Отцов, духовные наставления православных пастырей, свидетельства о жизни во Христе, истории обращения к вере, рассказывает о судьбах русских святых, подвижников, праведников, мучеников за веру, разрабатывает отдельные проблемы развития современной христианской культуры в России, публикует стихи, рассказы, воспоминания и т. д. „Надежда” – единственное и уникальное Христианское Чтение, существующее сегодня в России. „Надежда” может быть только миссионерским изданием, осуществляющимся на пожертвования верующих. Издание „Надежды”, кем бы оно ни предпринималось, не может преследовать никаких целей коммерческого или политического характера. Читатели „Надежды” просят христиан всего мира поддерживать издание и распространение Христианского Чтения, проповедующего Слово Божие тем, кто ищет и ждет Его.

*Составитель „Надежды”
З. Крахмальникова*

Москва, апрель 1981 г.

Большинство печатаемых в „Надежде” рукописей найдено в Самиздате. — С о с т.

Обложка работы художника Адама Русака

Ф и л а р е т Митрополит Московский

СЛОВА НА БОГОРОДИЧНЫЕ ДНИ

СЛОВО

В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

„И воцарится в дому Иаковли во веки и царствию Его не будет конца” (Лук. 1, 33).

В Евангелии слышали мы ныне дивную беседу Архангела и Пресвятыя Девы, — беседу, в которой сказалась, поколику может быть изречена, великая тайна неба и земли, беседу, сквозь которую можно усматривать событие, необъятное для земных и небесных взоров. Когда Архангел сказал Деве: *се зачнеши во чреве, — Дух Святый найдет на Тя;* и когда Дева ответствовала: *се раба Господня, буди ми по глаголу Твоему:* в сие мгновение, посредством сих слов, земля обручилась с небом, человечество с Божеством; и в следствие сего Безначальный зачался; *Слово плоть бысть;* Сын Божий соделался Сыном человеческим, не преставая быть Сыном Божиим; Дева соделалась небом и престолом Божества; и в Ней положено уже не обетовательное

Из книги „Слова и речи Синодального члена Филарета Митрополита Московского”. — Москва, 1861.

только, но действительное начало нашего спасения и блаженства.

Какое будет сие? вопрошала о сем событии Пресвятая Дева предварительно, не по недостатку веры, не по любопытству, но по чувству благоговейного удивления, и по заботе о сохранении посвященного Богу девства, когда Ей было предвещается быть матерью. Не дерзни, пытливый ум, и после события вопрошать: как сие было? Ангел не придет разрешить тебе неуместный вопрос. Что спасительное воплощение Сына Божия совершилось, ты видишь по чудесным и спасительным последствиям. Не испытай непостижимого. Смирись пред бесконечною премудростию. Благоговей пред ее таинством. Дивись глубокому снисхождению Всевышнего. Прославляй и благодари Его за незаслуженный, бесценный дар. Обыми верую подаваемое спасение, не истязуя Спасителя Бога судом человеческого мудрования.

Впрочем Господь сказал: *Испытайте Писаний* (Иоан. 5, 39). Итак позволим себе испытание, какое может быть нам доступно и наставительно.

После первого, возвышенного, но еще неопределенного приветствия Пресвятой Деве, Архангел усмотрел, что Она в страхе. *Не бойся, Мариам*, сказал он. Почему же в то самое время, как старался освободить Ее от страха, он продолжал говорить то, что более изумительно и страшно, и чего провозглашение, по-видимому, могло быть отсрочено? Почему не только возвестил он, что Она, пребывая Девой, родит Сына, каковое возвешение и было целью его посольства, но еще присовокупил, что Сей Сын будет Великий, Сын Вышнего, Спаситель, Царь, и притом Царь такого царства, которому не будет

конца? Необходимо сие было по закону, по которому действует вера, и который известен нам из следующих слов Христовых: *если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему* (Мк. 9, 23). Посему и Препоблагословенной Мариами точно столько было возможно, сколько могла Она веровать. Итак, чтобы Ей возможно было родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства, для сего нужно было, чтобы Она предварительно услышала и уверовала, что должна родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства. Почудимся, братия, сей беспримерно высокой вере Пресвятыя Девы, пред которою самого отца верующих, Авраама, вера предречению о рождении Исаака от престарелого неплодства, есть меньше, нежели зерно горушно пред кедром ливанским. Благоговейно и радостно возблагодарим Препоблагословенную Мариам за то, что Она имела сию веру, без которой мы не имели бы Христа Спасителя, Царя, обещающего и нам Царствие Небесное и вечное.

Вместе с ним, вразумим, братия, самих себя о силе веры. Невместимого Бога вместить возмогла Она в лице Пресвятыя Девы, не духовно только, но и телесно. И телесно, говорю, вместила Бога Ее вера; и сему тем более дивлюсь, чем более, в сравнении с духом, тело кажется удаленным от сообразности и сродства с Богом Духом, и по самой телесности, и по ограниченности, и по тленности. В чем же не могла бы нас удовлетворить наша вера, для которой подлежат несравненно меньшие требования, нежели для веры Девы Богородицы? А довольно ли часты между нами действительные проявления веры, ощутительно возвышенные над природою, ясно ознаменованные благодатию? И посему не

имеем ли мы нужды молиться с Апостолами Господу: *приложи нам веру* (Лук. 17, 5)? Но Господь, не отвергая молитвы, обращает к нам требование веры. *Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: „исторгнись и пересадись в море”, то она послушалась бы вас* (Лук. 17, 6). То есть: о, если бы вы имели напочаток веры от искреннего расположения вашего сердца! Тогда верно получили бы вы великую силу от благодати. Итак дело за вами, а не за Богом. Имейте сердечное расположение веровать, которое от вас зависит: и Бог не преминет приложить вам веру крепкую, которая есть дар Его благодати.

Не оставим без внимания той особенности, что от веры Пресвятыя Девы Богородицы требовалось предварительное признание предрекаемого Ей Сына, не только в качестве Сына Божия и Спасителя человеков, но вместе и в качестве Царя, как существенно необходимое для таинства воплощения: *воцарится в дому Иаковли во веки, и царствию Его не будет конца*. Из сего надлежит заключить, что и от нашей веры, вместе с признанием, в лице Иисуса, Сына Божия, Богочеловека, Спасителя нашего, требуется также признание в Нем нашего Царя, как существенно необходимое для спасительной веры.

В самом деле, видно, необходимо сие верование, когда Господь Иисус, хотя обыкновенно удалялся от славы человеческой, хотя однажды, *узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем*, поспешил скрыться от сего (Иоан. 6, 15); но, во время торжественного вшествия Его в Иерусалим, по требованию фарисеев, чтобы Он запретил обращаемые к Нему восклицания: *благословен грядый Царь*, не только не запретил, но еще подтвердил,

что если бы умолчали люди, то камни провозгласили бы Его Царем: *аще сии умолчат, камене возопиет* (Лук. 19, 38—40). Подобно и тогда, как наименование царя угрожало Ему смертью, Он только исправил неточное понятие о Своем царстве, сказав: *царство Мое несть от мира сего*; но на вопрос Пилата: *Царь ли еси Ты?* ответствовал не обинуясь: *ты глаголеши яко Царь есмь Аз*, ты говоришь справедливо, что Я Царь (Иоан. 18, 36, 57). Наконец, по воскресении Своем, Он Сам провозгласил Свою царскую власть: *дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18); а также и в предвещании Своего всемирного суда Сам нарек Себя Царем: *тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: „Придите благословенные Отца Моего”* (Мф. 25, 34).

Христос царствует во всей вселенной, как Творец и Промыслитель, — в особенности на небесах, как Царь славы, — на земле в Церкви, как в царстве благодати. Царствует здесь Словом Своим, как законом царства; и Духом Своим, как силою царственнойю. Его царство проникает в душу, посредством благодати с Его стороны, посредством веры и любви с нашей стороны, как и сказал Он: *царствие Божие внутри вас есть* (Лук. 17, 21); почему и молимся: *да придет царствие Твое*. Из царства, которое несть от мира сего, простирает Он Свое царственное действие и на царства и народы мира сего, благословляя, благоустроя и облагоденствуя власть и народ, благоприятные духовному Его Царству, а мятущиеся против Него, и особенно после покорности Ему изменившие, предавая действию грозного определения вручившего Ему царство Бога Отца: *Ты поразишь их жезлом железным; сокру-*

шишь их, как сосуд горшечника (Псал. 2, 9). Наконец в последний день мира Христос явится Царем-Судиею мира, чтобы воздать каждому по делам его, и чтобы временные и приготовительные царства природы и благодати преобразовать в единое вечное царство славы.

Христиане! Приятно нам взирать на Христа, как на Спасителя нашего, Который возьмет наши грехи, примиряет с нами вечное правосудие, освобождает нас от вечного осуждения, претворяет нас из сынов гнева в сынов Божиих, с правом наследия небесного. Будем признательны и справедливы. Не забудем взирать на Него, и как на Царя нашего, Который владычествует для того, чтобы благоустраивать нашу духовную жизнь, чтобы охранять и защищать нас от враждебных сил, чтобы образовать из нас достойных граждан царствия небесного, способных к вечному блаженству; и Который, для сего самого требует от нас совершенного повиновения Его владычеству.

Един есть Сын Божий, Иисус Христос, Спаситель и Царь, и не разделяет сих качеств, которыми ознаменовал Себя в самом воплощении Своем. Если вы не захотите иметь Его своим Царем: не можете иметь Его своим Спасителем.

Сказал ли тебе твой крестный отец, что ты Христу Царю дал присягу в верности? — Точно, ты дал ее, когда при крещении, устами восприемника неоднократно исповедал, что отрицаешься сатаны и всего служения его, и сочетаешься и поклоняешься Христу, яко Царю и Богу. Будь же постоянно внимателен, чтобы не быть прельщену, и чтобы не сделаться клятвопреступником и изменником. Если ты не сохранишь верности Христу Царю в сердце и в жизни,

в слове и в деле; и если случившихся некоторых неверностей немощи и неосмотрительности не загладишь покаянием и исправлением: то потеряешь право на покровительство Христа Царя и на милосердие Иисуса Спасителя, и сам себя делами твоей неверности причтешь к шатающимся и мятущимся, которых Он *поразит жезлом железным и как сосу-ды горшечника сокрушит* (Пс. 2, 9).

Будь верен Царю Христу, верою православною, в послушании святой Церкви Его, верен любовью нелицемерною, препобеждающею всякое земное при-страстие, — верен жизнию благозаконною по заповедям и учению Евангельскому, — верен и поспешен в чистосердечном признании своих грехопадений и в восстановлении чистоты совести, доколе смерть не предускорила затворить двери покаяния. Слыши Самого Христа, повелевающего и обещающего: *будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни* (Апок. 2, 10). Аминь.

СЛОВО

В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

„Размышляла, что бы это было за приветствие” (Лук. 1, 29).

Видите, что Пресвятая Дева размышляет: и мне кажется, Она учит нас размышлению. Объяснимся.

Когда Архангел Гавриил, посланный возвестить Ей воплощение от Нее Сына Божия, начал свое благовещение приветствием: *радуйся, благодатная: Господь с тобою: благословенна ты в женах*; тогда Она, как повествует святой Лука, *смутилась о сло-*

веси его, и, как глубоко усмотрел сам Архангел, убоялась. Ибо он, как дух, и сквозь молчание видел, что происходит в Ее духе, и сказал: *не бойся, Мариам*; следственно, видел в Ней страх.

Что случается с нами, когда приходим в смущение и страх? — Трепещем, произносим вопль, стараемся убежать, а иногда теряемся до того, что не можем владеть ни мыслями, ни словами, ни движениями. Это — наше несовершенство, малодушие, немощь. Сему не надлежало быть в благодатной Деве; и сего не было в Ней. По действию внешней причины, ощутив невольно смущение и страх, Она тотчас удержала Свое смущение, умерила Свой страх. Каким образом? — Посредством размышления. *Помышляше*. (Размышляла.)

Ничтоже бо, рассуждает Премудрый, *ничтоже есть страх, токмо лишение помощей, сущих от помышления* (Прем. 17, 11). Премудрая Дева не осталась долго в лишении сей помощи, но немедленно воспользовалась ею. *Помышляше*.

Как причиною смущения и страха Ее, так и предметом размышления Ее, было необычайное приветствие Архангела. *Смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие*. Архангел нарек Деву Марию *благодатною*, то есть исполненною высоких даров Божиих, превышающих естественную доброту, и *благословенною в женах*, что по свойству священного языка, значит: благословенную преимущественно перед всеми женами всего рода человеческого. Неудивительно, что Она пришла от сего в смущение и страх, подобно человеку, внезапно восторгнутому на высоту. Как же искала Она *помощи, сущей от помышлений*, и обрела ее? В сие мог проникнуть Архангельский взор; мы

можем только гаданием постигать сие. Что сотворю, помышляла Она, вероятно? — Прииму ли необычное приветствие? — Страшусь, да не оскорблю неверованием не только Божия посланника, но и Пославшего? Пожду в безмолвии, что далее явит Бог. — Так, Она и не приняла высокого приветствия, и тем сохранила Свое смирение, но и не отвергла, и тем сохранила Свою веру. А сохраняя смирение и веру, Она сохраняла то чистое расположение духа, которое соделывало Ее способною принять высочайшее откровение Божие. На Божественное благовещение, что Она родит Христа Бога, что на Нее найдет Дух Святой, только совершеннейшее смирение могло достойным образом ответить: *се раба Господня*, только совершеннейшая вера могла с несмущенным дерзновением рещи Архангелу: *буди мне по глаголу твоему*.

Видите, братия, что Матерь Божия, в одно из самых трудных мгновений Своей духовной жизни, искала Себе помощи в размышлении, благочестивом и смиренном, и действительно в нем обрела Себе помощь. И если Дух Божий показал нам сию черту Ее духовной жизни в Евангельском Писании; а *елика писана быша, в наше наказание преднаписашася*: то надобно признать, что Ее примером Он учит нас благочестивому размышлению.

Из того, что в Евангелии видим Божию Матерь, употребившую размышление в одном из трудных случаев жизни, не должно заключать, что Она только в подобных несчастных случаях пользовалась размышлением. По опыту знаем, что, кто не приобучил себя к размышлению и не приобрел навыка в оном, тот не умеет найти в оном себе помощь в случае внезапном и трудном. Итак, если Божия Матерь в слу-

чае внезапно и трудном обрела Себе помощь в размышлении: то сие показывает, что Она ранее приобучила Себя к размышлению, и приобрела навык в оном. Таким образом, преподаваемое нам примером Ее учение расширяется, и мы должны заключить, что благочестивое размышление должно быть постоянным спутником человека в жизни духовной.

Как из сокрытого в землю семени произрастает дерево, с его плодами: так из сокрытых в душе человека мыслей возникает его нравственная жизнь с ее делами. По роду семени, питаемого землею, бывает растение и плод; по роду мыслей, питаемых сердцем, бывают жизнь и дела. Кто попускает себе иметь мысли рассеянные, непостоянные, неуправляемые рассуждением: у того естественно и в образе жизни оказаться должны рассеянность, непостоянство, беспорядок. Итак, сей в твоём уме и сердце благочестивые и добрые мысли, чтобы произросла благочестивая и добродетельная жизнь; и притом, не бросай их поверхностно, случайно, наудачу, но, как искусный и тщательный сеятель, с рассуждением, в порядке, в меру, полагай оные в глубокую бразду ума и постоянно питай чувствованиями сердца; и как земля из вверенного ей семени углубляет внутрь себя корни, и тем способствует растению возвышаться и расширяться вне; так должно и тебе размышлением и созерцанием, подобно корням растения, углублять в себе святое и доброе, чтобы и деятельная жизнь твоя возвышалась в подвигах и расширялась в обилии добрых дел.

В наше время, когда люди более прежнего *пустились во многие помыслы* (Еккл. 7, 30), когда с ранних лет жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную деятельность, когда в разнообра-

зии помыслов многих ищут мнимого образования, изящества, удовольствия, корысти, славы, когда по-сему души так легко засеваются мыслями плевельными, — особенно нужно воззывать людей к размышлению основательному, чистому, благочестивому.

Но мы видим в Священном Писании, что и во времена древней простоты Сам Бог учил людей благочестивому размышлению. *Слушай, Израиль*, говорит по повелению Божию Моисей, *Господь Бог наш Господь един есть*, и: люби Господа, Бога твоего; и, чтобы укоренить в народе Божиим сии главные истины благочестия, Моисей продолжает: *и да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая*. Из слов: *ложась и вставая* можно видеть, что *внушай* значит у Моисея собеседование не только с другими, но и с самим собою, то есть размышление.

Пророк Давид провозглашает блаженным человека, у которого в законе Господни воля его, и который в законе Его поучается день и ночь. Как можно поучаться в законе Божиим день и ночь? Во времена Давида мир не был так наполнен учителями и книгами, как ныне; да и при обилии учителей и книг нельзя проводить с ними день и ночь. Однако, не какой-нибудь мечтатель, а Пророк обещал блаженство и указал, как средство блаженства, поучение в законе Божиим день и ночь. Как же сие возможно? — Возможно посредством благочестивого размышления и сердечной молитвы; потому что сим человек заниматься может, по выражению Моисея, *и сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая*.

Братие христиане! Что, если бы в учении, которое

Моисей и Давид, конечно, не без успеха, преподавали ветхому и плотскому Израилю, оказались неуспешными мы, которые величаем себя наименованием нового, духовного Израиля? Не стыдно было бы нам? Не строгого ли осуждения были бы мы достойны? Не вознерадим же, по указанию Давида, искать блаженства, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Будем внимательны, чтобы, по наставлению Моисея, *помышлять о Боге и о благоугождении Ему, и сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая.*

Для чего часто попускаете вы помыслам вашим, по подобию необученных и неукротенных коней, ристать без управления, без пути, без цели? Обучайте себя *востыгать их браздами и уздою* твердой воли и основательного рассуждения, и смотря по надобности, либо приводить их в покой, либо направлять по пути правому, к полезной цели, преимущественно же, к великой цели вашего бытия — к Богу, ко Христу, к небу, к вечности.

Скажете ли, что предметы мира сего невольюно поражают ваши чувства и увлекают ваши мысли? Правда, что могут они невольюно поражать ваши чувства; но не имеют силы увлекать ваши мысли, если вы сами не отдаетесь сему влечению. Вы можете, особенно при помощи Божией, *отвращать очи свои, оже не видите суеты*, или, взирая на чувственное оком духовным, можете, по образу блаженного Святителя Тихона, *от мира собирать сокровище духовное. Вся бо, говорит святой Макарий, подлежащая нашему взору, суть сень и образ вещей, относящихся до души нашей. И потому, как он учит, когда взираеши на солнце, ищи истинного солнца, яко слеп еси. Когда простираеши взор на свет, обрати*

оттуда очами к душе твоей и виждь, имеешь ли в ней истинный и благий свет, сиречь Господа (Беседа 33).

Наипаче свойственно христианину прилежно простирать сердечныя помышления к Тому, Чье имя он на себе носит, — вспоминать житие Христа Господа, чтобы последовать Ему, вникать в Его учение и заповеди, чтобы уметь исполнять оные, благоговейно созерцать Его страдания и крестную смерть ради очищения грехов наших, и Его славное воскресение ради нашего блаженного воскресения, дабы, таким образом, питать и укреплять свою веру, любовь, надежду, да живет Христос Бог в человеке еще на земли, и потом, да живет в Боге на небеси, во веки. Аминь.

БЕСЕДА
В ДЕНЬ УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

„Вся слава Дщери Царя внутри”.

Псал. 44, 14.

Дух пророческий в čtyредесятъ четвертом псалме изображает Царя: *говорю: песнь моя о Царе*. Но в сем изображении полагает частию такие черты, которые могут относиться к совершенному человеческому, как сия черта: *красен добротою паче сынов человеческих*, а частию такие, которые не могут принадлежать никакому земному царю, и которые безмерно выше всякого совершенства человеческого, какова следующая черта: *престол Твой, Боже, во век*. Сколько бы вы ни изыскивали, с кого списан сей пророческий образ, не найдете сего нигде,

как только в лице Иисуса Христа, Который, как человек, *красен добротою паче сынов человеческих*, потому что в Нем едином естество человеческое безгрешно; Который, как Бог, царствует от века, и, как Богочеловек, *воцарился* так, что *царствию Его не будет конца* (Лук. 1, 33).

Дух пророческий в том псалме изображает Царицу, Дочь Цареву, Которая приближается к изображенному выше Царю, и предстоит одесную Его: *предста Царица одесную Тебе*. В изображении сей Царицы есть также необыкновенная черта следующая: *вся слава Дщери Царя внутри*. Где найдем лице, которому принадлежала бы сия черта? Что заключено внутри, то мы обыкновенно называем сокровенностью или тайною: славою называем обыкновенно нечто такое, что вне открыто и всем явно. Напротив того, дух пророческий велит искать *всей славы внутри*, и по сей черте узнавать *Дочь Цареву*, Которую Он прославляет.

Но даст ли сему пророчеству изъяснения то, что мы ныне благоговейно воспоминаем? Ныне должны мы зреть духом, как Препоблагословенная Дева Мария, — *Дочь Царева*, по родословию от Царя Давида, — *Дочь Царя небесного Бога*, потому что осенена Духом Святым, — *Царица и Дочь Царева* вместе, потому что Она есть и Матерь и Дева, — восходит от земли на небо, чтобы предстать одесную Царя Христа, и, сообразно с достоинством Матери Его, воспрять достоинство Царицы небесной.

Если кто когда имел *всю славу внутри*, совершенно удаляясь от славы внешней: то паче всех Она. Что может быть выше и полнее внутренней славы Ее, — Ее беспримерной чистоты, Ее духовного со-

вершенства, Ее святости? Но все сие, во всю жизнь Ее на земле, покрыто было почти непроницаемым покровом, — Ее глубоким смирением. Все, что могло прославить Ее пред человеками, Она или скрывала, или устраняла от Себя. Славное благовещение Архангела о воплощении от Нее Сына Божия Она скрыла от всех так, что даже хранителю Ее Иосифу должен был открыть сие Ангел; и единомысленной с Нею праведной Елисавете не Она сие открыла, но Дух Святой. Чудесные знамения, окружавшие рождение Иисуса Христа, как заметил поздно уже писавший Евангелист, Она *сохраняла, слагая в сердце Своем* (Лук. 2, 19), а не износя устами в слышание другим: и потому-то, конечно, иудеи знали только Его явление из Назарета, и не знали Его рождения в Вифлееме. Когда Иисуса, *славы от человек не приемлющего* (Иоан. 5, 41), тем не менее прославили чудеса Его и Его божественное учение: тогда Его Матерь, если являлась близ Его, то для того, чтобы разделять Его страдания, как на Голгофе при кресте Его; а где могло бы пасть на Нее светлое отражение славы Его, как например, при Его царском входе в Иерусалим, там Ее не видали. После того, как Он видел Ее страждущею при кресте и утешил Ее, возможно ли, чтобы Он не утешил Ее преимущественно пред другими Своим явлением по воскресении? Однако сие не прославлено в Евангелии, подобно видениям Магдалины и других; и предание о сем неполно, конечно, вследствие смиренной сокровенности, которую Мариам имела правилом Своей жизни. Будучи беспрекословно первою дочерью открывшейся Церкви Христовой и Матерью всех верующих, которых Божественный Сын Ее нарек *братиею Своею* (Иоан. 20, 17), Она и в сие время продолжа-

ла Свою сокровенность и уклонение от всякой славы и почести: в книге Деяний Апостольских, которая есть история первенствующей Церкви Христовой, только однажды встречаем имя *Марии Матери Иисусовой* (Деян. 1, 14), и то после имен Апостолов. Наконец, Мать Царя Христа, Мать и Царица верующих, преставляется от земной жизни в небесную: что осталось после Нее? Остались ли царские чертоги, великолепные одежды, драгоценные украшения, сокровища? — Ничего такого: остались только две одежды, и притом такие, которые годились только в подавание двум нищим вдовам. Воистину вся слава *Дщери Царевой внутри!*

Дивитесь, разумеющие, полноте внутренней славы, не требующей никакого дополнения отвне.

Радуйтесь, любящие простоту, нестяжательность, безмолвие безвестности, тайно подвигающиеся, скрывающие свои добродетели: путь Царицы небесной даст вам свидетельство, что вы на царском пути.

Да вразумятся честолюбивые и славлюбивые. Можно ли высоко ценить наружный блеск и человеческую славу, которых не имела и не удостаивала иметь Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим? Надобно ли усильно гоняться за славою смертного между смертными, которую, не знаю по каким доказательствам и опытам, называют бессмертною, тогда как она, подобно ветру, налетает и улетает, как дым, отуманивает прельщенного ею и, как дым, исчезает? Не лучше ли искать *славы внутри*, — существенной славы, или достославной существенности благочестия и добродетели, — славы, которую внутренне возвещает закон Божий, которую слышит непорочная совесть, которая

не зависит от непостоянства человеческих мнений, которой не повреждает клевета, которой рукоплещут небожители, которую благословляет Бог?

Да вразумятся любостыжательные: поелику и богатство имеет притязание на славу внешнюю. Стоит ли труда изнурять себя непрерывными заботами о приобретении и сбережении приобретенного свыше нужды, чтобы можно было хвалиться блестящим прахом, доколе не унесет его вихрь непредвидимых превратностей, или доколе не придет черда хвляющемуся им самому обратиться в прах? Не лучше ли *продать все*, то есть отложить всякую привязанность и пристрастие к земным вещам, чтобы приобрести *одну драгоценную жемчужину* (Мф. 13, 46), — Христову жизнь в сердце, и посредством сей драгоценности приобрести бесценные нетленные сокровища неба?

Да вразумятся и роскошные, и любящие суету, которым также мечтается слава, но, по верному взгляду Апостола, *слава в сраме* (Фил. 3, 19). В самом деле, не постыдная ли это слава, когда некоторые имеют своим отличием тонкую изысканность и неограниченную расточительность в чревоугодии и невоздержании, страсть к обаятельным зрелищам и сладострастным песням, превосходство в какой-нибудь игре бесполезной, или еще и вредной? Стыдимся говорить о сраме более глубоком, в который низводят необуздываемые роскошь и плотоугодие. Как же далеки от истинной внутренней славы люди, которых и внешняя слава есть стыд и унижение умственного и нравственного достоинства человеческого!

Надобно и всем нам, христиане, настоятельно вразумлять себя о славе внутренней. Ибо в след

Царицы, путем славы внутренней, вошедшей в славу небесную, Дух Божий призывает и наши души. *Приведутся*, говорит, *Царю девы в след Ее*. Под именем дев можно здесь разуместь определенно девствующих духовно и телесно, по особенной любви к чистоте и по обету. Но можно разуместь и неопределенно всякую душу христианскую, обручившую себя Христу верою и любовью: поелику о всех сказал Апостол: *обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2).

Итак, если, в след Царицы небесной, и мы призываемся в славу небесную путем славы внутренней: то как управим себя на сей путь? — Примите о сем наставление от св. Василия Великого: „Кто благоукрашает себя для Отца видящего в тайне (Мф. 6, 4), и молится, и все делает не так, чтобы показаться людям, но чтобы явиться единому Богу, тот имеет *всю славу внутри*, как и *Дщерь Царева*”.

Если бы кто вспомнил и заметил мне, что сие изречение Василия Великого здесь же, в сей же день уже было произнесено за несколько лет пред сим, то я ответствовал бы: о, если бы слово истины и душевной пользы, сказанное здесь однажды, не было забываемо и оставляемо без исполнения! Мы с радостью предписали бы себе удерживаться от повторений: а вы не жаловались бы на повторение наставлений, которые, при повторении, обращались бы вам в похвалу, а не в обличение. Аминь.

Святой Василий Великий

БЕСЕДА 19

(В день памяти святых сорока мучеников)

Любителю мучеников наскучит ли когда творить память мучеников? Честь, воздаваемая добрым из наших сослужебников, есть доказательство нашего благорасположения к общему Владыке. Ибо несомненно, что восхваляющий мужей доблестных не преминет и сам подражать им в подобных обстоятельствах. Искренно ублажай претерпевшего мучение, чтоб и тебе сделаться мучеником в произволении, и без гонения, без огня, без бичей оказаться удостоенным одинаковых с ним наград. А нам открывается случай подивиться не одному мученику, и не двум только мученикам, даже не десятью ограничивается число ублажаемых: но сорок мужей, у которых в отдельных телах была как бы одна душа, в согласии и единомыслии веры показали одинаковое терпение в мучениях, одинаковую стойкость за истину. Все подобны один другому, все равны духом, равны подвигом; посему и удостоены равночестных венцов славы.

Из книги Творения иже во святых Отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Часть четвертая. Беседы. — Москва, 1858.

Поэтому какое слово может изобразить их по достоинству? И сорока уст не достало бы к прославлению доблести стольких мужей. Если бы и один был предметом удивления, то и сего было бы достаточно, чтобы превысить силу моего слова: тем паче такое множество, эта воинственная дружина, этот непреборимый полк, одинаково и в бранях неодолимы, и для похвал недоступны. Но тем, что упомянул о них, изведя их на среду, предложу предстоящим здесь общую от них пользу, показав всем, как бы на картине, доблестные подвиги сих мужей; потому что и доблести, оказанные в бранях, нередко изображали и историописатели, и живописцы, одни украшая их словом, а другие начертывая на картинах; а сим те и другие многих возбудили к мужеству. Что повествовательное слово передает через слух, то живопись показывает молча чрез подражание. Так и я предстоящим здесь напомню добродетель сих мужей и, как бы изведя пред взоры деяния их, подвигну к подражанию тех, которые мужественнее и более сродственны с ними по произволению. Вот похвальное слово мученикам — возбуждение к добродетели собравшихся; потому что слова о святых не могут рабски следовать правилам похвальных слов. Слагатели сих слов в состав похвал берут мирские поводы; а кому *мир распяся* (Гал. 6, 3), к прославлению того может ли что мирское быть поводом?

У святых сих не одно было отечество; потому что каждый происходил из особого места. Что же из этого? Как назовем их? Не имеющими ли отечества, или гражданами вселенной? Как при взносе денег вкладчину вносимое каждым делается общим достоянием всех вкладчиков: так и у сих бла-

женных отечество каждого есть общее отечество всех, и все, будучи из разных мест, меняются друг с другом отечествами. Лучше же сказать, какая нужда доискиваться земных их отечеств, когда о настоящем их граде можно домыслиться, каков он? Град мучеников есть град Божий, *которого художник и строитель Бог* (Евр. 11, 10), а *вышний Иерусалим свободен: он — мать* (Гал. 4, 26) Павлу и тем, которые подобны ему. Род же у них человеческий — у каждого свой, а духовный — у всех один; потому что общий им отец — Бог, и все они братья, не как рожденные от одного и одной, но как по сыноположению Духа сочетавшиеся друг с другом в единомыслии любви.

Это — готовый лик, великое добавление к прославляющим Господа от века; они не один по одному собрались, но вдруг переселились. И какое же это переселение? Отличаясь от всех своих сверстников телесным ростом, юностью возраста и силою, включены они были в воинские списки, и за искусство ратное и за мужество душевное получили у царей первые почести, у всех будучи имениты за добродетель. А когда объявлено было это безбожное и нечестивое воззвание — не исповедывать Христа, или подвергнуться опасностям; грозили же всеми родами мучений, и судиями неправды подвигнута на благочестивых великая и зверская ярость; составлялись против них клеветы и злоухитрения, изыскиваемы были различные роды истязаний, мучители были неумолимы, огонь готов, меч изощраляся, водружаем был в землю крест, изготовлялись ров, колеса, бичи; когда одни бежали, другие покорялись, иные были в нерешимости, а некоторые еще до изведения поражались ужасом

от одних угроз, другие от близости ужасов приходили в кружение, иные, вступив в борьбу, не в состоянии были потом до конца выдержать труд и, на половине отказываясь от подвига, подобно застигнутым бурей на море, теряли от кораблекрушения и тот груз терпения, какой уже имели: тогда сии непобедимые и мужественные воины Христовы, выступив на среду, градоначальнику, показывавшему царское писание и требовавшему повиновения, свободным голосом, смело и небоязненно, ни мало не уstraшившись видимого, не ужаснувшись угроз, возвестили о себе, что они христиане. О, блаженные уста, произнесшие этот священный глас, которым приавший воздух освятился, которому рукоплескали услышавшие его Ангелы, которым уязвлены были диавол и демоны, и который Господом записан на небесах! Итак, каждый, выходя на среду, говорил: я христианин! И как на ристалищах, вступающие в подвиг, в одно время и имена свои сказывают и становятся на место борьбы: так и каждый из них, отринув тогда нареченное ему имя при рождении, заимствовал себе имя от общего всем Спасителя. И это делали все, к предшествующему присоединялся и последующий; от сего стало у всех одно наименование: не говорили: я такой-то, или такой-то; но все провозгласили себя христианами.

Что ж делал преобладавший тогда? Он был искусен и обилен в средствах, то обольщать ласками, то совращать угрозами. И их сперва хотел очаровать ласками, пытаясь ослабить в них силу благочестия. Он говорил: „не выдавайте своей юности; не променяйте этой сладостной жизни на безвременную смерть. Привыкшим отличать доблестию в бранях неприлично умереть смертью злодеев”. Сверх всего

обещал им деньги. И это давал им, и почести у царя, и оделял чинами, и хотел одолеть тысячами выдумок. Поелику же они не поддались такому искушению, обратился к другому роду ухищрений: страдал их побоями, смертями, изведением несноснейших мучений.

Так действовал он! Что же мученики? Говорят: „Для чего, богопротивник, уловляешь нас, предлагая нам эти блага, чтоб отпали мы от живого Бога и поработились погибельным демонам? Для чего столько даешь, сколько стараешься отнять? Ненавижу дар, который влечет за собой вред; не принимаю чести, которая бывает матерью бесчестия. Даешь деньги, но они здесь остаются. Делаешь известным царю, но отчуждаешь от Царя истинного. Что так скупое и так немного предлагаешь нам из мирского? Нами презрен и целый мир. С вожделенным для нас упованием нейдет и в сравнение видимое. Видишь это небо: как прекрасно смотреть на него, как оно величественно! Видишь землю: как она пространна и какие на ней чудеса! Ничто из этого не равняется блаженству праведных. Ибо это переходит, а наши блага пребывают. Желая одного дара: венца правды; стремлюсь к одной славе — к славе в царстве небесном. Ревную о почести горней: боюсь мучения, но мучения в геенне. Тот огонь мне страшен, а этот, которым вы мне угрожаете, мне сослужебен. Он умеет уважать тех, которые презирают идолов. Как рассуждаю, *поразит их Бог стрелою: внезапно будут они уязвлены* (Псал. 63, 8), потому что поражаешь ты тело, а оно, если долго выдерживает удары, светлее венчается, а если скоро изнемогает, избавится от таких судей-притеснителей, которые, взяв в услужение себе тело, усиливаются возобла-

дать и над душою, которые, если не будете предпочтены Богу нашему, как будто претерпев от нас крайнюю обиду, раздражаетесь и грозите этими страшными мучениями, ставя нам в вину благочестие. Но не найдете нас ни робкими, ни привязанными к жизни, ни легко приводимыми в ужас, и это потому, что любим Бога. Мы умеем терпеть, когда колесуют, вывертывают члены, жгут на огне; мы готовы принять всякий род истязаний”.

Когда выслушал сие этот человек гордый и бесчеловечный: не терпя дерзновения сих мужей и воскипев яростию, стал рассуждать сам с собою, какой бы найти ему способ, чтоб приготовить им смерть и продолжительную и вместе горькую. Нашел наконец, и смотрите, как жестока его выдумка! Обратив внимание на свойство страны, что она холодна, на время года, что оно зимнее, заметив ночь, в которую стужа простиралась до наибольшей степени, а притом дул еще северный ветер, отдал он приказание всех их обнажив уморить на открытом воздухе, заморозив среди города.

Без сомнения же, знаете вы, испытавшие зимний холод, как невыносим этот род мучения; потому что и невозможно объяснить сего другим, кроме тех, которые в собственном опыте имеют готовые примеры пересказываемого. Тело, подвергшееся холоду, сперва все синеет от того, что кровь сседается; потом оно дрожит и трясется, между тем, как зубы стучат, жилы сводятся и весь состав невольно стягивается. А какая-то острая боль и невыносимое мучение, проникающее в самые мозжечки, производят в замерзающем нестерпимое ощущение. Потом члены тела отпадают, как будто оконечности сожжены огнем; потому что теплота, отгоняемая от краев

тела и сбегаящаяся во внутренность, оставляет омертвелыми те части, от которых удалилась; а те части, в которых она собирается, предаёт мучительной боли, между тем как смерть от замерзания постепенно приближается.

Итак, они были осуждены пробить ночь под открытым небом, тогда как и озеро, около которого населен город, где подвизались святые, покрывшись льдом, сделалось подобным проезжому полю, и так отвердело от стужи, что по хребту его безопасно могли ходить окрестные жители, и непрерывно текущие реки, будучи скованы льдом, остановили свои струи, и вода, мягкая по природе, изменилась до твердости камней, и резкое дыхание северного ветра приносило смерть всему живущему.

Выслушав тогда это повеление (рассуждай по этому о непобедимом мужестве мучеников), каждый с радостью сбросил с себя последний хитон, и все потекли навстречу смерти, какою грозила стужа, поощряя друг друга, как бы шли к расхищению добычи. „Не одежду скидаем с себя, — говорили они, — но отлагаем *ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях* (Ефес. 4, 22). Благодарим Тебя, Господи, что с этою одеждою свергаем с себя грех; чрез змия мы облеклись, чрез Христа совлечемся. Не будем держаться одежд ради рая, который потеряли. *Что воздадим Господу* (Псал. 115, 3)? И с Господа нашего совлечены были одежды. Тяжко ли для раба потерпеть, что терпел и Владыка? Лучше же сказать, и с Самого Господа мы совлекли одежды. Это была дерзость воинов; они совлекли и разделили по себе Его одежды. Поэтому загладим собою написанное на нас обвинение. Жестока зима, но сладок рай; мучительно — замерз-

нуть, но приятно упокоение. Недолго потерпим и нас согреет Патриархово лоно. За одну ночь выменяем себе целый век. Пусть опалается нога, только бы непрестанно ликовать с Ангелами. Пусть отпадает рука, только бы иметь дерзновение воздевать ее ко Владыке! Сколько наших воинов пало в строю, сохраняя верность царю пленному? Ужели мы не пожертвуем своею жизнью, из верности Царю истинному? Сколько человек, уличенных в преступлении, подвергались смерти злодеев? Ужели мы не вынесем смерти за правду? Не уклонимся, товарищи, не обратим хребта диаволу. Есть у нас плоть, не пощадим ее. Поелику непременно должно умереть, то умрем, чтоб жить. *Да будет жертва наша пред Тобою Господи* (Дан. 3, 40). Как жертва живая, благоудобная Тебе, да будем приняты мы, всесожигаемые сим хладом, — мы, приношение прекрасное, всесожжение новое, всеплодствуемое не огнем, но хладом”.

Такие утешения предлагая друг другу, и один другого поощряя, как будто в военное время стоя на страже, проводили они ночь, мужественно перенося настоящее, радуясь ожидаемому, посмеываясь противнику. У всех же была одна молитва: „Сорок человек вступило нас на поприще, сорок человек и да увенчаемся, Владыко! Ни одним да не уменьшится это число. Оно честно: Ты сам, чрез Кого закон вошел в мир, почтил его сорокадневным постом. Сорок дней в посте искавший Господа Илия сподобился видения!” И хотя такова была их молитва, однако ж один из сего числа, изнемогши от страданий, оставив место подвига, удалился, возбуждив в святых несказанное сожаление. Но Господь не попустил, чтоб прошения их остались напрасными.

Тот, кому вверено было охранение мучеников,

греясь неподалеку от одного училища борьбы, наблюдал, что будет, готовый принять тех воинов, которые прибегнут к нему. И это опять, что близко была баня, обещавшая скорую помощь переменившим мысли, придумано было наперед. Но что с злым намерением придумано врагами, именно: найти для подвига такое место, где готовность облегчения могла бы ослабить твердость подвижников, это самое в большем свете показало терпение мучеников. Ибо не тот терпелив, у кого нет необходимого, но тот, кто, не имея недостатка в наслаждении, продолжает терпеть бедствие.

Когда же мученики подвизались, а страж наблюдал, что произойдет: видит он необычайное зрелище, видит, что какие-то Силы сходят с небес, и как бы раздают воинам великие дары от Царя. И всем прочим разделили они дары; одного только оставили не награжденным, признав его недостойным небесных почестей: и это был тот, который, вскоре отказавшись от страданий, перешел к противникам. Жалкое зрелище для праведных! Воин — беглец, первый из храбрых — пленник, овца Христова — добыча зверей. Но еще более было жалко, что он и вечной жизни не достиг, и не насладился настоящею; потому что плоть у него тотчас распалась от действия на нее теплоты. Но как этот животолубец пал, без всякой для себя пользы преступив закон, так исполнитель казни, едва увидел, что он уклонился, и пошел к бане, сам стал на место беглеца и, сбросив с себя одежды, присоединился к обнаженным, взывая в один голос со святыми: я христианин! И внезапно перемены изумив предстоящих, как число собою восполнил, так своим присоединением облегчил скорь об ослабевшем, поступив по примеру

стоящих в строю, которые, как скоро падет кто в первом ряду, тотчас замещают его собою, чтоб убылым не разрывался у них ряд. Подобно этому поступил и сей. Видел он небесные чудеса, познал истину, притек ко Владыке, стал сопричислен к мученикам! И обновилось то, что было с учениками! Иуда пошел прочь, а на место его введен Матфий! Подражателем стал Павловым вчерашний гонитель, а ныне благовествующий. И он имел звание свыше не человеками и не через человека (Гал. 1, 1). Уверовал во имя Господа нашего Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственною верою, не в воде, но в крови своей.

И таким образом, при начале дня еще дышащие мученики преданы огню, а остатки от огня брошены в реку, чтоб подвиг блаженных объят собою всю тварь. Ратоборствовали они на земле, показали терпение в воздухе, преданы огню, восприяла их вода. Им прилично сказать: *мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу* (Псал. 65, 12). И они-то, заняв нашу страну, подобно какому-то непрерывному ряду столпов, доставляют безопасность от нашествия противников, не в одном месте заключившись, но имея пристанище во многих местах и украсив собою многие отчизны. И, что необычайно, не по одному разделившись, посещают они приемлющих, но не разлучаясь друг с другом, соединенным приходят ликом.

И какое чудо! И не уменьшаются числом, и не допускают приумножения в числе. Если разделишь их на сто частей, не выступают из свойственного им числа. И если соберешь воедино, и в таком случае остаются те же сорок, уподобляясь природе огня; потому что и огонь, как переходит ко вновь возжи-

гающему его, так всецело остается у того, кто имел его у себя. И сии сорок, и все вместе, и все у каждого. Это — неоскудевающая благотворительность, неистощимая благодать, готовая для христиан помощь, церковь мучеников, воинство победоносцев, лик славославящих. Сколько употребил бы ты труда найти и одного молитвенника за себя ко Господу! — И вот сорок молитвенников, воссылающих согласную молитву. *Ибо, где двое или трое собраны во имя Господне, там Я посреди них* (Мф. 18, 20); а где сорок, там усумнится ли кто в присутствии Божиим? К сорока мученикам прибегает утесненный, к ним притекает веселящийся, — один, чтоб найти избавление от трудных обстоятельств, — другой — чтоб охранялось его благополучие. Здесь встретишь благочестивую жену, молящуюся о чадах, испрашивающую отлучившемуся мужу возвращения, а болящему — здравия.

Прошения ваши да будут приличны мученикам. Юноши да подражают им, как сверстникам; отцы да молятся о том, чтоб быть родителями подобных детей; матери да изучают повествуемое о доброй матери. Ибо мать одного из сих блаженных, увидев, что другие скончались уже от хлада, а сын ее, по крепости сил и терпеливости в мучениях, еще дышит, когда исполнители казни оставили его в надежде, что переменится, сама, взяв собственными своими руками, положила его на колесницу, на которой везли прочих к костру. Вот в подлинном смысле мать мученика! Она не пролила слезы малодушья, не произнесла ничего низкого и недостойного по времени; но говорит: „Иди, сын, в добрый путь с сверстниками и с товарищами; не отставай от сего лика; не позже других явись ко Владыке”.

Вот подлинно доброго корня добрая отрасль! Доблестная мать показала, что питала его более догматами благочестия, нежели молоком. Так был он воспитан, так предпослан благочестивою матерью! А диавол остался посрамленным: потому что восставив на мучеников всю тварь, увидел, что все препобеждено доблестию их, — и ветреная ночь, и холод страны, и время года, и обнажение тел.

Святой лик! священная дружина! непоколебимый полк! общие хранители человеческого рода! добрые сообщники в заботах, споспешники в молитвах, самые сильные ходатаи, светила вселенной, свет церквей! Вас не земля сокрыла, но прияло небо; вам отверзлись врата рая. Зрелище достойное ангельского воинства, достойное патриархов, пророков, праведников; мужи в самом цвете юности, презревшие жизнь паче родителей, паче детей возлюбившие Господа! Находясь в возрасте, наиболее полном жизни, вменили они ни во что временную жизнь, чтоб прославить Бога в членах своих: став *позором миру, Ангелом и человеком* (1 Кор. 11, 19), восставили падших, утвердили колеблющихся, усугубили ревность в благочестивых. Все, воздвигнув один победный памятник за благочестие, украсились одним венцом правды, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков! Аминь.

О Г Л А Ш Е Н И Е X I V

*О богоугодной нашей жизни и о том, что не следует
бояться во времени гонений*

Братия и отцы. Нам должно говорить, а не молчать долго. Ибо молчание наводит сон на душу; а такой сон — причина смерти. Молясь об избавлении от него, святой Давид говорил: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (Пс. 12, 4). Слово же, движущееся в сердце, есть источник воды, текущей в живот вечный. Что может быть полезнее его? И зная это, блаженный апостол говорил: *слово Христова да вселяется в вас богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех* (Кол. 3, 16). Видишь, он призывает нас учить друг друга и вразумлять и не довольствоваться только лишь своими воспоминаниями. Я же, смиренный, признаюсь, что всякий раз, как беседую с вами, получаю пользу, ибо отзываю себя от мятежа этой жизни, делаюсь более грезвым и прихожу к сознанию собственных прегрешений. Ведь настоящая жизнь есть мятеж; в течение ее ежедневно вторгаются злые речи и суетные слухи, одновременно и диавол на-

Из книги „Творения Преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита”. Т. 1. — С.-Петербург, 1907.

падает враждебными помыслами. Должно всегда устранять это словом и хранить свою совесть чистою и внимать тому, к чему назначены. К чему же мы определены? К тому, чтобы, как написано, *служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева* (1 Сол. 1, 9—10). Но никакой раб не дремлет, не отдыхает и не спит, ожидая своего господина, повинный его суду, но трезвится, бодрствует и беспокоится о встрече его, о которой снова ясно говорит апостол: *потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках и в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Сол. 4, 16—17).

Но кто же это? Нищие духом, плачущие, чистые сердцем, кроткие, миротворцы, милостивые, выдержавшие до конца иго послушания, сохранившие исповедание ненарушимым — эти будут с Ним. Но те, кто совершал худые дела, непослушные, непокорные, отступники от исповедания, отвергшие послушание, делатели иных зол — эти ни на облака не поднимутся, ни с Господом не будут, но, что самое бедственное, — *подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его* (2 Сол. 1, 9).

Да не будет ни помыслить, ни сказать этого о вас! Поэтому нам должно взывать о помощи и заботиться о своем спасении, зная, что и гонение пред лицом нашим. Вот, кроме других, схвачен и эконом брата Григория. И что будет впереди не знаем; и искушения, как кажется, приближаются к нам. Но

не устрашимся и не убоимся пред восстающими на нас искушениями. *Если Бог за нас, кто против нас?* (Рим. 8, 31). Если в прошлых гонениях Он был с нами, почему не быть Ему с нами, смиренными, и в настоящих, подавая нам крепость и силу на все, по Своему обетованию. Что же еще сделают наши противники? Опять изгонят? Но *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Опять заключат в темницу? Но нет ничего слаще, как быть заключенным в темницу за Христа. Снова бичевать станут? Но тем больше доставят нам венцов. А если и умертвят? Ведь и Господь наш был умерщвлен? *Если мы с Ним умерли, говорит апостол Павел, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11—12).

Таков был блаженный и величайший свидетель Христа, Феодор, память которого мы ныне совершаем. Все с радостью претерпел он за Христа. С такой же верностью и мы, смиренные, послужим еще Господу; с такой же надеждою перенесем всякую скорбь и тесноту грядущих бед, чтобы как за послушание, так и за исповедание удостоиться нам быть наследниками царства небесного во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому честь и слава со Отцем и Сыном и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ОГЛАШЕНИЕ XXVIII

О вере и о том, что не должно напрасно и безрассудно расточать нашу жизнь, и о том, что настоящее есть сон и тень в сравнении с будущим

Братия и отцы. Раз в год засеянная земля доставляет земледельцу плоды на весь год. Душа же, и

ежедневно принимая сеяние наставления, едва в течение целой жизни воздаст плоды добродетели. И причина этого — *потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его* (Быт. 8, 21). Поэтому добродетель трудно достижима для естества человеческого. И никто не может победить зла, не изнуряя себя многим и продолжительным трудом и не страдая. И это показали святые, которые жили в аскетических подвигах, борясь с грехом. Чего они домогались или чего искали? Обетованных благ, как написано: *„не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Где имели залог своего ожидания? В самой вере. Ибо Бог, давший им твердую веру, дал им способность надеяться без сомнений, а с надеждой, и силу творить знамения и чудеса. Поэтому они, как говорит святой апостол, *верою побеждали царства, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не принявши освобождения, дабы получить лучшее воскресение* (Евр. 11, 33–35). Видите, как велики и сколь многи победы веры? *Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр. 11, 1). Поэтому, укрепляясь в ней, будем и мы, братия, побеждать диавола, бороться с пагубными страстями. Похоть плоти есть огонь, и теперь воспламеняющийся. И если мы угасим ее слезами и молитвами, станем торжествовать вместе с детьми. Необузданные страсти бесчестия суть дикие звери, и если мы обуздаем их порабощением плоти и подчинением жизни, с Даниилом возрадуемся. Почему малыми

трусами не наследуем обетованной вечности? Разве настоящее не есть сон и тень в сравнении с будущим? Однако, и это сравнение не соответствует истине. Ибо как возможно конечный век сопоставлять с бесконечными веками? Или как возможно с бесконечными делами сравнивать мир, который скоро окончится? Впрочем, мы думаем, что там будет бесконечная и неисповедимая радость радующихся, там и (бесконечное) наказание наказанных; и если только мысль об этом причиняет нам смущение, то насколько более — нестерпимый действительный опыт. Поэтому впредь пусть ни один день не протекает нерассудительно и вне правил и тем не поглощает нашей жизни напрасно и бесплодно, но каждый день пусть считается, по наставлению святого Антония, как бы последним, и таким образом улучшает нас и делает готовыми к исходу. Но как можно, скажет кто-либо, исполнить это в общежитии, где каждого отвлекает на сторону его служение? Совершенно возможно, если пожелаем, и гораздо более возможно, чем для избравших покой. Ибо там собственная воля, собственная власть во всем и жизнь без указания погрешностей — нерадивы к мысли о смерти. Здесь же мученическое отсечение своей воли, назначенное служение и, сверх того, случающиеся эпитимии наилучшим образом готовят к смертному приговору. Поэтому и блаженный апостол, говоря: *я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю вашу, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем* (1 Кор. 15, 31), сказал это, не в покое пребывая, но мучимый бесчисленными испытаниями. Поэтому и мы будем заботиться о том, чего ищем, никогда, ни днем, ни ночью, не переставая помнить о смер-

ти. Ибо таким образом, по милосердию Божию, мы отгоним от себя и злую похоть, и пренебрежение служением, и уныние, и беспечность, и злую клевету, и всякое другое зло. Затем, приходя и к концу своей жизни, как предупредившие его своей заботой о смерти, не будем бояться и смущаться, но спокойно будем взирать на святых ангелов, с большой радостью изыдем из тела и достигнем жизни вечной во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ОГЛАШЕНИЕ LI

О том, что нам должно быть смелыми и мужественными во время настоящего гонения

Братия и отцы. Сегодня нам предстояло говорить о воздержании, так как святая čtyредесятница у дверей. Но распространяющиеся всюду толки не позволяют нам этого сделать, перенося нашу мысль и наше слово на другое. Ибо я сообщил уже вам в предшествовавшем поучении, что император рассматривает наше дело и теперь, как говорят, сильно угрожает нам чрез начальника Никомидия. Если мы ответим на них достойно Бога, он несомненно не снесет этого и исполнит то, что задумал. Что же сказать на это? Снова гонение и снова получение почетного венка. Где умножаются страдания, там умножаются и утешения Святого Духа. Ибо апостол говорит: *ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения*

и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим; и надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях (наших), так и в утешении (2 Кор. 1, 5—7). Этими словами апостол показал нам, что мы взаимно друг с другом участвуем в утешениях и страданиях, как сущие одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания (Еф. 4, 4). Поэтому впредь не будем падать духом, не будем отчаиваться, но все вместе поднимемся, как добрые воины Христовы, нося наше оружие не плотское, но сильное Богом для того, чтобы разрушать укрепления (врагов), т. е. рассудительность, мужество, целомудрие, справедливость, и тем исполним сказанное Богом: когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой (Мф. 10 23). И уходя туда, не станем беспокоиться о том, что едим, или что пьем, или во что оденемся (Мф. 6, 31). Ибо Сам сказал: „не оставлю тебя и не покину тебя” (Евр. 13, 5), так что и там Он откроет нам дверь и во всем придет на помощь нам. Как же не радоваться нам, имея таковые обетования? Как не веселиться, что мы — ученики Господа? Так гнали и святых апостолов, которым Господь сказал: блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Мф. 5, 11—12). Итак, настоящее достойно радости и веселия. Ибо оно уготовляет нам радость неизглаголанную, жизнь вечную и царство нескончаемое. Сказано: на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите (Мф. 10, 5). Это нужно понимать в отношении к еретикам. Поэтому мы не войдем в их церкви и

дома, но остановимся там, где будет сын мира, семя благочестия, и оттуда будем получать пищу, как и в прежнее время. Будем остерегаться тех, которые притворяются, что держатся истины, которые говорят, что они руководители, но они не руководители, а обманщики, вводящие в заблуждение и сами блуждающие, *прельщающе и прельщаемы* (2 Тим. 3, 13), *праведен суд на таковых* (Рим. 3, 8). Будем хранить веру неуклонную и жизнь непорочную, не ослабляя одной другую, но в той и другой пребывая непорочными и совершенными. Предмет предстоящего исповедания есть учение о воплощении Господа нашего Иисуса Христа. Кто не исповедует, что Господь наш Иисус Христос может быть изображен живописью, тот не исповедует, что Он был видим во плоти. Ибо быть видимым во плоти и быть предметом, доступным для изображения живописью, — одно и то же. Кто не поклоняется святой иконе Его, тот не поклоняется Господу. Ибо на иконе — самый первообраз, и икона является взору и ей воздается поклонение как первообразу того, кто изображен на ней. Хотя иконоборцы и говорят, что они чтут (Господа), но они лгут. Ибо сказано: *они говорят, что знают Бога; а делами отрекаются* (Тит. 1, 16). Мы же поклоняемся Христу и Его иконе, поклоняемся Богородице и Ее иконе, святым и их иконам. И это — апостольское учение, которое мы получили от святых отцов наших. И этот залог предлагаю вам, дети и братия, сохранить чрез Духа Святого, живущего в вас, целым и неповрежденным. Молитесь же о нас смиренных, *да даст нам Господь слово по отвержению уст наших* (Еф. 6, 19) для ответа, чтобы мы не были посрамлены упованием нашим и чтобы вместе с вами безукоризненно совер-

шили предстоящий нам подвиг и достигли царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ОГЛАШЕНИЕ LXII

О том, чтобы мы подражали страданиям Господа

Братия и отцы. Как хорошо случилось, что мы удалились из того монастыря! *Ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?* (1 Кор. 10, 29). И зачем нам еще губить себя напрасно? Мы устроились, как возможно было и как позволяло время. Теперь же, когда гонители прекратили преследование за Христа, — ибо само время требует этого, — необходимо слушать (как и делают некоторые) пророка, говорящего: *изыдете от среды их, отлучитесь* (Исаия 52, 11). Если же иные поступают иначе в этом отношении, сами дадут отчет пред Господом в день суда. Мне же кажется, что присоединяться к ним то же самое, что быть безразличным в отношении к еретикам. Видите, что отделение от них удаляет нас от мира и вместе с тем ведет к скорби, тесноте, голоду, преследованию, темнице и смерти. *Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим, 8, 37), Который, когда видит душу, жаждущую Его, подает ей силу, чтобы она могла перенести мучения за Него, как свидетельствуют вместе с другими и сорок мучеников, которых память мы совершали недавно. Ибо мы не можем сказать, что они были другой природы сравнительно с той, какую мы имеем. Но так как они возлюбили Бога от

истинного сердца, то и укрепились в своей немощной плоти победить невидимого врага и совершить такой и столь великий подвиг, который воспевают все христиане. И действительно, блажен тот, кто удостоился быть общником страданий Христа, хоть сколько-нибудь: гонимый, — потому что и Он был гоним, схваченный, — потому что и Он был взят, поруганный, — потому что и Он был поносим, потерпевший бичевание, — потому что и Он потерпел, заключенный в темницу, — потому что и Он был заключен в нее. Вот почему и написано: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может* (2 Тим. 2, 11–13). Видите, каковы и сколь велики обетования и угрозы. Будем же впредь напрягать свои силы и подвизаться, чтобы не посрамить того, что мы претерпели милостью Христа: изгнания, темницы, бичи. Хотя не все мы были заключены в темницу и не все подверглись бичеванию, однако такое общение жизни бывает и общением страданий. Ибо *страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26). Будем же и далее *одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания* (Еф. 4, 4), имея главой Христа, чтобы угодить Богу и достигнуть царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР, КАМЧАТСКИЙ МИССИОНЕР

4 ноября — 22 октября ст. ст. 1962 года в день чествования Казанской Божьей Матери, в Москве скончался великий труженик, исполнивший в жизни своею слова Христа Спасителя: *„Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”*.

Днем 5 ноября он был перевезен в храм подворья Троице-Сергиевой Лавры на ст. Переделкино, где на следующий день 6 ноября—24 октября ст. ст. — в день праздника иконы Божьей Матери Всех Скорбящих Радосте, там же похоронен в склепе у алтаря. Над могилой его поставлен большой деревянный крест, на котором прибита дощечка с надписью:

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР – АНИСИМОВ 1884–1962
КАМЧАТСКИЙ МИССИОНЕР

Митрополит Нестор, в миру Николай Анисимов, родился в Вятке 9 ноября ст. ст. 1884 года в день иконы Божьей Матери Скоропослушницы. При крещении получил имя Николай в честь свят. Николая, которого особенно чтит и горячо любил всю жизнь. Отец его был военный. У Коли был только один старший брат Иларий. Мать его из духовной семьи была человеком глубоко религиозным и имела большое влияние на сына. Сам Коля с детства отличался особой любовью ко всему святому. *„Какая-то неведомая сила влекла меня к церкви”*, — рассказы-

вал он о себе. Когда он был еще совсем маленьким, на него произвело громадное впечатление архиерейское служение и мать ему рассказывала, что он, молясь Богу, просил: „Боженька, лоди меня алхилеем”, и эта детская молитва была услышана.

У Коли было очень большое горе: отец его, человек властный и суровый, не любил его и резко различал обоих сыновей. Так, например, в какой-нибудь большой праздник Иларий получал от отца богатый подарок, а Коля пятак. Нелюбовь отца доставляла ему много огорчений, но зато она заставляла ребенка искать утешения у Отца Небесного, к Которому все больше и больше прилеплялось его детское сердечко. Когда он подрос, мать объяснила ему причину неприязни отца. Пред его рождением отец захотел непременно иметь дочь, а когда родился сын, то он стал вымещать на нем свою досаду. В дальнейшем это испытание кончилось, но это было, как увидим дальше, когда Коля уже вырос.

Из Вятки отца перевели в Казань, где Коля поступил в реальное училище. В школьные годы религиозное настроение мальчика не ослабевало, а все больше возрастало и углублялось. На все деньги, которые у него имелись, он покупал бумажные образочки святых угодников. Внимательно прочитывая написанные на обороте их краткие жития, в день памяти святого ставил его иконочку в святой уголок и чувствовал, что в этот день он является его покровителем. В училище законоучитель, заметив его настроенность, старался его поддержать. Являясь в класс он говорил: „Очередной богочтец”, тут выходил Коля и читал молитву, после чего батюшка спрашивал его, какого святого чтит сегодня церковь и что ты можешь о нем сказать. Коля

всегда охотно рассказывал житие чтимого святого. Но отец на этот счет был другого мнения, и когда Коля садился учить уроки, заметив его новый образок, отнимал его со словами: „Ты опять подтасовал святого” и отдавал образок только тогда, когда уроки были выучены.

Коля очень любил нищих, убогих, слепых, стараясь как только мог оказывать им услуги. Одна слепая нищенка в порыве благодарности к нему за то, что он ее провожал, говорила ему: „Дай Бог тебе, Коленька, сто лет жить и сто рублей нажить”.

В эти ранние ученические годы произошло событие, которое имело громадное влияние на всю жизнь Коли. Самым любимым местопребыванием для него был святой храм. В Казани он ходил в монастырскую церковь. И вот однажды, когда он стоял совсем близко около служившего высокого благообразного архимандрита, тот наклонился к нему и тихо шепнул: „Мальчик,ними с меня митру”. Коля бережно исполнил приказание. В руках его оказалось такое сокровище, что он весь засиял от счастья. Не укрылись переживания мальчика от опытного духовного взора архимандрита, а был это не кто иной, как будущий дивный архипастырь епископ Андрей Ухтомский.

Он зорко следил за выражением лица Коли и после службы пригласил его к себе в келью. С этого момента началась дружба уже зрелого подвижника с ребенком, которого Господь готовил на трудный путь особого подвижничества.

Для Коли архимандрит Андрей стал аввой, так звал он его и тогда, когда сам стал уже стариком. Как сильно было влияние аввы на Колю, можно было видеть из следующего случая. Однажды Коля в

новом мундирчике забежал к авве на несколько минут, так как торопился на вечер. Авва покачал головой и только сказал: „Ах, Коленька, Коленька, и сколько же ты времени тратишь попусту”. Этого было достаточно, и со всеми вечерами было покончено навсегда.

Большое впечатление на боголюбивую душу мальчика произвело посещение Москвы с ее святынями. Отец Коли заболел и все семейство поехало на юг. В Воронеже у раки святителя Митрофана отец получил исцеление. По дороге, когда они останавливались в Москве, Коля нашел себе спутника, нищего, который повел его по святыням Москвы.

В Вятке жила родная бабушка Коли, так что на лето обычно вся семья ездила к бабушке, но после своего знакомства с архимандритом Андреем, бывали годы, когда Коля оставался на лето у аввы.

Однажды Коля с семьей гостил у бабушки в Вятке. Здесь произошла его встреча с дивным молитвенником о. Иоанном Кронштадтским. Тяжело заболела Колина мать, так тяжело, что врачи признали ее безнадежной. Горе Коли не имело границ. В это время он узнал, что в Вятку приехал о. Иоанн Кронштадтский. Коля слышал о чудодейственной молитве о. Иоанна и сердце его озарила надежда — если Батюшка помолится за маму, то она поправится. Но как добраться до о. Иоанна? Куда бы он ни приезжал, его встречали несметные толпы народа. Коля попробовал все же пойти к архиерею, тот подтвердил, что о. Иоанн будет служить, и посоветовал привести больную, но больная лежала на смертном одре и трогать ее было невозможно.

Тогда Коля проник к начальнику полиции и вы-

просил у него пропуск в тот дом, где будет о. Иоанн. Когда о. Иоанн служил молебен в одном доме, который окружала огромная толпа, Коля, благодаря своей бумажке, смог туда пробраться. Бывшая там одна старая игуменья обратила внимание на плачущего мальчика и стала просить за него, но ответ на все просьбы был таков, что все время о. Иоанна точно распределено и больше намеченных по строго составленному расписанию домов он нигде быть не может. Но, по-видимому, добрая игуменья все же записала адрес мальчика. Коля после молебна сам подошел к о. Иоанну, рассказал о своей горе и о. Иоанн велел дать ему только что освященной им воды. Матери становилось все хуже, Коля и в этот и в следующий день проникал всюду, где был о. Иоанн, но от него спешил домой, так как боялся, чтобы мама не умерла без него.

Наконец, в тот момент, когда он после всех своих тщетных попыток добиться о. Иоанна, на извозчике ехал домой, он встретил целый поезд экипажей, увидев его, кто-то крикнул: „К вам, к вам едет Батюшка“. Извозчик погнал во весь дух, чтобы опередить о. Иоанна. Коля опрометью вбежал в дом и объявил, что сейчас приедет о. Иоанн и быстро стал готовить стол для молебна. Через несколько минут действительно вошел о. Иоанн и множество народа заполнило комнату. „Где больная?“ — спросил Батюшка, больную внесли в комнату. О. Иоанн взял ее голову и прижал к своей груди и сказал: „Бедная раба Божия Антонина“. Вслед затем стал служить молебен. Молился с тем великим дерзновением, которое производило потрясающее впечатление на очевидцев. „Никогда в жизни не ощущал я так ясно силы молитвы, как в этот священный незабывае-

мый момент”, — писал об этом событии впоследствии митрополит Нестор. После молебна о. Иоанн велел сходить немедленно за священником и причастить больную, а сам уехал. Когда священник пришел, больная очнулась и очень долго исповедовалась, когда же члены семьи вошли в комнату, чтобы присутствовать при великом таинстве Святого Причастия, больная сидела, а после Причастия встала и скоро совсем поправилась.

Когда Коля уже учился в старших классах, отца его перевели в Вятку, где Коля и кончил реальное училище. Отец захотел, чтобы, по окончании его, Коля последовал примеру брата и поступил в военное училище. Это требование было совсем не по душе бедному Коле. Единственным утешением являлось лишь то, что военное училище находилось в Казани, значит, появилась надежда хоть изредка, но видеться с аввой.

И вот Коля на экзамене. Подходит к доске, где должен решить какую-то математическую задачу. Забыв все, что знал, он написал на доске: „Живый в помощи Вышнего в крове Бога Небесного водворится”. На вопрос изумленных экзаменаторов: „Ты больше ничего не знаешь?” Он ответил: „Ничего”. Его выгнали вон. Тогда он побежал к своему авве и остался у него. Через некоторое время семья его тоже вернулась в Казань. При Спасском монастыре открылись миссионерские курсы. Коля поступил на калмыцко-монгольское отделение, которое и окончил. В монастыре Коля носил духовную одежду, сблизился со студентами академии, знакомился с духовной литературой, хорошо изучил церковную службу.

На обязанности Коли было разбирать почту и

подготавливать ее на рассмотрение аввы. Однажды, это было перед началом Великого поста, Коля, по обыкновению, разбирал почту. На вопрос аввы, нет ли чего-нибудь важного, Коля ответил, что нет. „Как нет? — возразил авва. — А я видел там пакет с печатью Владивостокского митрополита. Что это такое?“ Коля равнодушно ответил: „А это митрополит Евсевий просит прислать ему монаха-миссионера на Камчатку“. Авва взял интересовавший его конверт. В это время он готовился к отъезду, умер один большой благодетель Спасского монастыря, и авва должен был ехать на его похороны. Уезжая, он серьезно сказал: „Колюша, я даю тебе послушание, то письмо, которое получено от Владивостокского митрополита Евсевия, относится к тебе, а посему, в период моего отсутствия, ты молись Богу и думай о Камчатке“. С этим он уехал.

Наступила первая неделя Великого поста. Обычно Коля всю эту неделю проводил в Божием храме, но тут на душу его легла такая невероятная тяжесть, что даже храм Божий, который он так любил, не успокаивал его. В отсутствие аввы он вернулся домой. Мать его всю неделю ходила в церковь, а Коля в церковь ни ногой. Наконец настала суббота, и мать не выдержала и обратилась к нему с вопросом о причине его странного поведения в отношении Божьего храма и позвала его с собой ко всенощной.

„Хорошо, мама, я скажу тебе все, но только пойдем не в монастырскую, а в приходскую церковь“. По дороге Коля открыл своей любимой маме всю муку, которую испытывал. Мать, человек чрезвычайно вдумчивый и серьезный, сказала ему: „Пойдем помолимся Господу, попросим Его указать тебе путь“.

Когда они вошли в храм, на амвоне стоял священник и говорил слово. Он призывал прихожан жертвовать на миссию и тут же до слуха Коли и его мамы донеслись такие слова: „Если Владыка Николай Японский со своей миссией находится в таком трудном положении, то что же мы будем говорить о Камчатке, где нет миссионеров, где народ тонет во тьме язычества, куда никто не едет...”

В это время та страшная тяжесть, которая давила душу Коли, исчезла. Вся душа его наполнилась глубокой духовной радостью. Они переглянулись с мамой и поняли друг друга. Когда стали проносить тарелку со сбором на миссии, Коля видел, как мама вытряхивает все, что у нее было в кошельке, а когда мимо него пронесли блюдо, он с полной готовностью сказал Господу: „Господи, мне нечего положить, но я отдаю себя самого”. По выходе из церкви сын упал в объятия матери и оба заплакали. Теперь оставалось объявить отцу, что Коля и сделал, вернувшись домой с бодрым радостным видом. На этот раз отец не возражал, он сказал, что хочет прежде всего в своих детях видеть честных людей, поэтому, „если это твое призвание — иди”. Тотчас принесли атлас Ильина и стали рассматривать Камчатку. С этого времени отношение отца к сыну изменилось. Он окружал его любовью и вниманием и старался не отлучаться от него. Родители благословили Колю на трудный путь. Тут же написал он и Батюшке о. Иоанну Кронштадтскому о своем намерении с просьбой благословить его, на что Батюшка тотчас ответил, прислал ему свою фотографию с надписью, в которой шлет ему свое благословение на миссионерскую деятельность на Камчатке.

Когда приехал авва, Коля радостно бросился

ему навстречу со словами: „А я еду на Камчатку”. Так что в первую минуту огорошенный авва даже воскликнул: „Да ты с ума сошел, Колька!” Но потом, увидев во всем случившемся перст Божий, стал готовить своего духовного сына к трудному пути. Прежде всего он ответил Владыке Евсевию, что нашелся юноша готовый принять монашество и ехать на Камчатку, на что Владыка ответил, что с радостью примет его, но что для него мало, если он будет только монахом, а нужно, чтобы он имел священный сан.

17 апреля 1907 года, 23-х лет от роду Коля Анисимов принял постриг с именем Нестора. 6 мая того же года рукоположен во иеродиакона. Через три дня, 9 мая, в день своего великого покровителя от купели крещения — свт. Николая, рукоположен во иеромонахи.

Началась подготовка к отъезду. Жители Казани несли свои пожертвования юному миссионеру. Незадолго до отъезда иеромонаха Нестора авве нужно было отлучиться из Казани. Он выразил желание, чтобы на пристань его проводила только семья Анисимовых. Когда все они сидели на пристани в ожидании парохода, раздался голос: „А где здесь Камчатский миссионер?” Иеромонах Нестор отозвался на зов. Ему сообщили, чтобы он немедленно направился в монастырь, где его ожидает нарочный от отца Иоанна Кронштадтского.

В монастыре посланный отцом Иоанном вручил о. Нестору иерейское облачение, сказав, что Батюшка не знает Вашего нового имени, но знает, что Вы должны быть священником и посылает Вам свое облачение. Кроме того, он передал о. Нестору неполную бутылочку хереса, сказав при этом, что

о. Иоанн велел ему передать, что он сам выпил половину этого, а ему надлежит испить вторую половину. Впоследствии на Камчатке, в тяжелые минуты болезни одна капля этого хереса являлась для о. Нестора лучшим лекарством.

Вскоре о. Нестор покинул родную Казань, отправился в далекий путь, сначала во Владивосток, где был сердечно встречен митрополитом Евсевием, и, напутствуемый его благословением, отправился на далекую Камчатку.

Тяжелая картина представилась ему. Местные жители коряки, среди которых главным образом пришлось ему работать, не имели ни малейшего понятия о самых элементарных культурных удобствах. Жили они в юртах, в которых не было дверей; попадали в юрту через дымовое отверстие, спускались по столбу с нарезками. Среди юрты разводили костер. Белья коряки не носили, на голом теле они носили одежду из оленьего меха. Ездили они на собаках, а пищей им служила вяленая рыба юкола, которую они заготавливали на целый год, в тот момент, когда она шла тучами. Занимались они охотой на пушного зверя, шкурами этих зверей платили они подать государству, на эти шкуры выменивали у приезжих купцов чай, иголки и пр., причем они часто оказывались обманутыми. Нередко сюда, пользуясь слабой охраной наших границ, приезжали иностранцы — японцы, американцы — и нещадно обирали и обижали их. Сами же они были очень невежественными, так что легко поддавались обману. И защиты у них не было никакой. Светлый Бог был для них недоступен, они поклонялись темному богу, боялись его и старались умиловить его жертвами, для этого они не жалели даже своих ездовых собак,

являвшихся для них такой же ценностью, как для русского крестьянина лошадь: закалывали их и вешали на шесты около юрт. Но по характеру своему у них было много добрых качеств. Они были гостеприимны, доверчивы, и когда в их простые детские сердца попадало семя Слова Божьего, оно приносило обильный плод. Вот как говорит об этом сам митрополит Нестор:

„Кажется, ничто в мире не может принести человеческому духу большей радости, большего удовлетворения, чем работа миссионера, когда с лучом света Евангельского входишь в мрачную темную жизнь язычника, когда как садовник бросаешь живые семена в живую человеческую душу, видишь, как под благодатным теплом и светом Христовым наливаются и зреют эти семена... полудикий язычник... вдруг открывает свои духовные очи и ослепленный светом Божией любви постигает, что во вселенной царит не злой, а добрый Бог, Бог — любящий Отец, Который любит и его, жалкого, забытого тунгуса, чукчу и коряка”.

Так было, например, в Рождественскую ночь. В эту ночь, когда в России во всех церквях люди православные славили Господа, еще совсем юный о. Нестор очутился один на далекой Камчатке в дымной юрте. И захотелось ему подышать свежим воздухом, взглянуть на небо, усеянное звездами; хозяева юрты спали, а он, выбравшись в дымовую трубу, очутился под открытым небом. И в эту минуту дивное зрелище представилось его взору: небо осветило северное сияние. Этот свет на небе принес великое утешение его скорбящей душе, он спустился обратно в юрту, разбудил спавших в ней коряков и позвал их полюбоваться чудной картиной, а затем,

воодушевленный виденным, начал рассказывать своим слушателям о той дивной Рождественской ночи, когда небо тоже озарилось светом и явился Ангел, возвестивший пастухам о великой радости для всего мира — Рождении Христа Спасителя.

Но при тех условиях, в какие попал о. Нестор, он должен был быть не только проповедником Слова Божия, но врачом, другом, учителем, а вернее, матерью для этих детей природы. Прежде всего ему надо было изучить их язык, что он и сделал. Он создал письменность и потом, как некогда святые братья Кирилл и Мефодий, на этот язык перевел Священное Писание и Богослужение.

Он должен был близко познакомиться с бытом туземцев и прежде, чем воздействовать на них, подойти к ним, снискать их доверие.

Первый раз, когда о. Нестор вошел в юрту, корячка решила угостить его чаем, при этом она взяла чашку и вытерла ее подолом своей меховой одежды. Не моргнув глазом, пришлось миссионеру выпить этот чай. Вот приходит о. Нестор в юрту, там у корячки двое детей, все покрытые болячками. Он стал уговаривать мать позволить ему вымыть ребенка, корячка долго не соглашалась. Заметив, что мать одного ребенка любит больше, чем другого, он стал просить дать ему менее любимого; после долгих уговоров корячка согласилась. Когда о. Нестор вымыл ребенка, забинтовал болячки и ребенок успокоился, тогда мать стала просить сделать то же и для другого ребенка. О. Нестор сначала делал вид, что не соглашается, а потом приступил к делу под условием, что мать будет ему помогать, это он сделал для того, чтобы научить корячку мыть ребенка. Довольная корячка рассказала соседкам, что-

бы они не отказались, когда он, то есть о. Нестор, придет мыть ваших детей, но только не пробуйте его „сала“, оно очень невкусное. За сало она приняла мыло и попробовала его.

Тяжелые условия жизни способствовали тому, что поварные болезни распространялись со страшной силой, иногда вымирал целые селения. Бывали случаи, когда среди трупов умерших копошился случайно выживший ребенок. Подобрать сирот, устроить для них приют, явилось настоящей необходимостью.

Среди туземцев о. Нестор встретил прокаженных, их изгоняли из поселка, и жизнь их была до крайности тяжела. Устроить для них колонию было одним из первых начинаний о. Нестора. Было построено три домика: один для мужчин, один для женщин, один для сестры милосердия. Из Сибири по зову о. Нестора приехала одна очень самоотверженная сестра, которая всю свою жизнь посвятила прокаженным. При колонии о. Нестор освятил домовую церковь во имя многострадального Иова. В 1908 году он служил там Пасху, в том самом облачении, которое было прислано ему о. Иоанном Кронштадтским.

Жизнь о. Нестора проходила в непрерывных поездках, так как поселки отстояли далеко друг от друга. Эти поездки были очень тяжелы и опасны. Самым обычным способом передвижения была езда на собаках, а иногда на оленях. Собаки впрягались в нарту, которая напоминала гроб. Седок сидел в этом гробообразном ящике, а каюр-возница на крыше этого ящика, над ногами седока. При переездах приходилось брать несколько подвод, так как путь был очень опасен и иногда лишь совместными уси-

лиями нескольких человек можно было выпутаться из беды. Часто буран застигал путников в пути и тогда им приходилось останавливаться на месте, иногда на несколько дней. Надо было иметь с собой припасы, но были случаи, что припасы кончались и путники были обречены на голодную смерть. Не раз пришлось о. Нестору таким образом встретиться лицом к лицу с угрожавшей ему смертью. Так, однажды он остался в буран без продуктов в берлоге целую неделю. Спас его проезжавший встречный камчадал. Когда о. Нестор и его спутники стали умолять приехавшего их накормить, он сказал: „Нет, батюшка, ты прежде благослови меня, я тебя два года не видал, а потом и поесть дам”. „Лежа на земляном полу в берлоге, — писал об этом о. Нестор, — надев на себя епитрахиль, я отслужил благодарственный молебен Господу Богу, а спасший нас добрый старичок пел за псаломщика пред поставленными бумажными иконами... горели свечи, в костер, пылавший на полу берлоги, мы положили ладану, и святое благоухание наполнило берлогу, придавая ей необыкновенный уют”.

В другой раз подводы растерялись и все терзались в одиночестве. О. Нестор остался один с коряком-каюром. Олени пали, доели последнюю юколу. Чувствовали, как холод смерти приближается. Коряк привязался ремнем к повозке и пошел искать спутников. Вот как пишет об этом о. Нестор:

„Беспомощным, жалким, одиноким, игрушкой бешеных стихий чувствовал я себя в эти минуты. С верой, благоговением читал молитвы, считая их отходными, по временам безумный страх овладевал мною и я просил тогда у Бога смерти, чтобы поскорее прекратились мои страдания. Потом молитва

успокаивала меня, страхи уменьшались и я снова находил в себе силы”.

Коряк вернулся и лег между мертвыми оленями и повозкой. На пятые сутки буря стала стихать, рассвело и они увидели себя на краю огромного страшного обрыва. Спутники нашли их. Коряки впряглись в сани и довели о. Нестора до становища и там беспредельно благодарные Богу нашли они спасение.

Однажды возницы о. Нестора, посоветовавшись между собой, подошли к о. Нестору со словами: „Батька, ты пиши записку, что ты сам помер, а то нам худо будет. Ты себя не видишь, а мы тебя видим, ты все равно не доедешь живым до дома”. С большим трудом удалось о. Нестору убедить коряков, что он доедет живым, что с Божьей помощью, действительно, и случилось.

В одну из поездок на собаках, они понесли в сторону. (Надо заметить, что хороший возница всегда предоставляет им выбрать дорогу, так был случай, когда возница заставил своими понуканиями собак идти так, как ему хотелось, и подвода провалилась в яму.) И остановились около пещеры, из которой вышли мужчина, весь в проқазе, и женщина, здоровая, оказавшаяся его женой. Узнав, что к ним приехал священник, они с радостью стали благодарить Бога за такую милость. Они сказали, что у них родился ребенок, которого они хотели окрестить, что для его крестин они выдолбили из дерева купель и только молили Бога, чтобы Он прислал им священника. На вопрос о. Нестора, как она, здоровая, живет здесь, женщина просто отвечала: „Ведь это мой муж, мы с ним венчались. Он заболел, как же я мо-

гу его бросить”. Как глубоко проникло в душу этих людей учение Христово!

О. Нестор трудился неутомимо, но скоро понял, что один, без средств, он может сделать слишком мало. Жалованья он получал только сорок рублей и все оно уходило на оплату поездок, а чтобы существенно облегчить жизнь туземцев, нужны были средства, и средства очень большие. Где же их взять? И часто думал он о том, что в Петербурге, в Москве и других городах есть люди богатые, им ничего не стоит пожертвовать несколько рублей и вообще, если б русские люди узнали об этой безысходной нужде несчастных туземцев далекой окраины, неужели бы они не пришли на помощь? И решил он кликнуть клич! Он задумал основать Камчатское братство, разработал проект его устава и даже придумал значок для членов братства. Значок должен был иметь вид креста, в центре которого образочек Спаса Нерукотворного; вокруг него надпись из Евангелия: (Лк. 14, 23) *„Убеди внити да наполнится дом Мой”*.

Со своим проектом о. Нестор отправился к митрополиту Евсевию, тот одобрил, хотя высказал опасение — захотят ли богачи поступиться своими средствами. Однако благословил о. Нестора ехать в Петербург и там хлопотать разрешение на создание Камчатского братства. И вот он в столице.

Чрезвычайно сердечно принял его Петербургский митрополит Антоний. В Александро-Невской Лавре ему была отведена келья для работы, но сам митрополит ничего не мог решить, надо было обратиться в Святейший Синод. Но здесь о. Нестора ждало немало испытаний. Обер-прокурор Лукьянов резко заявил ему, что Синод этим заниматься не будет

и чтобы он возвращался, откуда приехал. Но о. Нестор был не из таких, которые сразу сдаются.

Вернувшись в Лавру чрезвычайно огорченным, он здесь получил добрый совет. Ему посоветовали съездить к директору духовных дел инославных исповеданий Харузину.

Харузин с глубочайшим вниманием выслушал его и тут же составил длинный список адресов влиятельных лиц, к которым советовал обратиться с просьбой дать свои подписи. Имея эти подписи, о. Нестор будет иметь целую группу лиц — учредителей братства, и с этим уже легче будет подступить к хлопотам об его учреждении. О. Нестор исполнил совет.

Всюду его принимали сочувственно, давали еще адреса, так что он собрал много подписей. Некоторые члены Государственной Думы заинтересовались его делом и обещали ему свою поддержку. Во время своих поездок он наткнулся на ювелирный магазин, где ему согласились изготовить модели значков Камчатского общества. Причем хозяин магазина обещал сделать это бесплатно при условии, что в дальнейшем заказ на значки будет дан именно его магазину.

Наконец, о. Нестору было предложено сделать доклад о Камчатке в зале Епархиального Совета. Накануне доклада он попросил принести ему все газеты, которые сделали объявление о докладе. Просматривая эти объявления, он увидел в вечерней газете портрет негра с характерно вывернутыми губами и тут же заметка, в которой сообщалось, что Камчатский миссионер иеромонах Нестор, который на лодке совершает рейсы с Камчатки на Ямайку, не умеет говорить по-русски, будет делать доклад о

Камчатке. Возмущенный подобной нелепостью о. Нестор позвонил по телефону в редакцию, объясняясь приблизительно следующим образом: „Что Вы сделали со мной, я такой же негр, как Вы и, как слышите, говорю на русском языке, на Ямайке никогда не был” и т. п. Через несколько минут последовало по телефону же извинение: „получилась ошибка по вине неопытного корреспондента, посланного в Лавру с тем, чтобы он там Вас повидал и мог сделать более подробное объявление. Корреспондент же у входа в Лавру встретил негра и, вообразив, что это и есть иеромонах Нестор, попытался с ним говорить, но негр русского языка не понимал и когда корреспондент говорил ему: „Камчатка?”, он отвечал: „Ямайка”. Тогда корреспондент зарисовал его, и придумал то, о чем упомянуто выше”. Редактор просил принять опытного корреспондента, которого редакция к нему сейчас же откомандирует. Но о. Нестор заявил, что он очень занят подготовкой к докладу и предложил послать корреспондента на доклад. Этот, не лишенный комизма случай, однако, имел свое значение. Он привлек на доклад множество народа, пожелавшего поглядеть на удивительного негра-миссионера, так что, когда на следующий день о. Нестор приехал на доклад, то едва пробрался сквозь толпу. Добравшись до своего места, он увидел, как сидевшие впереди епископы передавали друг другу газету и улыбались.

Прежде чем приступить к докладу, о. Нестор объяснил недоразумение, вызванное газетным сообщением.

Горяча была его речь и растрогала присутствующих, так что когда объявили сбор в пользу Камчатки, он превзошел всякие ожидания. На блюде ока-

залось множество золотых вещей: колец, браслетов, серег, брошек и т. п. и значительная сумма денег.

На докладе присутствовали также корреспонденты, между прочим и корреспонденты газеты „Новое время“; эту газету всегда читал Государь Император. Прочитав заметку о докладе, он захотел сам увидеть миссионера, и о. Нестор получил приглашение явиться в Царскосельский дворец. Государь принял его запросто. С большим вниманием его выслушал. О. Нестор захватил с собой модели значка. Государь сделал свои поправки, а именно — исправил его так, чтобы он менее походил на обыкновенные ордена. Видя такой прием, о. Нестору пришла мысль просить себе покровителя Камчатского братства в лице наследника цесаревича Алексея. Государь обратился к императрице, как к матери, и оба дали согласие, причем Государь предложил о. Нестору приехать на следующий год за получением покровителя, так как наследнику тогда исполнится семь лет и он сам сможет дать свою подпись. На значке была поставлена буква — А, а потом о. Нестор на трех остальных частях креста поставил инициалы всей царской семьи: Н, А, М. В таком виде значок был утвержден императором.

Окрыленный успехом, вернулся о. Нестор в Лавру, теперь ему казалось, что со стороны Синода уже не может быть препятствий и что братство должно быть утверждено. Вслед затем он получил второе приглашение во дворец к вдовствующей императрице.

Наступил день, когда Синод должен был рассматривать дело о создании Камчатского братства. С волнением, но полный надежды, ожидал о. Нес-

тор в коридоре Синода окончания заседания. Выходит митрополит Антоний и с грустью говорит ему: „Ничего не вышло”. О. Нестор потерял сознание и упал на пол. Очнулся он в кровати, около него был доктор, у ног его сидел Лукьянов, который дал приказание врачу никуда не выпускать больного и сам удалился.

Несмотря на уговоры врача о. Нестор настоял на своем и уехал. Он должен был быть на приеме во дворце, и хотя большая шишка на голове не давала клобуку держаться прямо и чувствовал он себя слабым, все же в назначенное время прибыл во дворец.

„Мой сын, — сказала ему вдовствующая императрица, — был в таком восторге от Вашего доклада, что мне захотелось тоже выслушать Вас”. В эту минуту о. Нестор с недоумением посмотрел на нее, что-то помутилось у него в голове, и он не мог понять о каком сыне идет речь. Императрица заметила его взгляды и сказала: „Мой сын — Николай II. Ну что с Вами, о. Нестор, вы больны?” Тогда о. Нестор рассказал обо всем. Императрица попросила его подождать, а сама вышла поговорить по телефону со своим сыном. Вернувшись, она сообщила о. Нестору, что все устроится и Камчатское братство будет утверждено. После этого он сделал свой доклад о Камчатке. На вопрос императрицы, не сможет ли она что-нибудь для него сделать, о. Нестор просил откомандировать 10 сестер милосердия для работы на Камчатке, причем сестер посоветовал брать не столичных, а из Сибири, так как последние лучше могут вынести трудности работы на Камчатке.

И действительно, когда эти самоотверженные труженицы прибыли на Камчатку и принялись за работу, камчадалы горячо полюбили их и стали на-

зывать их „нависхат-попе”, что значит — женщина-священник.

Вскоре после визита к вдовствующей императрице Камчатское братство было действительно утверждено Синодом. О. Нестор получил в подарок от Государя бесплатный билет на проезд по всем дорогам России. Он побывал в Москве и в других городах, стараясь заполучить как можно больше членов братства — и средства потекли рекой.

На следующий год, в 1911 году, он вновь прибыл в Петербург, где вторично был принят Государем, получил покровителя и множество подарков для своих пасомых. Самым ценным подарком был чудный храм со всем оборудованием. Он весь был изготовлен из частей, надо было привезти его на место и там собрать. Храм было решено освятить в честь святителя Иосафа Белгородского, мощи которого должны были быть вскоре открыты, 4 сентября.

По распоряжению Государя о. Нестор принимал участие при открытии мощей святителя Иосафа, что доставило ему много радости и духовной поддержки. Думается, не без помощи этого дивного Божьего угодника так чудесно совершилось освящение этого посвященного ему храма.

Вернувшись на Камчатку, о. Нестор с любовью принялся за устройство этого храма. Место для него он выбрал не в Петропавловске, а вне города, на берегу моря, на той же площади, где был так называемый апаппель — идольское капище, куда туземцы приносили свои жертвы злему богу.

Когда при самом деятельном участии о. Нестора церковь была поставлена, он назначил день для освящения храма. По всей Камчатке из поселка в поселок передавалась весть о том, что будет большое

торжество. Одно обстоятельство огорчило о. Нестора: нужно освящать храм, а он один, у него нет ни одного помощника — ни чтеца, ни певца. В раздумье стоял он на берегу моря и смотрел вдаль. Вдруг на горизонте видит какую-то точку, всматривается — приближается судно, все яснее и яснее его очертания. Через некоторое время к берегу пристал пароход, русский военный корабль, охраняющий границы.

Радостно встретил о. Нестор русских моряков. Они сказали, что увидели церковь на месте, где никогда ничего не было, и пристали к берегу, чтобы узнать, откуда она взялась. Когда о. Нестор сказал им о том, что готовится освящать храм, они радостно заявили, что все придут на торжество, что у них есть и свой церковный хор из матросов, который будет петь. Так неожиданно Господь послал утешение Своему верному рабу.

На следующий день, накануне дня освящения храма, была назначена всенощная. Со всех концов Камчатки съехались камчадалы, кто на собаках, кто на оленях. И как только разнеслась весть без почты и телефона, и телеграфа! Но съехались и крещеные и язычники. Приехала на оленях и корякская царица.

Начинается всенощная. Хор запел предначинательный псалом. О. Нестор с кадиллом в руках обходит храм. В это время раздается неистовый крик, взоры всех обращаются к тому месту, откуда он исходит. Перед большим распятием с предстоящими Матерью Божией и Иоанном Богословом стоит корякская царица, со сжатыми кулаками бросается она к Царице Небесной и требует от Нее чего-то. Отец Нестор, знавший корякский язык, все понял. Он подошел

к хору матросов и сказал им: „Братцы, нам придется остановить богослужение, так как здесь происходит очень великое Божье дело, я должен успокоить эту женщину, потом я вам все объясню”. А корячка продолжала кричать: „Что Ты сделала? Зачем вы Его мучаете? Снимите Его сейчас же!” Видимо, озабоченная Божией благодатью, женщина увидела Распятого Спасителя живым. О. Нестор подошел к ней и в доступных для простого сердца выражениях объяснил, что Она ни в чем не виновата. Она Его мать и Сама страдает от Его мук, а страдает Он за всех нас, за наши грехи.

Несколько лет тому назад, когда о. Нестор принял монашество, священство и готовился к поездке на Камчатку, взяв на себя крест миссионерства, он поехал в Свяжский монастырь к одному старому миссионеру и тот спросил его, — который из трех принятых на себя крестов кажется ему самым тяжелым. О. Нестор ответил, что миссионерство, на что старик возразил: „Самым легким крестом является миссионерство, ибо не ты, но Господь будет за тебя говорить простым сердцам детей природы, а ты как сеятель будешь только бросать святыя семена в простые чистые человеческие души”.

Так случилось и сейчас. Все сказанное о. Нестором так захватило камчадалку, что она так же настоятельно, как только что требовала снять с Креста Христа Спасителя, стала требовать: „Дай мне твою веру, сейчас же дай мне ее”. О. Нестор объяснил ей, что сейчас он не может совершить над ней таинство Святого Крещения, что она приедет к нему и он подготовит ее к этому. Женщина успокоилась только тогда, когда он объяснил ей, что раз она так горячо хочет принять его веру, она ее уже имеет. Затем

о. Нестор подошел к хору певчих и объяснил матросам, что произошло. Крупные слезы катились из глаз матросов. О. Нестор призвал их продолжать прерванное богослужение.

На следующий день храм был торжественно освящен, а вскоре после этого корякская царица была крещена о. Нестором с именем Варвары. После освящения храма многие камчадалы приняли крещение. Горячо полюбили туземцы свой первый храм.

Но самым большим торжеством для о. Нестора был тот день, когда он обратился к своим камчадалам со своей речью: „Не хорошо, чтобы на одной площади стоял Дом Светлого Бога и дом бога темного. Один из них надо разрушить”. И тогда камчадалы решили оставить Дом Светлого Бога, а анапель разрушить, что и выполнили своими руками.

С каждым днем прибывали овечки в словесное стадо о. Нестора. Им понадобился уже не один храм. На средства Камчатского братства в России строились храмы, больницы, школы, приюты. Все эти здания отправлялись во Владивосток, а оттуда на пароходах Добровольного Флота безвозмездно переправлялись на Камчатку. Священников подготавливал о. Нестор из туземцев, но на посвящение они вынуждены были ездить во Владивосток. Это представляло значительные неудобства, и пришлось подумать об образовании Камчатской епархии со своим епископом. Митрополит Евсевий заявил, что свой титул Камчатский, он может передать одному только о. Нестору. К тому времени о. Нестор уже был возведен в сан архимандрита. Наконец, во Владивостоке состоялась его хиротония во епископа Камчатского.

С великой радостью встретила камчатская паства

своего любимого архипастыря, но недолго пришлось ему с ними побыть в новом сане. В 1917 году он был вызван на выборы Святейшего Патриарха и по условиям тогдашнего времени больше не мог вернуться к своей пастве. По его словам: „До трех тысяч дорогих, горячо мною любимых крестников и крестниц новопросвещенных осталось там среди девственных лесов, гор и холодных тундр”.

Но верится, что на Страшном Суде, когда он явится пред Лицем Божиим, они окружают его и он по совести сможет сказать: „Вот я и дети, которых Ты дал мне, Господи”.

Как любил он этих данных ему Господом детей, с какой любовью вспоминал о них уже в глубокой старости! При этих дорогих его старческому сердцу воспоминаниях улыбкой озарялось его лицо и с нежностью произносил он тогда: „Моя Камчатка”.

Из бесед с близкими ему людьми и составлена настоящая повесть.

Старец Севастиан Карагандинский

СТАРЕЦ СЕВАСТИАН КАРАГАНДИНСКИЙ

Эти записки принадлежат перу уже покойной Татьяны Владимировны (рукописи ее безымянны и потому мы не можем назвать ее фамилию).

Татьяна Владимировна была врачом, как явствует из ее записок. Была она и писательницей, в Самиздате существуют ее рассказы, посвященные обретению христианской веры в лагерях, где Т. В. пробыла немало лет. Для того, чтобы полнее представить духовный облик автора записок об о. Севастиане, мы предваряем их кратким воспоминанием Татьяны Владимировны о том, как в лагерях проповедуется Христос.

„Нигде, никогда я не видала и, конечно, уже не увижу и, думаю, что и никто не видал и не увидит того необычайного по силе тяготения к Слову Божию, то есть — духовной литературе, особенно Евангелию, а также Библии и другим любимым книгам на духовную тему; с этой небывалой жадной Божественных слов или о Божественных словах и ничем не заменимой потребностью в них, которое мне довелось наблюдать в тюремной, лагерной жизни пе-

риода с 1937 по 1953 год. А удовлетворить ее не было возможности, особенно в подконвойных зонах, где не могло быть общения с вольнонаемными служащими, потому что вся духовная литература, даже Молитвенник, — все было запрещено. Так что, если бы даже каким-либо образом они и попали в барак заключенных, то были бы отобраны почти тут же, при первом же обыске, которые были очень часто. Причину этой потребности, этой жажды я не буду здесь разбирать. Это тема большая, особая. Шла духовная ломка людей. Я только хочу сказать, что ни в коем случае нельзя объяснить ее желанием найти утешение. Это тяготение было несоизмеримо большего масштаба. Это также не было стремлением найти в той жизни смысл и какое-то объяснение в том, где никакого смысла нет, где полностью отсутствует логика и вообще здравый смысл. Нет, эта потребность по глубине своей была иного масштаба. Масштаб ее был велик.

А потому, как всегда в таких случаях, и родилась задача: как дать в руки жаждущему основы христианского учения и основные точные тексты Евангелия и чтобы можно было надежно скрыть их. В результате разрешения этой задачи и родилась моя работа.

Было точно рассчитано, какой величины, по длине и ширине, и во сколько листочков может быть вложена в вату телогрейки рукописная тетрадоочка, которая при обыске, когда надзиратель ощупывает руками по телогрейке, не будет прощупываться его руками. Это оказалась тетрадоочка в 20 листов, причем 2 наружных листка должны были быть чистыми, чтобы не терлось написанное. И тогда выходило 38 страниц, размером 12 x 10 см. Ее вкла-

дывали между ватой, ближе к поясу — там труднее прощупывалось.

И вот на такую маленькую тетрабочку надо было переписать мою работу в 32 стандартных страницы машинописной бумаги. Люди, умеющие писать такими буквами, как самый мелкий бисер, находились. Это были, в основном, эстонцы и латыши. Они прибывали голодные с этапов и нуждались в хлебе. А за переписку эту им платили 2,5 кг хлеба, четыре суточных „дайки” по 600. Это сильно поддерживало и подкармливало их, а обладатель такой книжечки, отдавший свой хлеб за 4 дня, считал себя „богачом”.

Книжечки эти получили большое распространение по нашему лагерю. Людей пересылали с участка на участок, а многие уходили в этап, в другие лагеря и также уносили с собой их. Все было рассчитано точно. Они не прощупывались. А телогрейка была одеждой на все сезоны”.

+

Родился о. Севастиан (Стефан по крещению) 28 ноября 1884 г. в бедной крестьянской семье, в селе Космодемьяновское Орловской губернии. Отец Василий, мать Матрена Фомины имели троих сыновей. Старший Илларион 1872 года рождения, средний Роман 1877 г. и младший Степан 1884 г. рождения.

Отец и мать были слабого здоровья, страдали болезнью легких и умерли в один год в 1889 году еще молодыми. Старшему брату Иллариону было тогда только 17 лет. На его руках осталось все крестьянское хозяйство и два малолетних брата. Младшие братья были слабее его здоровьем. Ему при-

шло сразу жениться, так как он не справился бы с жизнью и хозяйством. Маленький 5-летний Степан рано узнал тяжесть сиротства. Он рос в семье брата. Очень был привязан к среднему брату Роману за его нежную ласковую душу и был по душе своей похож на него.

Брат Роман с ранних лет стремился к иноческой жизни. Он получил еще при жизни родителей благословение от Оптинского старца Амвросия на поступление в монастырь. Это было в 1888 году, когда Фомины всей семьей ездили в Оптину пустынь на благословение к старцу Амвросию. Степану было тогда только 4 года, но он запомнил эту поездку, запомнил лицо и ласковые глаза старца Амвросия. Всю жизнь потом висел в его изголовье портрет старца Амвросия. По настоятельным просьбам Романа через три года после смерти родителей, старший брат Романа отвез его в Оптину пустынь.

Степан очень скучал о брате и мечтал уехать к брату и поступить, как и он, в монастырь. Он хорошо учился и окончил в своем селе трехклассную приходскую школу. Когда подрос, стал просить брата отпустить его к Роману в монастырь, но тот не отпускал, говоря: „Какой из тебя монах, ты куда ведь не годишься. Да и кто будет в хозяйстве помогать мне”.

А брат Роман вскоре был пострижен в монахи с именем Рафаил.

В зимние месяцы, свободные от работ в деревне, Степан посещал своего брата Рафаила в Оптиной пустыни.

В 1905 г. исполнилось его совершеннолетие — призывной возраст. Он был освобожден от воинской службы. „Выправил” в волостном управлении

паспорт и уехал к брату Рафаилу, в Оптину пустынь. Рафаил уже в это время принял схиму.

Определили Стефана келейником к старцу Иосифу, в Иоанно-Предтеченский скит. Скит находился в 3,4 версты от монастыря. Дорога к нему вела сначала через монастырский фруктовый сад, а по выходе за ограду сада нужно было идти сосновым бором меж величественных сосновых деревьев в 2—3 обхвата. Калитка под колокольней, лики пророков: Иоанна Предтечи, Ильи с черным враном, Елисея. Направо и налево от калитки, как войдешь в нее, стояли два одинаковых домика с застекленными террасками. В них и жили великие оптинские старцы. Там были их кельи. К домикам пристроены две хибарки с крылечками, в них старцы принимали народ. За оградой скита за правой кельей старцев стоял еще домик — это келья скитоначальника. Затем во всю глубину скита братские кельи. По сторонам большого храма — трапезная, кухня, баня.

Старец Иосиф жил в правой келье. Он был высокочтимый оптинский старец. Родился он 2 ноября 1837 г. В ранней юности пришел в Оптину пустынь по благословию старца Амвросия. В 1860 году стал келейником старца Амвросия и перешел в эту правую келью старцев, где жил Амвросий. Жил с ним в этой келье до его смерти (в 1891 г.). А с 1891 г. сам уже старчествовал в этой келье до самой своей смерти (в 1911 г.), прожив в ней 50 лет. Вот в эту правую келью и пришел к нему келейником Стефан и прожил в ней до 1923 г. — до закрытия монастыря. Почти 18 лет. Брат Стефана — схимонах Рафаил скончался от туберкулеза легких в 1908 году.

В 1917 г. во Введенской Оптиной пустыни Стефан

принял пострижение в монашество с именем Севастиан. В 1923 г. (за два месяца до закрытия монастыря) о. Севастиан принял рукоположение в протодиаконья. В 1927 г. он был рукоположен в иеромонахи Епископом г. Калуги.

9 мая 1911 г. скончался старец Иосиф и в его келью перешел старец Нектарий. Стефан остался при нем келейником и стал его духовным сыном. В этой келье он прожил со старцем Нектарием до закрытия монастыря, то есть до весны 1923 г. — 12 лет. А затем еще пять лет — до 28 апреля 1928 г. они продолжали жить вместе вне монастыря, в селе Холмищи, в 50 верстах от г. Козельска.

Со старцем Иосифом о. Севастиан прожил 5 лет, а со старцем Нектарием — 17 лет. Под руководством двух старцев о. Севастиан развил имеющиеся у него от рождения духовные дары и приобрел много новых высоких даров: дар кротости, рассудительности, дар высокой молитвы, дар прозорливости, милосердия и сострадания. Великая любовь привела его к принятию на себя подвига старчества в исключительно трудное время.

+

/.../ Старец Нектарий* оставлял неизгладимое впечатление какой-то своей необыкновенной тихостью, скромностью и простотой. Говорил мало. И всегда иносказательно, как бы юродствуя. Имел необычайно глубокое смирение. И очень скрывал свои духовные дары. Скитона начальничество, хотя его по старшинству назначили начальником, уступал

* О старце Нектарии см. также „Надежда“ вып. 4, 1980.

сначала старцу Варсонофию, а потом старцу Феодосию, бывшему своему келейнику. Позднее, став иеромонахом, старец Феодосий был духовником старца Варсонофия и его духовным сыном. Принял же Нектарий скитона начальство в 1920 году, после смерти старца Феодосия, в тяжелые и мученические годы жизни в ските. Народ всегда шел к нему огромной массой. Он всех принимал, но говорил: „Народ идет потому, что это келья старца Амвросия”, а себя и старцем считать не хотел. Часто говорил посетителям: „Вы об этом спросите моего келейника Севастиана, он лучше меня посоветует, он прозорлив”. Был необычайно светел лицом, очень часто отвечал шутками, вообще много шутил. Поражал своей необъятной ко всем любовью, никто не уходил от него неутешенным.

/.../ За три месяца до закрытия скита старца Нектария арестовали. Во время обыска, при аресте, у него обнаружили детские корзиночки, мячики и две куклы. „Зачем это у вас?” – спросили его. „А я сам как дитя, а когда был ребенком, у меня никаких игрушек не было, только кот был, с которым я играл”. Когда его подвели к саням, на которых его увозили, он сказал: „Подсобите мне сесть”. Это были последние слова, которые он произнес в Оптиной пустыни, где прожил полвека (47 лет) и покидал ее навсегда. Было ему 67 лет.

В селе Холмищи о. Севастиан снимал неподалеку от о. Нектария комнату. Он часто уезжал из села по делам по благословию старца Нектария то в Козельск, то в Калугу, то в села.

Старец Нектарий благословил о. Севастиана после своей смерти уезжать служить на приход. Умер старец Нектарий 29 апреля 1928 г. По теле-

грамме приезжал из Киева его духовный сын о. Адриан, вместе с о. Севастианом они облачили старца в схиму. На отпевание съехались священники из Козельска и Калуги и многие духовные дети. Похоронен старец Нектарий на пригорке, по дороге к лесу. Неутешно плакал о. Севастиан на похоронах и потом на могиле старца. После похорон о. Севастиан уехал сначала в Козельск, а затем в Калугу, а потом в Тамбов. Там он получил назначение на приход в г. Козлов, ныне Мичуринск, в Ильинскую церковь, где настоятелем был протоиерей о. Владимир Нечаев, отец ныне правящего vicария Московской епархии архиепископа Волоколамского Питирима, председателя Издательского отдела Московского Патриархата. Прослужил батюшка о. Севастиан в Ильинском храме г. Козлова 5 лет, с 1928 по 1933 год, и пользовался там большой популярностью и любовью.

В 1933 г. батюшка был репрессирован, отвезен в г. Тамбов, где был осужден на 10 лет и отправлен в Карагандинские лагеря, в Казахстан. Близкие к нему и преданные ему монахини поехали за ним. Первая уехала за ним матушка Аграфена, за ней м. Феврония, а несколько позднее м. Екатерина и Варвара. Они устроились на работу в ближайшем селе от того лагерного отделения, где отбывал срок батюшка. Груша и Варя устроились медсестрами, Катя и Феша были малограмотные, работали в колхозе. Они опекали батюшку все десять лет его заключения. Часто посещали его, носили ему еду, следили за его питанием, стирали ему белье, покупали ему все, что было нужно. Потом скопили денег и купили в г. Караганде домик в Михайловке (район города) на Нижней улице. Двое из них уехали в Ка-

раганду благоустраивать и обживать домик, а двое остались при нем в селе.

Я впервые была в этом домике в 1952 г. После приезда батюшки дом достраивали, но и тогда уже дом был удобно распланирован, была хорошая большая комната для батюшки, длинная, узкая трапезная со столом во всю длину комнаты, со скамьями, в ней потом, когда приехал батюшка, всегда садилось за стол много народа. Она отделяла комнату батюшки от комнат монахинь (в доме было еще две комнаты), а дверь из коридора вела в кухню. В конце 1943 г. поехали за батюшкой. И в начале 1944 г. привезли его в свой собственный дом. Он ходил по дому, все по-хозяйски осматривал и говорил, что нужно переоборудовать. „Да зачем же, батюшка, — возражали они, — не в Казахстане же нам вековать, вот кончится война и поедем с вами на родину”. „А кто нас там ждет? — спросил батюшка. — Кто даст условия для жизни? Там условия для нас будут трудные, здесь будем жить. Здесь условия нам все легкие будут. Здесь вся жизнь другая и люди другие. Люди здесь душевные, сознательные, хлебнувшие горя, так что, дорогие, будем жить здесь. Мы здесь больше пользы принесем, здесь наша вторая родина, ведь за 10 лет уж и привыкли”.

Вот так и остались они навсегда, все до смерти в Караганде, и похоронили мечту вернуться домой. И на Михайловском кладбище похоронены все рядом с батюшкой. Трех из своих монахинь похоронил сам батюшка, хотя все они были намного его моложе. Последнюю из трех, уехавших за ним из Мичуринска, Грушу, а в монашестве Александру, похоронил батюшка за три месяца до своей смерти 16 января 1966 г. Пережила батюшку на 10 лет

только м. Феврония, умерла она 17 марта 1976 г.

Когда батюшка обосновался на Михайловке, к нему стали съезжаться монахини со всей страны, и не только монахини, но и глубоко верующие, ищущие духовного руководства люди. Ехали и из Европейской части, и с Украины, и из Сибири, и из дальних окраин Севера и Средней Азии. Он всех принимал с любовью и помогал устроиться с жильем. Когда они материально укреплялись, работая на шахтах и рудниках, семьи их вырастали, они строили себе новые, просторные, уже добротные дома, наподобие тех, в которых жили некогда на родине, а старые домики и хибарки продавали. Продавались и хорошие, добротные дома теми, кто мог после войны возвратиться на родину.

А в Караганде открывались новые шахты и вокруг Караганды шахты и рудники росли, как грибы. Люди были очень нужны. Дома разрешали строить.

Батюшка помогал всем приезжающим к нему и желающим остаться. Он давал деньги на покупку домика тем, у кого не было, или добавлял тем, кому не хватало. Деньги ему со временем возвращали, он отдавал их другим и т. д. Скоро на Михайловке „батюшкиных” стало очень много, и они все прибавлялись. Приехала монахиня и старица Агния, прекрасная, очень талантливая художница. Она с 12 лет оставила женскую гимназию и упросила родных отвезти ее в Женскую Знаменско-Сухотинскую обитель, где в то время была знаменитая иконописная школа, там инокиням преподавали самые лучшие знаменитые художники иконописное мастерство. При этой же обители был большой сиротский приют-школа и преподаватели этой школы обучали ино-

кинь-художниц общеобразовательным предметам, конечно с духовным уклоном.

Матушка Агния была духовной дочерью старца Варсонофия и каждый год, получая отпуск, ездила к нему в Оптину пустынь. Она хорошо знала по Оптинскому скиту батюшку о. Севастиана и тоже видела его каждый год до закрытия Оптиной пустыни. Она была на год старше батюшки. Она говорила, что о. Севастиан в молодости был очень красивым, с каким-то особенно светлым лицом, был приветливым, ласковым с посетителями и старался для всех все сделать. Старец Варсонофий называл его благодатным. Старец Иосиф очень любил его и говорил о нем: „Он нежной души”.

/.../ Матушка Агния написала с о. Варсонофия талантливо исполненный портрет, который потом просили у нее в Третьяковскую галерею. О. Варсонофий незадолго до своей смерти отдал ей этот портрет, который и сам очень ценил. Он висел всегда в матушкиной келье, в Караганде. Она говорила: „Это не я писала этот портрет. О. Варсонофий писал его моей рукой”. Она была начитана, писала хорошим слогом и каллиграфическим почерком, внутренне была очень интеллигентна и тонка.

/.../ Караганда росла и строилась во все стороны на базе бывших сел, старых молоканских поселков, возникших при высылке молокан (сектантов) из царской еще России. Эти поселки, разделенные участками степи, шахтами и рудниками, были расположены далеко друг от друга.

Первым был выстроен „Копай-город”, состоящий из одних только землянок, его построили в 30—32 годах первые поселенцы — раскулаченные. Возникли поселки 1-го и 2-го рудников. Потом воз-

ник „Старый город” возле крупных шахт, из домов сначала барачного типа, а затем стандартных двухэтажных. Во время войны возник немецкий поселок с черепичными крышами, из переселенных из немецкой колонии на Волге, поселок „Майкудук”. И уже после окончания войны в 1946—1947 гг. стал строиться „новый город” с многоэтажными городскими домами. В нем Дворец спорта, кинотеатры, затем Горный институт, мединститут, клиники, пединститут, ну и все остальное, что положено в областном промышленном центре: школы, техникумы, профучилища и музыкальные училища.

Михайловка оказалась самой близкой, вплотную прилегающей к „новому городу”. А церковь была только на 2-ом руднике. Церковь была большая, за ней было большое кладбище, уходящее в степь. Но была она расположена очень далеко от всех районов города. И транспорта к ней почти никакого не было. Больше половины пути то есть 2—3 км, а то и больше, приходилось идти пешком. На Михайловке было позже открыто второе кладбище, но и оно отстояло слишком далеко от церкви. Как отпевать? Отпевали заочно или совсем не отпевали.

А на Михайловке, на Нижней улице жил батюшка с четырьмя монахинями, каждый день служил он у себя в келье литургию и вечерню. Мать Груша и мать Варя поступили медсестрами в Михайловскую больницу; мать Катя стряпала, готовила трапезы; мать Феша мыла, убирала, стирала, гладила. Везде была сверкающая чистота, порядок, тишина и необычайный, невиданный еще мною покой. Много было во всех комнатах икон, а перед ними теплились мягким светом разноцветные огоньки лампад.

А батюшка! Батюшка! Ласковый, светлый, любящий! Кто раз побывал у него на Нижней улице, никогда не забудет. Скоро жители Михайловки узнали о нем и стали приглашать его к себе, в свои дома на требы, так как дома он не мог принимать. После дневной трапезы брал батюшка оставленные ему адреса и уходил на требы, до самого вечера. Разрешения на требы не было, но батюшка ходил безотказно. Народ в Караганде тогда верный был: „не продадут“, даже дети все знали и соблюдали закон: „не скажи“.

Так шли годы. Почти все тогда в Михайловке знали и любили батюшку, очень почитали его, верили в силу его молитвы.

Слышали о нем и в других районах люди и стремились его повидать. Да и не только люди, но и звери. Когда он — маленький, худенький — шел своей быстрой, легкой походкой по улицам Михайловки, в своем длинном черном пальто и черной шапочке, из всех подворотен выползали собаки, чтобы увидеть батюшку. Они торопились, боясь опоздать, пропустить его. Где щель в подворотне была узкая и они не могли пролезть в нее, то, зачуйв батюшку, они подрывали лапой ямку, чтобы просунуть голову, распластываясь в тонкий блин. Смеясь, рассказывали это их хозяева, да я и сама видела. „Когда батюшка идет, — говорили люди, — выползают, как змеи“. Там, где у домов были низкие ограды палисадников, собаки перелетали их, как птицы.

/.../ Усиленно хлопотали жители Михайловки об открытии — постройке или переделке из дома — хотя бы небольшой церкви. Хлопотали упорно. Посылали представителей в Москву, а пока батюшка ходил по требам. Однажды, идя с троб домой,

он проходил мимо магазина, где продавались какие-то продукты и пиво. Крыльцо у магазина было широкое, с высокими ступеньками, на нем было много народу, больше мужчин. Батюшка торопливо, никуда не глядя, шел по тротуару. Вдруг он поднял голову и внимательно посмотрел на крыльцо магазина. На ступеньках стояла девочка с сумкой в руках и очень пристально на него смотрела. Она заметила, что он взглянул на нее, быстро сбежала с крыльца и пошла за ним. Он оглянулся и опять посмотрел на нее. Она пошла рядом с ним. „Ты куда идешь? — спросил ее батюшка. „Я хочу посмотреть, где вы живете”. — „Зачем?” — „Чтобы знать”. — „Ну, пойдем”. Они подошли к его дому. Батюшка остановился. „Вот здесь я и живу”, — „Можно я зайду”, — попросила девочка. „А к нам гостя”, — сказал батюшка, входя с нею в дом. „Проходи”, — сказала ласково мать Груша. Девочка стояла и с большим интересом оглядывала все вокруг: и длинный стол, и образа, и горящие лампы. Мать Варя читала молитвы. Батюшка вышел из своей кельи в светлом подряснике, с расчесанными белыми, седыми волосами. Все сели за стол. А батюшка! Он был еще лучше, еще удивительнее, еще светлее лицом, чем на улице. Когда встали из-за стола, девочка заторопилась. „Мне надо идти, нести домой, что я купила, я лучше завтра к вам приду”. — „В это время и приходи, — сказал батюшка. — А как тебя зовут?” — „Вера”.

На другой день Вера пришла. Пришла вскоре и еще. И стала ходить почти каждый день. Монахини были к ней ласковы. Она старалась помогать им. Так было долго. Однажды Вера сказала батюшке: „Я хочу у вас здесь жить”. — „Ты скажи своей маме, чтобы она пришла ко мне”, — ответил батюшка. Ве-

ра обрадовалась: „Мама согласится, у нее семья большая”. Пришла мать и, действительно, согласилась отдать Веру.

Вера быстро освоилась, монахини многому ее учили, опекали, но душою своею Вера тянулась только к батюшке. Он воспитывал ее тихо, исподволь. Она усвоила беспрекословное ему подчинение. Он задавал ей ежедневно что-то читать, книжечки духовного содержания, жития святых, ежедневно какую-то часть из Евангелия, кафизмы, псалмы, молитвы. У нее оказался хороший голос, и она пела своим звонким голосом во время всех батюшкиных служб. Постепенно она стала стараться все больше и больше сама все делать для батюшки: убирать его келью, гладить его белье и подрясник. Иногда что-то отдельно от общей трапезы варить ему, подавать и т. д. Она любила его какой-то захватывающей ее душу любовью. Она была как бы поражена им, изумлена им раз и навсегда: его любовью, его кротостью, его тихостью и благостью — всем, чего она никогда не могла ни видеть, ни представить себе раньше. Все интересы ее были в батюшке. Любовь ее была истовой, жадной и ревнивой. Она словно хотела что-то забрать от батюшки только себе, только для себя. Когда открыли церковь, Вера была одной из первых в церковном хоре. Ее звонкий молодой голос красиво звучал. Весь день ее уходил на церковные службы и уход за батюшкой. Когда он ушел в свою новую келью в „сторожке”, Вера одна только из живших с батюшкой на Нижней улице перешла с ним жить в „сторожку”. Тут уж батюшка полностью стал на ее попечении.

Она была молодая, быстрая, ловкая, ухаживала за ним, как за маленьким ребенком, и одна следила

за всеми мелочами его быта в келье, одна мыла ему ноги и умело следила за ногтями, без боли обрезала — все делала умело и очень хорошо. Понимала его без слов. Была ему бесконечно предана, стала необходимой и близкой. Она была как бы родной бабушкиной дочкой.

Хлопотали об открытии церкви не один год. Наконец, разрешили в 1952 г. открыть, правда, не церковь, а „молитвенный дом”. В нем разрешалось выполнять все требы: крестить, венчать, отпевать покойников, собираться читать молитвы, исповедовать. Но службы церковные совершать не разрешалось. Причастия не было. Все же половина дела была сделана. Свою высокую деятельность батюшка упорно продолжал дальше. Нужны были помещения.

Одна очень верующая мордовка освободила и подарила батюшке свой дом с большим двором. Еще одна верующая семья освободила неподалеку от дома мордовки свой большой дом для нужд батюшки, тоже с большим двором, а сами они переехали в меньший дом, который купили себе рядом.

Стал батюшка оборудовать „молитвенный дом”. Сняли перегородки между комнатами, те, что можно было снять, не вредя устойчивости дома. Матушка Агния стала писать большие иконы для иконостаса: Спасителя, Богородицу сначала, очень красивые, потом Пресвятой Троицы, Вознесения, Бегство в Египет, Воскресения Христова — эти иконы были особенно любимы батюшкой. Они были исполнены с большим талантом и мастерством, духовность и теплота исходили от них.

Матушка писала потом еще много икон. Вся церковь была оформлена ее иконами. Теперь могло обращаться к батюшке с требами уже гораздо большее

число людей. Особенно много было ежедневно крестин. Многие дети уже подросли, всех их вели крестить. Много было и других треб, а батюшка один, помогали ему только монахини. А главное — службы церковные не разрешались, и после утомительного дня, после молитв в своей келье, каждую ночь — в 3 часа ночи — шел батюшка по темным улицам (фонарей было мало), — не в молитвенный дом, а в другой — служить литургию.

А по праздникам батюшка начинал сначала служить всенощную с елепомазанием, с часу ночи, а после нее сразу литургию. Окна все были плотно завешены, чтобы свет не пробивался. Внутри же дома — светло, тепло, многолюдно. Светлый любящий батюшка давал кому-нибудь булочку, яблочко или пачку печенья, хотел чем-то утешить, обласкать, помочь. А я, когда начала ходить к батюшке на ночные службы, не понимала этого. Видела, что люди брали с радостью. А когда мне батюшка давал что-нибудь, отказывалась: „Не надо, батюшка, мне, у меня есть”. Он улыбался, говорил: „Это хорошо, что есть. И это сгодится тебе”. Потом женщины мне объяснили, что нельзя отказываться, что это большая радость, если батюшка что-нибудь даст, это благодать от него. Кончал батюшка службу до рассвета, и шли люди по темным улицам домой, только не группами, а по одному, по два. Так было три года и все было благополучно.

А хлопоты об открытии церкви продолжались. Опять ездил в Москву Александр Павлович Кривоносов, ученый-агроном, очень преданный батюшке, и однажды, наконец, привез разрешение открыть церковь на Михайловке.

Закипела работа в молитвенном доме, на Запад-

ной улице, в Михайловке. Стали копать, углублять пол. Наслаивать под крышей полосу и поднимать на нее потолок, поднимать крышу. На крыше поставили голубой купол — луковкой — какие бывали на церквах в старинных лесных скитах. В потолок вставляли вентиляторы, чтобы не было душно. Стали строить иконостас. Потом пристроили комнату и два тамбура. Батюшка всем руководил.

К этому времени мать Агния написала много красивых икон. И вот в 1955 году наступил день освящения храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Построили церковный дом во дворе, его называли „сторожкой“, построили сарай, а отдельный домик—крестильную возвели много позже, когда рядом купили еще один дом.

В церковном доме-„сторожке“ было четыре больших комнаты, они пристраивались к сторожке постепенно. Вторая от тамбура — большая комната — служила трапезной. Большой угол у окна занимала кухня, а напротив, в темном углу, стояла кровать поварихи Моти. Другая повариха — Мария — жила в своем доме. Они дежурили попеременно. Обе они были тихие, кроткие, приветливые.

Во всю комнату против окна стоял большой длинный стол, вдоль него скамьи, табуретки, а далее за столом, в темном углу за занавеской стояла кровать матушки Анастасии, напротив киот с иконами и лампадой.

Мать Анастасия была хозяйкой, всем ведала, распорядилась в трапезной и кухне, следила за приготовлением пищи, за тем, чтобы всех накормили: приехавших и пришедших издалека и своих. Иногда сама помогала поварихе разливать еду по тарелкам и ставить на стол. Ходила всегда в очень длинной,

до самой земли широкой юбке или платье. Голову чаще всего покрывала белым ситцевым платком, а на ногах ее были валенки непостижимой величины. Очень часто на одной ноге валенок, а на другой что-нибудь другое. Свою заботу обо всех, свою ангельскую душевную доброту она старалась скрыть, казаться суровой, часто делала замечания, обличала. Но строгость ей не удавалась. Боялись ее только еще не привыкшие к ней. Но все, все платили ей той же любовью и большим уважением.

Матушка была старица, наделенная благодатными дарами. Всех она видела, многое предвидела, но никогда не говорила, а как-нибудь сотворяла, давала знать — понимай или разгадывай, как умешь. У нее был хороший голос, она пела в церкви, стояла всегда с длинными белыми четками в руках, на левом клиросе, в своем неимоверном валенке на одной ноге.

Однажды монахини Татьяна и Ирина увидели в окно, что к ним спешает мать Анастасия. Они только что окончили высаживать на грядке помидорную рассаду и сажались обедать. Был теплый весенний солнечный ясный день. Они пригласили мать Анастасию обедать с ними. Она ответила: „Некогда”. Пошла на огород и повыдергивала из земли всю высаженную рассаду, посыпала на корни земли, сложила рассаду, еще посыпала на корни земли, поставила ящичек на крыльцо и сказала: „Пусть здесь растет”. Они, конечно, недоумевали, но молчали.

Она быстро собралась и ушла. К вечеру поднялся сильный ветер, какой бывает только в Казахстане, нагнал темные тучи, полил ливень с крупным градом. На огородах молодую поросль град побил и

смешал в кашу с землей. А мать Татьяна и мать Ирина наутро высадили из ящика на грядку свою помидорную рассаду, дивясь и ахая. А сказать ей ничего нельзя было — нахмурится, отвернется.

Из трапезной вела дверь во вторую комнату — светлую, с высоким потолком. В ней жили две молодые девушки, обслуживающие батюшку — „батюшкина Вера” и Мария Образцова. У окна стоял четырехугольный, покрытый всегда новой клеенкой, стол, на котором приготавлилась еда, прежде чем подать батюшке, а над ним образа и горящая всегда лампадка. И, наконец, — дверь в большую светлую комнату с теплым тамбуром, в батюшкину келью. Когда келья была пристроена, батюшка сразу переехал сюда, а на Нижней улице остались его монахини.

Священников батюшка подобрал себе сам. Сначала приглядывается к кому-нибудь из прихожан, потом позовет к себе и говорит: „А вам надо быть священником”. Так было с Александром Павловичем Кривоносовым, ученым-агрономом, занимавшим хороший пост по агрономному хозяйству при облисполкоме. Сам же батюшка благословил его за несколько времени до этого взять на себя эту работу. (Это он — А. П. К. ездил в Москву и выхлопотал разрешение на открытие церкви.) Он испугался этих батюшкиных слов, не хотелось ему менять очень любимой профессии агронома (он окончил Московскую Тимирязевскую Академию). Пришел он домой, долго думал, не спал и плакал. Но послушаться не посмел. Пришел к батюшке и сказал: „Благословите, батюшка, я согласен”. — „Ну, вот и хорошо, пока подучивайтесь, а потом поедете в Алма-

Ату принимать посвящение”. Так было и с Серафимом Николаевичем Труфановым, экономистом по специальности, тоже одиноким, как и Александр Павлович. Он принял священство давно, по желанию своего отца, священника, но не служил священником, а работал экономистом. Эти два священника долго служили с батюшкой.

Потом батюшка послал в Алма-Ату принимать священство бывшего церковного старосту. О. Павел стал третьим священником, а батюшка был назначен настоятелем храма и был четвертым. Дьяконом был тоже ставленник батюшки — о. Николай Самарцев. А старостой церкви стал Василий Павлович.

Прослужил батюшка настоятелем храма 11 лет с 1955—1966 гг. до дня своей смерти. В 1957 г. он был возведен в сан архимандрита: был награжден Патриархом Алексием грамотой — „За усердное служение Святой Церкви”. А в конце 1965 г. ко дню именин был награжден митрой и посохом. Перед смертью, за три дня, батюшка принял посвящение в схиму.

Неутомимое подвижничество служение Церкви от послушания в скиту Введенской Оптиной пустыни до настоятеля храма и посвящения в сан схиархимандрита нес батюшка 60 лет, с 1906 до 1966 года.

Батюшку отмечали безупречная верность церковным установлениям, постоянная забота об устройении в людских душах глубокого мира и высокая требовательность ко всем, а прежде всего к самому себе. Не снисходительной была любовь его, дар большой и глубокой рассудительности был у батюшки. И всегда во всем — умеренность. Батюшка часто говорил: „Тише едешь, дальше будешь” или „самая большая добродетель — рассудительность”. А главное всегда была в нем полная вверенность

Промыслу Божию. Вот каков был его пасторский облик.

/.../ Церковные службы были для него не только долгом, но неотъемлемым условием его внутренней жизни. Он не пропускал ни одной службы, не допускал ни одного пропуска или сокращения, или ускорения. Преодолевая тяжелые болезни, он часто сам служил литургию и выполнял требы. Особенно любил он по унаследованному монастырскому обычаю заупокойные службы и ежедневно сам усердно служил панихиды, совершая отпевания до конца жизни. Говорил, что больше любит поминать и отпевать женщин потому, что на женщинах гораздо меньше грехов.

Ему были видны все грехи усопшего. „Золотая середина нужна во всем и умеренность. А в отношении служения Богу и своего спасения постоянство нужно, — говорил он, — оно — главное, а не спешка, не чрезмерность”. И опять повторял: „Тише едешь, дальше будешь”.

Как-то батюшке сказали об одной женщине, что она стала очень много молиться. Он сказал: „Зачем, не надо, может замолиться”. „Господь не попускает страданий сверх наших сил, потому что надо все терпеть, — говорил он, — а вот гордость страшнее всего. Она — бесовское свойство”. Особенно он благоговел перед праздниками и любил иконы к этим праздникам — Пресвятой Троицы и Вознесения, как завершения искупительного дела.

Много положил труда батюшка для воспитания паствы.

Говорили, что добрая половина Михайловки как бы негласный монастырь в миру. При общении с батюшкой, само собой, неоспоримо и даже нагляд-

но ясно становилось без лишних слов, что душа живет вечно. Что со смертью наша жизнь не кончается, основная наша сущность не умирает, а только изнашивается наше тело. Что душа — не есть что-то неясное, а это — весь человек, истинный человек, внутренний человек. И было это так просто, так понятно потому, что он говорил об этом просто, как о чем-то обычном, всем давно известном.

Батюшка высоко чтит св. Иоанна Богослова, память которого он совершал особенно торжественно, благоговейно и требовал этого от своей паствы.

Преодолевая болезни, слабость, старость, он до последнего дня своей жизни выполнял свой пастырский долг, отказавшись от заветного желания своей души, отойти от настоятельства на покой и принять схиму. В поселке Мелькомбината со своей младшей дочерью и внучкой Тасей, прекрасной во всех отношениях девушкой, жил приехавший к батюшке его старший брат Илларион. Тася работала медсестрой. Батюшка купил им большой удобный дом, вот к ним и хотел он уйти на покой. Батюшке нравился поселок Мелькомбината, там же, на тихой улице купил он и хороший дом для Веры. Вера обставила его и поселила там двух женщин, а сама ездила туда очень редко. Илларион Васильевич Фомин по воскресным и всем праздничным дням приезжал с дочерью и внучкой в церковь. Он в землю кланялся батюшке, подходя под благословение. Исповедывался у батюшки, стоя перед ним на коленях, и со слезами просил у него прощения за обиды в прошлом. Был он глубокий старец, высокий, прямой, а батюшка был маленького роста. Племянница уже тоже была пожилая, очень скромная, тихая. Она и Тася очень любили батюшку.

Все батюшкины дети не ступали шагу без его благословения. Батюшка очень огорчался, если кто не слушался и не выполнял его советы, потому что это было всегда во вред, а часто и к несчастью этого человека. Батюшка в таких случаях часто плакал. Часто батюшка плакал и во время исповеди. Почему? То ли ужасаясь грехам, то ли не видел должного раскаяния, то ли предвидя что-то. Иногда сердился, но редко; всегда как бы желая заставить послушаться. Выходило это у него очень по-детски. Говорил: „Вот я возьму палку и так тебе дам, так тебе дам палкой”. Люди часто падали в таких случаях на колени и просили прощения, не палка, конечно, была страшна, а то, что растроили батюшку.

Тринадцать с половиной лет была я духовной дочерью батюшки. Это было счастье ни с чем не сравнимое. Такая полная, во всем, защита, такая любовь. Ведь что бы ни случилось, только бы успеть добежать до него, только бы успеть сообщить ему — и все он отведет, всякую беду исправит. Даже и жизнь продлит. Как-то он сказал мне, вернее проговорился, во время откровенной беседы: „Скольким я продлил жизнь”. Любил батюшка иногда пошутить и всегда очень остроумно, обладал тонким юмором, легким, доброжелательным.

Батюшка как-то рассказал мне о приезде Льва Толстого в скит после тайного своего отъезда из „Ясной Поляны”. И было это так:

Когда Лев Толстой в один из последних дней октября 1910 года приехал в скит, батюшка был келейником у старца Иосифа. Л. Толстой приехал в Оптину пустынь накануне из Козельска уже поздно вечером и ночевал в монастырской гостинице. Гостиник о. Михаил потом рассказывал, что за чаем

Толстой спрашивал его о старцах и спрашивал, кто принимает из них, принимает ли старец Иосиф, говорил, что он приехал повидаться, поговорить со старцами. „А приехали, — рассказывал о. Михаил, — они вдвоем. Постучались. Я открыл. Лев Николаевич спрашивает: „Можно мне войти?“ Я сказал: „Пожалуйста“. А он говорит: „Может, мне нельзя, я — Толстой“. „Почему же, говорю, мы всем рады, кто имеет желание к нам“. Он тогда говорит: „Ну, здравствуй, брат“. Я отвечаю: „Здравствуйте, Ваше сиятельство“. Он говорит: „Ты не обиделся, что я тебя братом назвал, все люди — братья“. Я отвечаю: „Никак нет, а это истинно, что все братья“. Ну и остановились у нас. Я им лучшую комнату отвел. А утром пораньше я служку к скитона начальнику Варсонофию послал, предупредить, что Толстой к ним в скит едет”.

О дальнейшем о. Севастиан рассказывал так:

„Старец Иосиф был болен, я возле него сидел. Заходит к нам старец Варсонофий и рассказывает, что о. Михаил прислал предупредить, что Л. Толстой к нам едет. Я, говорю, спрашивал его, а кто тебе сказал? Он говорит — сам Толстой сказал. Старец Иосиф говорит: „Если приедет, примем его с лаской и почтением и радостно, хоть он и отлучен был, но раз сам пришел, никто ведь его не заставлял, иначе нам нельзя“. Потом послали меня посмотреть за ограду. Я увидел Льва Николаевича и доложил старцам, что он возле дома близко ходит, то подойдет, то отойдет. Старец Иосиф говорит: „Трудно ему. Он ведь к нам за живой водой приехал. Иди, пригласи его, если к нам приехал. Ты спроси его“. Я пошел, а его уж нет, уехал. Мало еще отъехал совсем, а ведь на лошади он, не догнать мне было. По-

том сообщение старцам от сестры его монахини Марии было, что и от нее из Шамордина он уехал. Потом со станции Астапово пришла телеграмма нам о болезни Л. Н., в ней от его имени просили старца приехать причастить его. О. Варсонофий сразу выехал со Святыми Дарами, хотел его напутствовать, а окружающие Толстого его к нему не допустили. О. Варсонофий письмо дочери его Александре передал. Писал ей, что это ведь воля Вашего отца, чтобы я приехал. Все равно не допустили. И жену его Софью Андреевну тоже не допускали. Она в своем вагоне приехала и жила на станции в нем. О. Варсонофий очень тяжело пережил это все, сам почти больной вернулся, и всегда волновался, вспоминая это. И сказал: „Хоть он и Лев, а цепей порвать не мог. А жаль, очень жаль”. И старец Иосиф сокрушался о нем. А что кто-то посылал о. Варсонофия, то он говорил, что это неправда. „Только по одному желанию самого Льва Николаевича я поехал в Астапово”, — утверждал он.

+

Моя первая встреча с бабушкой поразила мою душу. Я приехала в Караганду через 8 лет после бабушки, 31 августа 1952 г. В Москву домой ехать было нельзя. Сначала я хотела выбрать себе местом жительства г. Кокчетав. Там был хороший, здоровый климат, леса, но там у меня никого не было из друзей. А в Караганде, за полгода до моего приезда, обосновалась моя самая близкая приятельница, врач Р. Г. Л., с которой мы 8 лет проработали в лагерной больнице и 5 лет жили в одной комнате. Многое вместе было пережито. Все пути вели в Караганду,

и я, конечно, заехала к ней. Нашлись и еще осевшие здесь друзья. И осталась я в прокопченной, пыльной, угольной Караганде, с горящими лиловыми огоньками газа на террикопниках. И уже не тянуло меня к сосновому чистому воздуху Кокчетова, никуда я не хотела уезжать от дружеского тепла и душевной близости испытанных, верных друзей. И работа нашлась по душе.

В 20-х числах октября тяжело заболела малярией Р. Г. О. (так в ориг.), температура 40—41° спадала на короткое время и вновь начинался такой же тяжкий приступ. Когда приступы удалось победить, начался вдруг тяжелый бред острого психоза.

Жила она в другом, дальнем от меня, районе. Дочь не могла с ней справиться, вызвали „скорую“, и та ночью увезла ее в психиатрическую больницу, за 20 км в г. Компанейск. Когда мы приехали туда с ее дочерью, то были совершенно ошеломлены и раздавлены. Это была не она, вид ее был страшен. Она была как животное: хватала из наших рук продукты, которые мы ей привезли, пихала их с быстротою в рот и опять хватала. Потом стала на четвереньках ходить вокруг нас. Санитары увели ее в палату. Дочь рыдала неутешно. Я повезла ее к себе домой. Приехали убитые, усталые, тоже на себя не похожие. Моя квартирная хозяйка, узнав, что случилось, стала говорить мне: „Не отчаивайтесь, я вам вот что посоветую: завтра же поезжайте, есть у нас такой район Михайловка, там живет батюшка, монах, он особенный совсем. В него уже многие сильно верят, что он может помогать в беде. Вы его попросите, он помолится и поможет вашей больной. Поезжайте, не сомневайтесь и не бойтесь. Если он согласится молиться, все с вашей больной пройдет. Вы его попро-

сите, объясните все". Адреса она не знала, говорит, в Михайловке его знают, укажут, где он живет. Когда я приехала в Караганду, я каждую субботу и воскресенье ездила в церковь на 2-м руднике. Со многими там познакомилась, но никто мне о батюшке в Михайловке не говорил.

На другой же день я поехала в Михайловку. Мне, действительно, женщины сразу показали где живет старик-священник. Он жил в самом начале Михайловки, на Нижней улице. Открыла мне дверь матушка Груша, батюшки не было дома. Я рассказала ей, зачем приехала. Она была приветлива со мной, сказала: „Да, вам обязательно надо поговорить с батюшкой, рассказать ему и попросить его помочь". Она дала мне адрес, куда он пошел на требу, сказала: „У дома этого есть скамейка. Сядьте на нее и сидите, когда услышите, что в доме запели, это значит — поминальный обед кончился и батюшка сразу выйдет. Он может не остановиться с Вами, он не любит останавливаться на улице, а Вы идите рядом с ним и говорите свое дело. Говорите и говорите все, что Вам нужно. Он хоть и будет идти, а слушать Вас будет".

Так все в точности и было. Я сидела, волнуясь, на скамейке, потом в доме запели и как только кончили петь, сразу из калитки вышел небольшого роста старичок с седой бородой, в длинном черном пальто и в черной шапочке. Не поднимая глаз и не взглянув на меня, он легкой торопливой походкой пошел вдоль улицы. Я шла рядом и рассказывала ему, почему приехала к нему. Он шел молча, не замедляя шага, но слушал меня внимательно. Когда я стала просить его помощи, он остановился, посмотрел на меня своими добрыми необыкновенными глазами,

с проникающим в душу взглядом и тихо, просто сказал: „Она не православная ведь и не верующая”. Я страшно поразились. „Да, — сказала я, — она лютеранка. Отец эстонец был, а мать русская. Она не против веры, но далека. Она хороший добрый человек”. Батюшка уже шел тем же быстрым шагом. „Это ничего, что лютеранка. Лютеране тоже христиане”, — сказал батюшка. Опять посмотрел на меня и сказал: „Хорошо, я помолюсь. Навестите ее через два-три дня, и сами молитесь усердно. Ну, мне сюда, в этот дом, до свидания”.

Через три дня было воскресенье, и мы с утра поездом выехали в Компанейск, в больницу. Во дворе нам встретилась медсестра и заулыбалась нам. „Могу вас обрадовать, — сказала она, — ваша больная второй день уже, как „проснулась”, ее уже перевели в отделение выздоравливающих — санаторное называется, вот тот дом, второй налево, идите. Она обрадуется вам”.

Нас пустили прямо в палату. Р. Г. сидела на своей койке, причесанная, аккуратная, в новом халате, с прежним своим лицом и пила чай. Очень обрадовалась нам. „Как я попала сюда? Что со мной было?” — спрашивает она нас. Конечно, мы были обрадованы и изумлены, за два дня — такая перемена. На обратном пути в вагоне я сидела в углу, отвернулась к окну и плакала. Дорогой батюшка! Какое чудо!

На другой день я не могла работать и сразу после обхода больных уехала из больницы благодарить батюшку. Дома он был совсем другой, чем на улице: ласковый, приветливый. Оставил меня у них обедать, рассказывал что-то, был веселый, и о многом меня расспрашивал.

Больше я уже не ездила на 2-ой рудник в цер-

ковь. Мать Груша дала мне адрес, где можно было ночевать, когда я буду приезжать на ночные батюшкины службы. Вскоре я стала батюшкиным лечащим врачом и его духовной дочерью. Жизнь моя потекла совсем по-иному. Я стала „батюшкиной“.

Запомнился мне навсегда первый увиденный мною случай батюшкиной прозорливости. Батюшка служил панихиду и читал записки с именами поминаемых. При чтении записки остановился и, держа ее в руке, оглянулся. „Кто это подал поминание: Ивана, Семена, Ольги, Марии?“ — „Я, батюшка“, — отозвалась одна женщина. „А Семен когда умер?“ — „Давно, батюшка“. — „Возьмите вашу записку, — сказал батюшка, — я не буду поминать. Принесите справку о его смерти“. Женщина вспыхнула. „Что вы, батюшка, я не молоденькая это делать“. — „Вот и хорошо, принесите справку!!“ Оказывается, как мне потом объяснили, есть поверие, что если записать имя живого человека в поминание „За упокой“, он начинает сильно тревожиться и его тянет вернуться к той, кто его так поминает. Женщины этой батюшка не знал, она была приезжая, иначе не рискнула бы обманывать батюшку.

Поразила меня не только батюшкина прозорливость, но и то, как он проникал в каждое читаемое им в поминании имя. И какова, значит, была сила его молитвенного поминания.

В 1955 г. у м. Марии стала болеть верхняя губа. Губа деформировалась растущей опухолью, была синяя, неприятная. Ее повели к хирургу. Он сказал, что надо срочно оперировать и дал направление в онкологическое отделение. Мое предположение, что это рак, подтвердилось.

Пошла матушка брать благословение на опера-

цию, а батюшка сказал: „Опухоль уже большая, губу срежут, а в другом месте может появиться место такое. Нет, не надо делать операции. Прикладывайся к иконе Святой Троицы, что в панихидной, Бог даст, так и пройдет”. Мать Мария обрадовалась. Я же подумала, что, видно, надежд уже на излечение нет, и дни ее сочтены. Вскоре я уехала на два месяца в отпуск. Вернулась и увидела м. Марию такую же быструю, хлопотливую. Она разжигала кадило в панихидной. На губе и следа опухоли не было. „Как же вы губу вылечили?” — спросила я. „А я не лечила ее, только к иконе Святой Троицы прикладывалась, как батюшка благословил, и опухоль постепенно уменьшаться стала и совсем пропала. Слава Богу!”

Батюшка придавал большое значение прикладыванию к иконам и ставлению свечей. Иногда он звал к себе кого-нибудь из своих духовных детей или прихожан и давал пучок свечей. Иной раз большой, иной раз меньше. И говорил: „Молись и ставь свечи почаще”. То ли угрожало что человеку, то ли он видел, что редко тот свечи ставит. Часто потом раскрывалось объяснение этому.

Если батюшка замечал, что кто-либо не прикладывается к иконам, он говорил ему: „Ты, дорогой, когда что-либо размышляешь или отвергаешь, имей в своем сердце и уме правильную рассудительность. Рассудительность есть самая высшая добродетель”. Слышала я, как он сказал одному: „Ты, дорогой, сначала пойми, что трудно тебе многое понимать, а потому и ошибаешься легко. А то ведь так и невежество свое люди за мудрость принимают”. Мне он как-то рассказал, что старец Нектарий говорил всегда, что премудрость, разум, рассудительность — это

дары Святого Духа, они приводят к благочестию. И что человек, лишенный рассудительного дара, часто помышляет в себе превосходство над другим.

Об иконах батюшка говорил с благоговением и любовью. Говорил: „Торжество православия — праздник, что празднуется? Что иконоборческую ересь победили и низвергли. На иконах Благодать Божия. Они защищают нас от темной силы. Они помощь нам от Бога. Есть особые святые, где накапливается благодать Святого Духа. И иконы есть особые по славе благодати, намоленные веками — чудотворные иконы. Иконы, как ручейки от Господа, несут нам благодать. К иконе надо относиться с благоговением, любовью и благодарностью к Богу”.

Часто батюшка повторял, как неуклонно надо свой долг выполнять. Как-то я сказала ему после панихиды: „Вы опять сегодня очень устали. Вы так долго служили панихиду”. Он взял с панихидного стола булочку и показал мне ее: „Вот видите, за каждую булочку я должен отмолиться”.

Батюшка был прост и доступен. И все же я всегда испытывала трепет перед его непостижимостью. Мое сердце всегда сжималось, когда батюшка во время службы выходил на алтарь, через панихидную, останавливался в дверях, открытых в храм и смотрел. Смотрел долгим внимательным взглядом на людей, стоящих в храме. Взгляд у батюшки бывал очень разным: бывал острым, пронизывающим, порой же словно не видящим никого, расплывчатым, порой устремленным куда-то далеко и что-то видящим вдали. Когда батюшка смотрел прямо на тебя, тогда взгляд его был „здешний”, всегда близкий и ласковый. И было тогда легко с батюшкой и радостно. И такая же любовь к нему пробуж-

далась легкая, светлая и радостная. И какая-то тишь охватывала душу.

Однажды я увидела взгляд батюшки на себе не при обычных обстоятельствах. Случилась у меня большая неприятность, даже не неприятность, а пришло ко мне большое испытание, как беда неожиданное и по моей же собственной вине. Я приехала в церковь, батюшка служил. Я ушла в дальний угол церкви, единственное скрытое место. За правым клиросом, стояло большое Распятие, закрывающее клирос, а вправо от него, к окну, был скрытый угол. Я стала на колени и горячо молилась, слезы заливали мое лицо. Вдруг, подняв, как от толчка, голову, я увидела батюшку, вернее его глаза, устремленные на меня. Он стоял на клиросе в углу, что у наружной стены, в малом промежутке между Распятием и стеной, и смотрел на меня в упор, серьезный и встревоженный. Я поняла, что он пришел ко мне, обеспокоенный моим душевным состоянием. Пришел, поторопился выслушать от меня мой безмолвный рассказ о всем, что случилось со мной. Пришел ко мне! Он никогда не выходил на клирос во время службы, да еще в этот дальний угол. Я смотрела ему в глаза. Не я, а душа моя, раскрытая ему, смотрела. И слезы текли из моих глаз уже совсем другие, а может уже и не текли больше. Плакала я, плакала от любви. Святой любви „о Господе”. И от того, что легко было вверить свою беду в его руки, и что он здесь ради меня, и никого больше нет, и от того, что так светло в храме. А главное, самое главное, что он есть вообще и что так понятно, что „Господь во Святых Своих почивает”.

Но откуда мне все это дано, за что. „И откуда мне сие...” Батюшка уже ушел и подавал возгласы

из алтаря. Он совсем короткую минуту был здесь, а я все еще плакала, потихоньку...

+

На одном из здравпунктов нашей больницы работала медсестра Софья Васильевна. Ее муж был главным бухгалтером треста. Трудно представить, сколько горя перенесла эта семья. 17 лет назад они трагически потеряли единственного сына 12-ти лет, в котором была вся их жизнь. Рана не заживала. Он пошел на балкон поливать цветы в ящике, хотел что-то поправить, перегнулся через перила и упал с пятого этажа. Родители сидели в столовой за столом, он переговаривался с ними с балкона, вдруг звонок в квартиру, и мальчика вносят мертвого. Потом посыпались новые беды, вскоре, в 1937 г., отца арестовали и осудили на 10 лет. Для Софьи Васильевны наступили одиночество, преследования, безработица, голод, холод.

Теперь все это было давно позади, все перенесли стойко, перетерпели. Жили они в большом доме, в достатке, но... подползли пожилые бездетные годы, и захотелось им взять на воспитание ребенка — мальчика. В г. Куйбышеве был очень большой „Дом младенца“, где были собраны круглые сироты до семи лет. Там раздавали детей желающим усыновить ребенка и представляющим требуемые справки и документы. Они собрались туда ехать и выбрать себе мальчика. Я сказала Софье Васильевне, что, если она хочет, чтобы был им этот ребенок к счастью, то надо ехать к бабушке и просить благословения. У них уже были взяты билеты, но оставался еще день, и мы с ней поехали к бабушке. Нам сказали, что

батюшка болен — лежит и никого не принимает. Мы стояли убитые в комнате перед его кельей. Вдруг батюшка дал звонок из кельи. Спросил, кто пришел и сказал, чтобы мы прошли к нему. Мы вошли и стали возле его кровати на колени. Он внимательно выслушал мой рассказ обо всем и наши просьбы, потом сказал: „Это хорошее пожелание, поезжайте. Можно взять ребенка, но только девочку. Мальчика брать нельзя”. И, благословляя, сказал: „Я благословляю взять девочку лет трех”. Поблагодарили мы, и сразу ушли. На следующий день они уехали. Через несколько дней они вернулись, привезли трехлетнюю девочку. Она была приветливая, ласковая, больше всего льнула к отцу, но была очень некрасивая. Не то чтобы черты лица в отдельности были плохи, нет, нормально все было, а в общем она была некрасивым ребенком. Но родители были счастливы, и этого не замечали. Они рассказали мне, как все происходило при выборе ребенка в „Доме младенца”. Когда оформили они в канцелярии документы на взятие ребенка, им сказали: „А теперь идите, выбирайте любого, какой понравится. Больных детей у нас нет. Принимаем после проверки и врачебного обследования. Сейчас как раз будут поднимать детей после дневного сна и высаживать на горшки, а вы ходите между ними и выбирайте”. — „Не успели мы пройти, — говорила Софья Васильевна, — вдоль одной стены „горшечной” комнаты, как девочка с другого конца комнаты побежала к нам, обхватила ручонками мужа за ногу, прижалась лицом к его колену и, вздрагивая всем телом, закричала: „Папа мой приехал, мой папочка приехал...” Воспитательница еле оттащила ее, взяла на руки и сказала: „Не смущайтесь, выбирайте, смот-

рите”. — „Нет, — сказал отец, — выбрать мы уже не будем. Она сама нас выбрала, оформляйте нам эту девочку”. Так и привезли они домой некрасивую девочку и не замечали этого и полюбили ее за то, что она их „узнала”.

Девочка росла веселая, очень послушная, ласковая, ко всем приветливая и услужливая. Обожала отца. Я видела, как бросалась она снимать с него ботинки и несла из спальни тапочки, когда он приходил с работы домой. Старалась помогать матери, хватала веник — подметала полы, хотя еще и не умела. Софья Васильевна говорила: „Мы ничему ее этому не учили. Все сама придумывает”. Но, конечно, очень много тепла, ласки и любви расточали они ребенку, и она, не видя этого в „Доме младенца”, впитывала это в себя, как цветок воду. Радостно стало у них в доме, все как-то светло. Когда через четыре года пошла она в школу, оказалась очень способной и прилежной, так что училась хорошо и все старалась делать в доме, с радостью помогала матери. Любила петь. И стала она выправляться и хорошеть. Просто удивительно, как исчезла ее некрасивость и как делалась она все привлекательней. Я сказала Софье Васильевне: „Дочка ваша хорошеет”. Она ответила: „Она всегда была хорошенькая”. Вот оно благословение батюшки и послушание ему!

А какие разочарования, какие тяготы, боли и беды приходилось терпеть людям, которые поступали против батюшкиного совета! /.../

Расскажу только одну печальную историю. Еще в самом начале его пастырского служения в Караганде была у него одна духовная дочь Танечка. Удивительно умная, красивая, приятная всем девочка, с чутким добрым сердцем. Она была очень привязана

к бабушке. А бабушка ее особенно сильно любил, как говорили. Собралась она выходить замуж за молодого красивого инженера из Алма-Аты. Бабушка не благословил. Она сначала послушалась, потом опять стала просить бабушку благословить, тогда он запретил категорически, настоятельно и строго. Она пыталась послушаться, расстаться. Очень много бабушка говорил с ней, убеждал. Она в конце концов сказала: „Я его люблю и все буду терпеть”. Когда она уезжала к жениху, бабушка плакал, просил ее одуматься. Поехал на вокзал ее провожать и на вокзале просил ее съездить только в Алма-Ату и вернуться. Никто не видел, чтобы бабушка был таким настойчивым. Она не вернулась. Жизнь ее сложилась очень несчастливо. Много перенесла она страданий, заболела и через два с половиной года умерла от туберкулеза.

+

От многих бед спасал нас бабушка, когда мы того и не знали, а когда знали, было это поразительно. Иногда он требовал от нас какого-то решительного поступка, но чаще все проходило как-то тихо, спокойно, как вода в речке бежит. Тихое было бабушкино водительство и заступничество. Три раза подходила в Караганде смерть к моему порогу, но бабушка не отдавал и продлял мою жизнь.

+

Очень поразил меня однажды бабушка тем, как он слышит, когда к нему мысленно обращаешься.

Однажды поехали мы вдвоем с Р. Г. в г. Сарань

навестить старых друзей. Автобус ходил каждый час, под вечер мы возвращались домой, шофер был молодой чечен. В пути нас обогнал другой автобус и шофер русский, тоже молодой парень, высунул голову из кабины и крикнул нашему со смехом: „Тащишься ты, как старая кляча!” Ну, тут нашего горячего чечена взмыло. Он нажал на большую скорость и погнал машину, чтобы обогнать обидчика, а тот еще более нажимает. Несется наша машина, подкакивает на неровностях асфальта так, что люди стоящие в проходе, головами о потолок ударяются. Ужасный страх сжимает сердце. И вот шоссе делает закругление, огибая поле, на котором уже скосили пшеницу и к ужасу своему мы видим, что шофер наш съезжает с шоссе на поле и гонит машину по кочкам поля, чтобы срезать закругленное шоссе и оказаться впереди первого автобуса. Автобус скачет по кочкам, его качает с боку на бок, дети плачут. Вот-вот сорвутся колеса, и автобус повалится вниз, ломая наши кости. Все просят кондуктора остановить шофера, а она сама белая, как бумага, перепуганная, отвечает: „Да кто его может сейчас остановить, когда он в такой дикий азарт впал”. Я понимаю, что мы на краю гибели, страх переполняет сердце, и я начинаю молиться, мысленно взывать к батюшке: „Батюшка, спаси, батюшка, помоги! Батюшка, о. Севастиан, спаси”. Смотрю в окно, а первый автобус стоит на шоссе и вся публика из него вышла и толпится вокруг него — свалилось у него колесо. Наш шофер поехал тихо, въехал на шоссе и проехал мимо первого автобуса молча, даже из кабины не выглянул. Все стали приходить в себя.

На другой день была всеобщая под праздник. Я поехала в Михайловку рано и ждала в стороне, когда батюшка пойдет в церковь. Он вышел из своей комнаты, подошел ко мне. Я хотела ему рассказать, сколько вчера натерпелась страха, а он сам спрашивает: „Это вы вчера мне кричали „батюшка, спаси, да помоги’?””

+

/.../ В 1956 г. я тяжело заболела сердцем. Много волновалась, ждала ответа по реабилитации и на работе очень переутомилась. Лежала дома и с трудом выкарабкивалась из болезни, была сильная сердечная слабость. Вдруг неожиданно начала подниматься температура до высоких цифр. Меня с большим трудом довели до моей больницы, хотя она была очень близко. Состояние было крайне тяжелое, температура 40⁰. Оказалось, что у меня брюшной тиф. Положение было катастрофическое, безнадежное. Надеяться, что мое раненое сердце справится с такой тяжелой болезнью, было очень трудно. Сознание мое было затемнено, ничего сообщить о себе я не могла, но батюшка сам послал узнать, что со мной, и тут же приехали ком мне о. Александр и м. Анастасия. Я лежала одна в изолированной палате. Как увидела я их обоих возле себя, сознание мое прояснилось, я велела сестре, чтобы никто не входил ко мне в палату. О. Александр исповедовал меня и причастил. Я сама прочла присланное мне с ними батюшкино письмо. Оно было коротким, но дало мне надежду и силу. Батюшка написал всего несколько строк: „Христос посреди нас, многоуважаемая и дорогая Т. В.! Ваша тяжкая болезнь не к смерти, а к славе

Божией. Вам еще предстоит много трудиться. А мы сейчас позаботимся о Вас. Иер. С. Фомин”.

После причастия о. Александр и м. Анастасия еще долго сидели и молились у меня в палате: читали Евангелие, молитвы. Я все ясно понимала. К ночи температура у меня снизилась, а на следующий день стала почти нормальной. Я стала поправляться медленно, но верно. Через два месяца я получила документы по реабилитации и поехала в Москву оформлять все свои новые права. Я опять вернулась в Караганду, до получения в Москве квартиры.

+

В 1958 г. в сентябре месяце я торопилась в отпуск в Москву, чтобы не задерживать оформления ордера на комнату и прописки в ней. А потом должна была вернуться в Караганду, так как я обещала отпустить главного врача в отпуск, то есть остаться за него на работе (больше было некому), а уже после этого совсем уехать в Москву. С билетами в эти месяцы было трудно, а человек, через которого я могла всегда заказать билет на любое число, уехал сам в отпуск, и мне пришлось ехать на городскую станцию и, записавшись в очередь, сидеть там всю ночь, так как каждые два часа делали перекличку записавшихся.

Это была мучительная бессонная ночь на улице. Я продрогла, и нигде было даже погреться. Совсем измученная, я, наконец, утром получила хороший билет в купированный вагон и поехала прямо на работу, голодная и озябшая до костей. На следующий день я поехала к бабушке.

Бабушка уже был в церкви, но служба еще не

началась. Встретил меня, улыбаясь: „Достали билет, хорошо, хорошо, отслужим молебен о путешествующих. А на какой день билет?” — „На среду, батюшка”. Он поднял глаза и стал смотреть вверх. Вдруг он насупился, перевел на меня глаза и сказал строго: „Нечего торопиться, рано еще ехать в среду”. — „Как, батюшка, рано? Как рано? У меня же отпуск начинается, а мне нужно сюда не опоздать вернуться и в Москве успеть все сделать. Мне же билет с такой мукой достался, что же мне ждать?” Батюшка совсем нахмурился: „Надо продать этот билет. Рано в среду ехать. Сейчас же после службы поезжайте на станцию и сдайте билет”. — „Да не могу я этого сделать, батюшка, нельзя мне откладывать”. — „Я велю сдать билет, сегодня же сдать, слышите?” И батюшка в сердцах топнул на меня ногой. Я опомнилась: „Простите, батюшка, простите, благословите, сейчас пойду и сдам”. — „Да, сейчас поезжайте, а оттуда вернитесь ко мне, еще застанете службу”, — сказал батюшка, благословляя меня. Никогда еще батюшка не был таким со мной. Сдав билет, я вернулась в церковь. Настроение у меня было спокойное, было радостно, что я послушалась батюшку. Что же он теперь скажет?

Батюшка вышел ко мне веселый, довольный. „Сдали, вот и хорошо. Когда же теперь думаете уезжать?” Я была очень удивлена: „Как уезжать? Я же билет сдала”. — „Ну что ж, завтра поезжайте и возьмите новый”. Удивлению моему не было предела. „Можете сейчас, как будете ехать домой, зайти на городскую станцию и записаться в очередь. Ночь стоять не придется, домой поезжайте спать. А утром придете и возьмете билет”. Я только могла сказать: „Хорошо”. Я ничего не спрашивала. Ехала и думала:

батюшка всегда так меня жалел, почему он сейчас гоняет меня, если не хочет отпускать из Караганды, так я же еще вернусь. Приехала на городскую станцию, со списком уже стоял мужчина, только начал запись. Я была седьмая. По виду он был учитель. Я рассказала ему, что уже промучилась одну ночь. Он говорит: „Я никуда не уйду, чтобы не начали составлять новый список. Поезжайте домой, я буду вас отмечать на перекличках, — и он поместил мою фамилию. — Завтра приезжайте к восьми часам”. Я поблагодарила и уехала, наутро приехала, встала в очередь и взяла хороший билет в купированный вагон. Перед отъездом отслужили молебен, батюшка дал мне большую просфору, благословил меня, и я уехала. Когда наш поезд приближался к Волге и остановился на станции Чапаевск, я сидела в купе, дверь в коридор была открыта, и я увидела, что все пассажиры выскакивают из своих купе и принимаются к окнам в коридоре. Я тоже вышла. „Что такое?” — спрашиваю. Один пассажир пропустил меня к окну. На соседних путях пассажирские вагоны громоздились один на другом, забили и следующую линию путей, некоторые вагоны стояли вертикально, в какой-то свалке. Всех объял страх, бросились к проводнице с расспросами. Она объяснила: „Это скорый поезд, как наш, тот, что в среду из Караганды вышел, такое крушение огромное претерпел, врезался на полном ходу в хвост товарного вагона. Ну, вагоны и полезли один на другой. Тут ужас какой был, из Куйбышева санитарные вагоны пригоняли. А вагоны вот еще не скоро растащут, дела с ними много. Товарные поезда через Чапаевск не идут, в обход их пускают”. Я ушла к себе, легла на полку лицом к стене и плакала. „Батюшка, батюшка, дорогой батюшка...”

Через три месяца я уехала в Москву совсем. Батюшка отпустил меня, только сказал: „Приезжайте чаще”. Это было уже в 1959 г. Я приезжала к батюшке в отпуск. Батюшка говорил, что это редко. Была я у него в 1961 г., а в 1965 г. мне стали писать из Караганды, что батюшка стал чувствовать себя значительно слабее. Я написала ему письмо о том, что хотела бы подольше пожить около него и спрашивала его благословения. В ответ получила телеграмму: „Отец разрешил, приезжайте, ждем”. Я ушла с работы осенью 1965 г. и уехала в Караганду.

Батюшка показался мне сначала таким же, каким был в последний мой приезд к нему, в 1963 г. Он служил ежедневно — и утром и вечером, беседовал подолгу с людьми, особенно с приезжими. В храме, в церковном дворе, в „сторожке”, везде было все так же. Поэтому казалось, что и всегда будет все так же незыблемо и неизменно, и батюшка будет с нами, а иначе и быть не может. Поэтому и мне не сразу стало понятно, что у батюшки уже мало сил, и что ему огромного напряжения воли стоило держаться самому и всем управлять.

В храме, за панихидной, ему отделили перегородкой и оборудовали маленькую комнату. У задней стенки, за занавеской, стояла кровать, где он мог отдыхать во время службы, когда его беспокоили боли или сильная слабость. Там же стояли небольшой стол и кресло, сидя в котором батюшка принимал исповедников, беседовал с приезжими или со своими духовными детьми и с церковным причтом. У стола приготовлен был и второй стул, но исповедовавшиеся стояли перед его креслом на ко-

ленях, касаясь лбом его колен. Так батюшке и благословлять было удобнее.

На стенах висело его облачение. Над столом — много икон, перед ними всегда горели лампы, цветные, в серебряных резных начищенных подставках. На столе лежало Евангелие, Крест и много вынутых просфор, которые батюшка раздавал. Иногда лежало несколько булочек, конфеты, яблоки, печенье с панихидного стола, которые батюшка тоже раздавал. Меня поразило, как он сам во все вникал, во все детали церковной жизни. Каждый день он сам служил панихиду, сидя в кресле перед иконой Пресвятой Троицы. Каждую записку обязательно читал сам. Когда кончалась панихида, он подходил к панихидному столу, с которого молящиеся снимали только кутью, а остальное все он раздвигал в разные стороны и говорил: „Это несите нищим во двор, это несите в трапезную, это разнесите больным”. Часто заходил в крестильную, потом в трапезную, смотрел, кто сидит за столом. Напоминал: „Позовите того-то и того-то, а то как бы не ушли без обеда, а ехать им далеко”. Ничто не ускользало от его глаз. Утром, до службы, многие прихожане приносили в трапезную продукты — кто что жертвовал: кто овощи, кто рыбу, кто муку. Каждый праздник посылал батюшка раздавать нищим деньги.

С начала декабря начались сильные морозы. У батюшки были больные легкие. Когда он проходил через двор в церковь и вдыхал ледяного воздуха, у него начинался такой сильный кашель, что он долго не мог сказать ни слова. Я сказала О. Ф. о том, что батюшку надо переносить через двор на руках, на легком кресле, с завязанным ртом. „Я уже говорила об этом батюшке, — сказала она, — но он и

слышать не хочет, сердится”. Я говорю: „Батюшка, Вам нельзя ходить через двор в такие сильные морозы”. Он посмотрел недовольно: „Перелетать буду”. Я стала думать, как уговорить батюшку, у него и температура повышалась от обострений болезни, не только кашель.

Однажды я вошла к нему, когда он только что кончил обедать и сидел еще за столом, стала перед ним на колени. Он благословил, спросил: „Вы обедали?” — „Батюшка, дорогой, 14-ый год я вижу, как Вы печалитесь, как Вы страдаете, когда Вас не слушают, а Вы видите, что человека губит его непослушание, видите, как будет ему плохо от этого. Вы все видите. Почему же Вы не видите, как мы с О. Ф. страдаем от того, что Вы ходите по 40⁰ морозу через двор, и как бы ни прикрывали рот, вдыхаете ледяной воздух, потому что физически напрягаетесь при ходьбе, а мы с ней как врачи понимаем, как это опасно для Ваших больных легких. Вас надо переносить через двор с завязанным теплым шарфом ртом”. Батюшка молчал. Я заплакала. Он положил мне на голову свою руку и сказал: „Не плачь, пусть носят”.

+

Батюшка заметно слабел. Он стал меньше говорить с проходящими к нему, короче и не всех стал принимать. Не отказывал только приезжим из других городов, и с ними говорил иногда подолгу. А приезжих было много. Потом стал сокращать беседы и с ними, особенно если бывало несколько приезжих. Батюшкины иподьяконы — послушники Александр, Алексей, Петр и Василий — следили за тем,

чтобы никто не задерживался у батюшки. Иногда даже приоткрывали дверь и напоминали, что батюшка устал; иногда просто не допускали, говорили — батюшка отдыхает. Всегда кто-нибудь из них дежурил у двери в батюшкину комнату в церкви, и войти к батюшке было уже не так просто, как раньше, а некоторым и вообще было трудно к нему попасть. Все это было новым, необычным, связанным с состоянием батюшки, но еще не казалось угрожающим. Думалось, что все это временно, пока батюшка болеет. Но вот он поправится, и опять все будет по-прежнему. Иногда казалось, что ему становится лучше, что скоро он опять будет доступен всем. Так казалось, но не осуществилось. Хотелось удержать в памяти все о батюшке, сберечь каждое его слово. Я стала вести ежедневный дневник, записывая туда все, что видела и слышала от него. Вот отдельные выдержки из дневника.

24/II. — В первые четыре дня первой седмицы поста, в дни чтения канона Андрея Критского, трапез нет. Ничего вареного батюшка есть не разрешает, даже чайники не кипятятся. В трапезной на столе стоят кувшины с квасом, тарелки с нарезанным черным хлебом, квашеная капуста, в миске — соленые огурцы, сырой лук на тарелках. В печке, в поддувале, в золе, теплая печеная картошка и печеный лук. Людям больным желудком батюшка благословляет есть теплую печеную картошку с печеным луком. Никакой другой еды не положено.

В пятницу на „преждеосвященной” огромное количество причастников (после 4-х дней Андреева стояния и такого строгого поста).

13/III. — Приехал к батюшке из Киева молодой монах о. Павел (иеродьякон), по крещению Анато-

лий. Он родился в Париже. Семья их вернулась в Россию лет 10 тому назад. Отец его — видный ученый, профессор Киевского университета. Батюшка поместил его жить при церковном дворе, в доме м. Веры. Всю 4-ую седмицу о. Павел читал в церкви очень красиво, выразительно, отчетливо каждое слово, как никто еще до него не читал, прислуживал как иподиакон батюшке в алтаре, и все возможное время старался быть возле него. Батюшка подолгу беседовал с ним. Не только батюшка, но абсолютно все, кто жил при батюшке, полюбили его. Какое-то особенно привлекающее, трогательное обаяние было в нем. Ходил он к матушке Агнии. Был очень скромн, но во всем чувствовалась высокая культура, европейская образованность, широкий кругозор. Батюшка внимательно вглядывался в него. Вечером батюшка служил пессию.

16/III, среда. — О. Павел очень активен был в церковной службе, много читал на амвоне, помогал в алтаре, пел в хоре, беседовал в келье с батюшкой.

/.../ 21/III, понедельник. — Приехал о. Андрей из районного центра, села Осокаровка. Просил батюшку дать ему в помощь кого-нибудь: для чтения в церкви и еще для руководства хором. Никого у него нет, он один в церкви. Батюшка благословил ехать одну женщину из хора — опытную певчую, лет 30—35, по имени Анфиса. Она могла быть и уставницей. И вдруг батюшка благословил ехать с нею в Осокаровку о. Павла. Между батюшкой и им произошел очень волнующий для обоих разговор. Конечно, о. Павел ехал из Парижа в Россию, принимал монашество и приехал к батюшке не для того, чтобы оказаться в глухой степи одному. Он приехал сюда, чтобы побыть возле батюшки, а раз батюшка от-

сылает его от себя, он сказал: „Благословите меня вернуться домой, в Киев. Я возвращусь в свою пустынь под Киевом”. Батюшка: „Я тебе дам пустынь, ты ко мне приехал, и я тебя принял. Ты по своей воле приехал, я тебя не звал. Вот тебе будет пустынь в Осокаровке”.

О. Павел: „Отпустите меня, благословите совсем от Вас уехать”. Батюшка (взволнованно): „Вот я тебе дам Киев, так дам палкой, так дам тебе палкой и еще веревку возьму, да веревкой! Ты монах?” Отец Павел упал батюшке в ноги: „Простите, благословите, поеду в Осокаровку”. Сбежал в свою комнату за иконой своей, благословение отца на поступление в монастырь, когда он еще мальчиком был. Больше ничего не взял. Все его жалели. Все были расстроены до слез. Сетовали на батюшку. Вера говорила батюшке: „Вы всех своих разгоните, всех так разгоните, о. Павел нам самим нужен, как он читает, в хоре поет так хорошо, у нас мужских голосов почти нет. И везде, везде он все так хорошо, так быстро делает, и в алтаре, и в ризнице. Монахи-ни совсем уже старые. Он так нам нужен. Вы что же всех раздаете?” Пришли Саша и Паша к батюшке, говорили, что очень для хора о. Павел нужен. Пусть о. Андрей сам себе ищет и подбирает. Так и другие поедут к Вам просить. Батюшка молчал. О. Андрей торопился сегодня же уехать. Все пришли провожать о. Павла. Все упрекали о. Андрея. О. Павел имел ошеломленный, растерянный вид. Батюшка не выходил из кельи. Вера дала о. Павлу 20 рублей: „Это Вам на дорогу, когда захотите приехать к нам. А если плохо Вам там будет, приезжайте сразу, скажите батюшке. О. Андрей, Анфиса и о. Павел поехали на вокзал. Перед всенощной батюшка пил чай

и ни с кем не разговаривал. На другой день был праздник сорока мучеников. Во время всенощной батюшка был взволнован и „лютовал”, как говорили монахини. Попало о. Александру за то, что спросил: петь или читать „Слава в вышних Богу”, и еще раз попало о. Александру и Алеше Ведерникову, когда удерживали они батюшку идти кадить по всему храму. Сказал сердито: „Благословите, сам пойду кадить”. Сам обошел, кадя, весь храм.

23/III, среда. — Стояние Марии Египетской. Батюшка читал 1/2 всего канона Андрея Критского. Читал хорошо, очень внятно, лучше о. Александра. Из Сибири привезли бесноватую.

24/III, во время преждеосвященной литургии — праздник Марии Египетской — батюшка служил. Бесноватая все время то мяукала, то бляла как овца, то как коза, то кричала петухом, то лаяла пособачьи, то ржала — и это всю службу. Ее утаскивали в тамбур. Это было нетрудно. Она была крайне слаба, истощена, лицо было очень измученное, страдающее. К концу службы она лежала в углу, в церкви, измученная, на ногах не держалась. Возле нее сидели две женщины, которые ее привезли.

24/III, вечером. — Народу в церкви было немного, когда все уже разошлись, батюшка был еще в своей комнате. Хотя он сегодня не служил. Я задержалась, разговаривая с матерью диакона о. Николая Самарцева. Выписывала ей рецепт. Больше никого в церкви не было, только в углу тихо лежала бесноватая, и одна женщина с ней сидела. Вдруг раскрылись Царские Врата и вышел батюшка в полном облачении, в мантии и с посохом. Бесноватая поднялась с пола и пошла, лая и мяукая и крича петухом, к нему. Не доходя до него, громко закричала петухом.

„Ну!“ — сказал батюшка громко, и я не узнала его голоса. Она еще раз закричала, но гораздо тише. „Ну!“ — повторил батюшка. Она закричала совсем тихо, как бы издалека. „Ну“, — сказал батюшка. Она молчала. Потом сказала: „Ты — Иисус Навин“. — „Я не Иисус Навин, а — Севастиан“, — сказал батюшка властно. „Завтра утром придешь к священнику сюда, исповедуешься и потом причастись“.

25/III, пятница. — Батюшка не служил, сидел только в алтаре. Бывшая бесноватая спокойно стояла во время службы и причастилась тихо, вечером ее увезли домой, в Сибирь.

/.../ 31/III, четверг. — В три часа ночи батюшка разбудил Веру и сказал: „Мне так плохо, как никогда еще не было. Верно душа будет выходить из тела“. Позвали меня, и на машине Петю послали за Ольгой Федоровной. Я сделала ему укол и давала пить лекарства. Батюшка очень тяжело дышал, ждал с нетерпением О. Ф., спрашивал ее. О. Ф., как приехала, сразу же послала машину в больницу за кислородным баллоном. Батюшка начал задыхаться. Петя быстро привез кислород. Установили подачу увлажненного кислорода и аппарат Боброва, для капельного внутримышечного вливания. О. Ф. ввела внутривенную глюкозу. Батюшка стал дышать спокойно, температура была 38,6. Обострение было хронического воспаления легких и привело к острой легочно-сердечной недостаточности. Через полчаса баллон с кислородом оказался пуст, привезли уже использованный. Послали Петю за вторым баллоном, его хватило только на 3 часа. Тогда послала О. Ф. машину уже не в больницу, а на пункт, где заряжают баллоны, так как наступило время рабочего

дня. Третий баллон привезли уже свежезаряженный. Несколько раз делали подкожные уколы. Батюшка был в полузабытьи, но дышал ровно, спокойно.

О. Ф. пошла на работу. Я сидела возле батюшки, повторяла уколы, следя за пульсом. В 10 часов батюшка раскрыл глаза и заговорил. Температура снизилась, я опять давала лекарства. В 12 часов попросил есть, к вечеру температура стала еще ниже. Пришла с работы О. Ф., а я пошла отдохнуть. О. Ф. осталась ночевать.

2/IV, Лазарева суббота. — Ночью произошло что-то очень значительное для батюшки, исключительно важное и радостное до чрезвычайности. С вечера он спокойно уснул и хорошо спал. В три часа ночи он звонком разбудил Веру и сказал разбудить и позвать к нему о. Александра. Был весь сияющий и трепещущий от радости. Что он рассказал о. Александру — своему духовнику, о чем они говорили — никто не знал и не знает. Знаем только, что он просил его исповедовать и причастить, так как о. Александр ходил в алтарь за Святыми Дарами. После причастия батюшка запел: „Христос Воскресе” и послал Веру разбудить и позвать к нему девушек из хора, чтобы они пели ему Пасху, стихиры перед утреней. Пришли девушки, все в белых косыночках, запели тропарь Пасхи, стихиры перед утреней, ирмосы канона. О. Александру батюшка сказал при всех: „Ну, так, как в этом году, так Вы еще никогда не встречали Пасху”. О. Александр сказал: „Батюшка, поживите еще. Вы так нужны не только нам, в Караганде, но и — всей Православной Церкви. Кто же так, как Вы установите в миру монастырский уклад”. Когда девушки пропели все, батюшка сказал Вере: „А теперь давай крашеные яички”. Вера

ответила: „Сегодня, батюшка, только Лазарева суббота. Если бы сегодня была Пасха, то на столе у Вас стояли бы куличи и много лежало бы крашенных яичек, а видите — ничего еще у нас нет”. Батюшка улыбнулся: „Я знаю, я не ошибся на целую неделю. У меня сегодня Пасха. Ты бы мне только три красных яичка покрасила”. „Сейчас, батюшка, покрасю”, — сказала Вера.

Днем чувствовал себя легко, лежа в постели читал литургию. Есть вставал к столу, в голубом подряснике. Сказал, чтобы для всех приготовили обед с икрой и варили суп с икрой. „А рыбу на завтра, на завтра готовьте, на Вербное Воскресенье”. Лежал тихо, говорил мало. Лицо очень светлое. Во время общей трапезы спрашивал Веру: „Кто за столом сидит?” Вера сказала: „Кроме всех своих, здесь живущих, все Ваши четыре иподиакона, О. Ф., Т. В., о. Трифон”. Был доволен. Перед 6-ю часами вечера пил чай и сказал, чтобы одевали его и несли в церковь. Служил всенощную с великим трудом, часто отдыхал. Вышел на елеопомазание, помазал немногих, только мужчин и меня с Елизаветой Федоровной. Мы прошли из панихидной через левый клирос и вошли сразу, став за мужчинами. Мужчины у нас стоят все справа и первыми подходят к елеопомазанию. После нас, передал елеопомазание о. Александру, ушел к себе в церковную комнату и лег. Вид был изможденный.

3/IV, Вербное Воскресенье. — Ночью опять повторял пение Пасхального канона и ирмосов. Сказал Вере — варить яйца трех сортов: всмятку, в мешочек и крутые и, чтобы отличались по окраске так, чтобы каждый ел, какое любит. Утром проснулся рано и говорил с Верой, заботился, чтобы за трапе-

зой всех кормили рыбным обедом. Самочувствие стало лучше. Служил литургию. Сам причастил часть людей. Потом отдыхал в кресле, в алтаре. Служил до конца и сразу сказал, нести его домой. Я шла рядом по двору, спросила, как он себя чувствует. Сказал: „Неплохо, только слабость сильная”. Благословил, когда поднесли его к дверям кельи, что выходит во двор, и сказал: „Идите обедать, сегодня хорошую рыбу приготовили”. После обеда лежал, не вставал с постели до вечерней молитвы „На сон грядущим”. Вечером в церковь не носили.

4/IV, понедельник Страстной недели. — Принесли в храм на преждеосвященную литургию. Был слаб. Уже не пытался облачаться или даже сидеть в алтаре. Лежал в своей комнате на постели, временами дремал. После службы я пошла к нему спросить, как он себя чувствует. Он сказал: „О. Ф. до работы, утром приходила, сделала внутреннее вливание, ничего у меня не болит. Не печалься, только слабость”. Я сказала: „Батюшка, я от брата из Москвы письмо получила. Он пишет, что рад, что я возле Вас осталась на Пасху, что через меня и на него благодать приходит, чтобы я жила спокойно, все у нас в доме хорошо”. Говорила это, а сама все думала, чтобы батюшка помолился о брате, но просить об этом не решалась его затруднять. А батюшка сказал: „Вот и слава Богу, и хорошо, теперь будете жить спокойно тут”, — а потом посмотрел на меня и сразу сел на постели и стал креститься и говорить тихо: „Спаси его Господи, вразуми его, Господи, сохрани, Господи, раба твоего Владимира не только в этой жизни, но и в будущем веке, в вечной жизни дай ему вечную радость”. Потом что-то прошептал, я не рас-

слышала, я плакала. Батюшка благословил меня два раза, я вышла от него.

5/IV, вторник. — Принесли утром в церковь, лежал на своей постели. Услышал, что привезли покойника, сказал, что сам будет отпевать. Вышел в панихидную, сел в кресло. Подавал певчим возгласы. Больше ничего не мог. Евангелие читал и помогал о. Александру читать заупокойную службу. По окончании сказал о. Александру: „Пошлите сейчас побыстрее на телеграф, послать в Осокаровку, чтобы о. Павел возвращался совсем”...

/.../ 8/IV, пятница. — Утром принесли в церковь. После часов, до выноса Плащаницы, отдыхал в своей церковной комнате. Во время выноса Плащаницы стоял в облачении в алтаре, с большой свечой, казалось, что еле удерживает ее в руках. Когда люди стали прикладываться к Плащанице, стоял в царских вратах и смотрел в храм. Обед ему принесли в церковную комнату. Батюшка остался в ней отдыхать до Погребения. После Погребения домой не ушел, остался ночевать в церковной комнате один. Дверь из панихидной была во двор открыта. Ночью сторож Анфиса заходила, смотрела. Вера приходила тоже смотрела. Батюшка спал спокойно.

9/IV, суббота. — Во время обедни лежал в своей комнате. После окончания обедни надел мантию, клобук и вышел прощаться с народом. Сказал о своей тяжелой болезни. Поздравил всех с наступающим праздником Пасхи, сказал: „Я уйду от вас, уйду из земной жизни. Пришло мое время расстаться с вами. Я обещал проститься и вот исполняю обещание. Прошу вас всех об одном, живите в мире. Мир и любовь — это самое главное. Если будете это иметь между собой, то больше ничего не нужно, и

всегда будете иметь в душе радость. Сейчас мы ожидаем светлой заутрени — наступления праздника Пасхи — спасения души для вечной радости. А как можно достичь ее? — Только миром, любовью сострадательной, молитвой искренней, сердечной. Ничем не спасешься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри себя: в душе своей, сердце — мирную тишину любви, чтобы взгляд ваш ни на кого никогда косым не был. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ и добрый поступок, с сердечной искренностью. Последней своей просьбой я прошу вас об этом. И еще прошу, простите меня”.

Поклонился в пояс, пошатнулся. Тихо — еле-еле вернулся в алтарь и сказал, чтобы несли его домой, в свою келью.

Народ не расходился. Все плакали.

10/IV, Пасхальная ночь, 11 часов. — Хотел, чтобы несли его в церковь, пришли мальчики за ним, но он не мог подняться. Послал мальчиков в церковь. Они стояли в церкви с полчаса и опять пошли за ним. Вернулись в панихидную одни. Все, кто был в панихидной, ждали его, все его близкие, пришли в душевное смятение. Шла заутреня, а на сердце легла печаль. Я еле пробралась в панихидную, к двери, там много стояло народу, и побежала к батюшке. Возле него сидела Вера, а в большой комнате дежурила Мария Образцова. Батюшка посмотрел на меня и сказал: „Зачем Вы ушли из церкви, я еще не умираю... Я еще успею здесь похристосоваться, идите на службу. Стойте спокойно. Когда Вы уходили, что пели в церкви? Я сказала: „Воскресение Христово видевшие”. — „Ну, значит, заутреня еще не кончилась, идите”. Я вернулась в церковь, всех успокоила.

Когда обедня только начиналась, прибежала в панихидную Мария от батюшки и вызвала О. Ф. Она долго не возвращалась. Все стали просить меня пойти узнать, что с батюшкой. Я вошла в первую комнату. Дверь в келью батюшки была открыта. Возле него стояла Вера, за нею — Ольга Федоровна, у двери стояли мальчики. Я прошла и стала рядом с Верой. Батюшка открыл глаза, посмотрел на меня и сказал: „Кончилась заутреня?“

Состояние у батюшки было спокойное, даже радостное. Я поняла, что это после болеутоляющего укола. Обратился ко мне: „Я хочу в церковь. Я ведь раньше сам хорошо пел. Всю Пасхальную неделю, каждый день у себя в келье сам всю Пасху пел. А теперь надо просить мне петь. Но мне не хочется здесь, хочется в церкви. Я сейчас после укола подремлю немножко, минут десять, отдохну, и одевайте, несите меня в церковь“. Вера говорит: „Если сейчас, батюшка, задремлете, то это уже будет до утра“. Он: „Ну, несите тогда сейчас. Одевайте меня. Мне очень хочется надеть мантию и клобук и посидеть, хотя бы так обедню в церкви, а уж послужить ничего не могу, слаб уж очень“. Я говорю: „А как Вы хорошо, батюшка, читали Евангелие в четверг, так хорошо. Очень ясно, выразительно, громко. Все восторгались. Вы гораздо лучше читали, явственнее, чем отец Александр и чем о. Павел. Только о. Владимир громче Вас читал“. Он обрадовался моим словам: „Да? Я все беспокоился, что плохо читал, не слышно. Ну, спаси Вас Господи“. Вера стала его одевать, а он продолжал говорить: „Вот я всех вас прошу, чтобы вы утешали друг друга, жили бы в любви, мире, голоса никогда друг на друга не повысили. Больше ничего от вас не требую. Это самое главное

для спасения. Ведь здесь все временное, все непостоянное, чего о нем беспокоиться, чего-то для себя добиваться, все, все быстро пройдет. Надо думать о вечном". Его одели, и мальчишки понесли в церковь. В комнату принесли, как он велел, большой поднос с просфорами, и он вынимал частицы, очень много просфор; большую часть просфор велел разрезать на четыре части и послал в храм, чтобы раздали. Приезжим велел давать по целой просфоре и еще некоторым, стоящим в панихидной (сказал кому) дать по целой просфоре. Потом достал из ящичка на столе Благовещенский антидор, размельчил его и послал раздать хору и стоящим за свечным ящиком. Очень устал. Лег на койку. Потом привстал, стал надевать мантию, надел, а клобук не надел, не мог, устал и опять лег, сказал: „Ничего, так посижу". Сел, с трудом немножечко посидел и закрыл глаза. О. Ф. сказала, что изменился пульс. Хотела тут же сделать укол, но потом все же решила уносить его домой, в келью, и там сделать укол. Я тоже ушла с ними. Скоро уже кончилась и обедня, которую Вера пела в хоре. После укола батюшка задремал. А мы с О. Ф. пошли разговляться в 4-ую комнату сторожки, к о. Александру. Дверь в келью батюшки была открытой, мы подходили и смотрели на него. Он спал, дышал ровно, спокойно...

В час дня я пришла к батюшке. Никого ни у него в келье, ни в первой комнате не было. Он лежал в новом шелковом подряснике кремового цвета. Я сказала батюшке: „Христос Воскресе!" Он ответил, потом сказал: „Возьмите яичко со стола и подвиньте ко мне стул, сядьте возле меня. Я сейчас лежал и вспоминал, как в Оптиной умирали старцы. О. Иосиф очень долго болел, а о. Анатолий „малень-

кий” совсем не болел ни одной минуты. Он чудесно умер, таинство это... очень чудесное. Он по духу своему, по смирению великому, был ближе всех к моему старцу Нектарию. После революции двое старцев умерли и были похоронены на Оптинском кладбище, о. Феодосий, скитоначальник, умер в 1920 году, тогда в Оптиной все было по-старому еще, никто не касался, не преследовали, а потом все изменилось, как гражданская война окончилась в 1921 году, а особенно в 22-ом г. было много преследований: обысков, арестов много. Дошла очередь и до старца Анатолия. 28 июля пришли к нему, делали долго обыск, подстригли его и побрили. Он все терпеливо выносил. Потом сказали: „Ну, собирайтесь”. Он стал просить их дать ему отсрочку до утра, собраться. Они согласились, сказали келейнику, чтобы он его к утру рано собрал и приготовил к отъезду. Наказали это строго и ушли. А старец Анатолий стал на молитву. Келейник подождал часа два, он все молится, тогда он входит к нему и говорит: „Ну, батюшка, будем собираться”, а о. Анатолий отвечает: „Ступай, не мешай мне”. Он ушел. Приходит еще часа через два, просит: „Батюшка, будем собираться”. А тот отвечает: „Да что ты все беспокоишься, я с ними никуда не поеду. Ступай”. Тот опять ушел, приходит в третий раз, а о. Анатолий лежит на койке своей, сложил руки на груди, — мертвый. Ну, келейник позвал кого надо, облачили старца, положили на стол, свечи зажгли, Псалтырь, Евангелие читают. Вскоре и те пришли за ним. Говорят: „Готов старец?” Келейник отвечает: „Готов, пройдите”. Они входят, а он мертвый на столе лежит. Ну, ушли, конечно, поразились, верно, очень, а о. Анатолия похоронили последним на Оптинском кладбище, ря-

дом со старцем Макарием. Когда копали могилу, повредили гроб и обнаружили нетленные мощи старца Макария”.

Батюшка устал от долгого разговора, закрыл глаза и стал дремать...

11/IV, понедельник. — /.../ На утреню понесли батюшку в 6 часов, к началу службы. Был радостный, но скоро устал, и принесли его раньше окончания службы домой. Был очень слабый. О. Ф. осталась ночевать в первой комнате. В 3 часа ночи батюшка дал звонок. Когда вбежали к нему он был весь в крови. После кашля открылось горловое кровотечение. Молчал. Глаза были тревожные (за нас), следил ими за О. Ф., у нее дрожали руки и колени, когда вводили внутривенно кровоостанавливающее лекарство. Я держала жгут на руке. О. Ф. стала успокаивать батюшку. Вера осторожно, тихонько передела батюшку. Был очень слаб. Задремал. В церковь не носили его ни утром, ни вечером. Никто к нему не ходил, кроме Веры. Смотрели на него в дверную щель.

Звонили в Алма-Ату владыке Иосифу. Владыка Иосиф сказал: „Он еще не умрет на этой неделе. Но смерть уже на пороге. Я к вам прилечу”.

12/IV, вторник. — Утром проснулся, дышал спокойно, свободно, не кашлял. Сказал: „Вера, надевай сапоги мне, я должен выйти к людям похристосоваться в храме, со всеми попрощаться. Я обещал им. Всем все сразу скажу. Скажу всем главное”. Вера говорит: „Батюшка, какие там сапоги, я тапочки Вам не надену, такие у Вас ноги отечные. Вы же уже прощались”. — „Нет, нет, не прощался совсем, главное, главное надо сказать. Одевай меня”.

Вера стала одевать, достала другие, какие-то за-

крытые тапочки, по бокам подрезали их. Мальчики понесли его в церковь. Батюшка немного посидел в мантии на своем кресле в алтаре и попросил перенести его в постель. В конце службы батюшку в мантии и клобуке поднесли на руках в алтарь. Он немного посидел у престола, поднялся и вышел в царские врата на амвон. Стоял, опираясь на посох, и стал опять прощаться с народом: „Прощайте, дорогие мои, я уйду уже. Простите меня, если я в чем-либо огорчил кого из вас. Ради Христа простите. Я вас всех, всех за все прощаю. Жаль, жаль мне вас. Прошу вас об одном. Одного от вас хочу. Об одном умоляю, одного требую: любите друг друга. Чтобы во всем был мир между вами. Мир и любовь! Если слушаете меня, а я так прошу вас об этом, будете моими чадами. Я недостойный и грешный, но много любви и милосердия у Господа. На него уповаю. И если удостоит меня Господь Светлой Своей обители, буду молиться о вас неустанно. И скажу: „Господи, Господи! Господи! Я ведь не один. Со мною все мои чада. Не могу я войти без них, не могу один находиться в Светлой Твоей обители. Они мне поручены Тобою. — И потом добавил тихо, еле слышно: — Я без них не могу”. Сказал и хотел поклониться, но смог только наклонить голову. Мальчики под руки подхватили его и провели в алтарь. По всему храму слышались всхлипывания слезные, судорожные вздохи и сдержанные рыдания. Когда несли его по двору, я шла рядом. Батюшка смотрел на меня и перекрестил два раза.

До вечера лежал один в келье, был очень слаб, дышал открытым ртом. Мы смотрели на него только через дверную щель.

/.../ 16/IV, суббота, отдание Пасхи. — Весь день к батюшке никого не пускали...

Ночью, в три часа, велел позвать о. Александра. Причастился, сказал: „Все может случиться, не надо утра ждать”. После Причастия ночь прошла легко. Спросил нас: „Как, вам легко дышать? Хватает воздуха?” Мы с О. Ф. сказали: „Нам хватает, а вот Вам как, батюшка?” — „И мне хватает”. Уснул спокойно, спал до 8-ми часов 50 минут, когда О. Ф. сделала ему укол, спросил: „Где Татьяна Владимировна?” Ольга Федоровна сказала: „Недавно она здесь была, сейчас, верно, в церковь на службу пошла. Позвать ее?” — „Нет, не надо, не экстренно”.

В этот день батюшка должен был быть посвящен в схиму прилетевшим из Москвы владыкой П.

В 9 часов приехал с аэродрома Владыка, прошел сразу к батюшке, был поражен его видом, сказал нам: „Таким я никогда, ни при какой болезни его не видел”. Беседовал с батюшкой.

Начались приготовления. О. Ф. поставила кипятить шприцы, сама была у батюшки и не пришла за ними, я понесла ей закипевшие шприцы и видела начало приготовления. Батюшку посадили в кресло. О. Ф. готовила, на случай, если понадобится, — все для укола и вливания. Владыка вышел в первую комнату и попросил уйти из нее всех, там находящихся. Все ушли. Владыка мне ничего не сказал, и я вышла из кельи. Мать Анастасия, взволнованная, повлекла меня за занавеску, где стояла кровать Марии, говорила: „Не уходи, спрячемся здесь, верно, дверь откроют, а то мы как же увидим, как батюшку будут посвящать”. Я сказала: „Нет, я уйду сейчас совсем. Простите, я не останусь с Вами”. Она сидела на кровати, очень взволнованная. Вышел Влады-

ка и позвал мать Анастасию. Мы вышли обе. Владыка сказал: „Мать Анастасия, пройдите сюда”. Я сама не знаю, как у меня вырвалось: „А меня что же не зовете?” Владыка ответил: „Что Вы, это не от меня, батюшкина воля, чтобы были только те, кому положено по уставу”. Я вышла в трапезную. Во всей сторожке было пусто, ни души. Только в трапезной сидели опечаленные, понурые мальчишки.

17/IV, воскресенье, Антипасха. — /.../ О. Ф. рассказала, что сегодня в три часа ночи батюшка почувствовал себя очень плохо. Просил разбудить о. Александра, исповедовался, причастился. Говорил ему о том, что испытывает томление души и тела. Служба уже кончилась. Я пошла после службы домой и села писать этот дневник. Записав все пошла в дом Феши, к Марии Алексеевне. Ее не оказалось дома. Я зашла в „сторожку”. О. Ф. была в трапезной и стала усаживать меня с нею обедать. Я отказалась. Она стала удерживать меня, сняла с головы моей платок и стала расстегивать мне пальто. Подошла мать Анастасия и стала говорить мне настоятельно: „Садись, садись же”. По ее взгляду я понимала, что она рвалась ко мне душой. Вот когда прояснилась для меня безмерная доброта ее души. И как же она всегда старалась скрыть ее, эту свою доброту. Она искала сокровенной жизни. Хотела уйти в юродство, но батюшка не разрешил, сказал: „Не время сейчас это, мать”.

/.../ Только мы кончили обед, как услышали, что от батюшки звонок. „Где Татьяна Владимировна? Татьяна Владимировна, идите, батюшка Вас зовет” — услышала я. Я вошла, стала на колени перед кроватью. А батюшка говорит так ласково мне: „Старый мой врач, помогите мне. Очень мне тяжело,

очень больно”. Сердце мое оборвалось, даже в глазах помутилось. Говорю: „Хорошо, батюшка, хорошо, сейчас поможем. Где больно?” Он показал забинтованные кисти рук после внутривенных вливаний. Вены уже трудно было находить. Я говорю: „Сейчас болеутоляющий укол сделаем, и пройдет боль, это лекарство попало под кожу, и вены исколоты уже все. Пройдет боль от укола”. Батюшка говорит: „Это не главная боль, главное — томление духа”. Я говорю: „Зачем же, батюшка?” Он: „Думаете, смерть — это шутка? Грехов у меня много, а добрых дел мало” — и положил руку мне на голову. Я говорю: „Батюшка, Ваши грехи в микроскоп не разглядишь, а добрых дел — море целое. На мне одной сколько. От верной смерти меня три раза спасали: смертельной болезни, крушения поезда, автобуса. А сколько, сколько еще! И спасали, и жизнь продляли, и жизнь устраивали. Это все не счесть, как воды в море не измерить!” — „Да что я делал? Я хотел жить в строгой скромной жизни, а все же, какими ни есть, а радостями и утехами услаждался. И много я на красоту вообще, а особенно природы любовался”. — „Батюшка, разве это не благодать Божия, красота?” — „Благодать Божия — это радость от Бога. Но заслуг, моих-то заслуг нет. Живет человек, а для чего? А часто бывает непростительно. Подвига-то нет. От Бога — говорите? А Богу — что?” — „Батюшка, может, Вы это про меня говорите?” — „Нет, не про Вас, про себя, да оно, конечно, всех касается. Все равно переход неизбежен. И все здесь временное, мимолетное. И должен человек свой жизненный путь пройти для чего? Для любви, для добра, и страдать за них должен и терпеливо страдания сносить. И перейти в вечную жизнь для радости,

а не муки. Там надо радости ждать, к радости вечной стремиться. А то вот я жил и добро, говоришь, делал, а потом и согрешил. Ошибется человек жестоко, и не прощается ему. И теряет он все, что приобрел. Я вот страдал много, крест свой нес не легкий, монашеская жизнь трудная, но она и самая легкая, а я вот и роптал иной раз, а от этого, от ропота, все пропадает и не дает заслуг. Вот и томление духа, вместо радости". — „Батюшка, я понимаю, какая сила в покаянии. Но понимаю я ясно, что Вы это все про меня говорите. Батюшка, дорогой, спасибо Вам за все, за все, что Вы сделали для меня. Простите меня за недостойнство мое и неблагодарность мою, и непослушание мое. Все, что не то, все, что не так должно было быть. Скажите мне, как мне жить?" Батюшка молчал. „Еще хочу сказать Вам, сколько же людей за Вас молится, сколько людей!" — Ты спрашиваешь, как жить? Живи так, как живешь. Все грешные. Только не сделай какого-нибудь уж большого греха". Положил руку мне на голову, потом благословил три раза. „Ну, вот и поговорили мы с тобой, ты все просилась поговорить. Мне сегодня дышать и говорить полегче. Христос с тобой"...

19/IV, вторник. Радоница. — Все, что я запишу сейчас, рассказала мне Ольга Федоровна. Батюшка не был так слаб, как 2—3 дня назад, но спал тревожно, ворочался. О. Ф. два раза подходила, смотрела. Он спал. В 4 часа утра дал звонок. Вошла Вера, попила его и вышла. Подошла О. Ф., спросила, как он себя чувствует. Сказал: „Тяжело мне. Томление тяжкое стало". — „Сделаем укол?" — Сказал: „Да". О. Ф., сделав укол, намочила марлю, положила на голову, дала попить. Спросила: „Так хорошо?" Ответил: „Самое лучшее, самое лучшее, спаси Вас,

Господи”. Потом вдруг спросил: „О. Ф., с кем Вы живете?” — „С отцом, с матерью и братом”. — „Я знаю и даже родственника Вашего помню, А. Н., я другое спрашиваю. С кем Вы живете?” О. Ф. молчала, не понимала, что батюшка спрашивает. Вошла Вера, принесла что-то в стакане и попоила его. Прошло минут 5—10, батюшка молчал. Потом спросил: „Который час?” — „Половина пятого”. — „Как, как? Уже?” Дыхание стало сразу тяжелым, клокочущим, закашлялся сильно, и пошла горлом кровь. Сначала много, два раза сплюнул, потом меньше, меньше. Грудь его была вся испачкана в крови. Вдруг вздохнул глубоко, стал силиться выдохнуть и не мог. О. Ф. начала пускать кислород сильной струей через рот и через нос. Ничего не помогало, губы побелели, глаза стали меняться. О. Ф. начала делать искусственное дыхание изо рта в рот. Батюшка судорожно выдохнул воздух, опустил голову на грудь и больше уже не вздохнул. Все было кончено. Было 4 часа 45 минут. Вера и О. Ф. вышли в первую комнату, сказали: „Батюшка скончался”.

+

Дежурный сторож Анфиса прибежала за мной, постучала в окно, сказала: „Батюшка скончался”. Когда я вошла, батюшка лежал на постели поверх белого покрывала в новом шелковом подряснике кремового цвета. Такая же кремового цвета материя покрывала его ноги и таким же платком было покрыто лицо. Я оглянулась, никто не смотрел на меня, я приподняла платок. Лицо у батюшки было спокойное и как живое. Я стала на колени и поцеловала его руки. Они были сложены на груди, были

теплые и тоже совсем как живые. Кто был в комнате, я совершенно не помню. Возле него никто не стоял, никто не плакал. Какая-то страшная и торжественная была тишина. И какой-то покой окутывал душу, а не скорбь. Наш батюшка был с нами, такой же близкий, только мертвый, но все равно мы были с ним. А страдания тяжкие уже кончились.

После окончания панихиды все вышли от батюшки. Дверь закрыли, начали облачение. Я, конечно, этого не видела, но о. Иоанн все описал матушке Агнии на листке бумаги, верно, она просила для памяти. Она дала мне переписать. Вот это описание:

„/.../ После окончания панихиды стали облачать батюшку. Он был еще совсем теплый. Вначале обтерли его оливковым маслом. У батюшки тела-то совсем почти и нет, одни кости. Надели власяницу, парамон, рясу, шерстяные носки, тапочки. Потом схимническое одеяние”.

Когда дверь в келью батюшки открыли, он лежал на столе, в клобуке, и весь, с головой и клобуком, покрыт своей мантией. Горели свечи. Читали псалтырь.

Под черной мантией на столе лежал наш батюшка, любовь к которому и любовь которого превосходила всякую возможную на земле любовь. Он был самый любимый для всех нас, и каждый из нас, духовных его детей, был самым для него любимым. Да, да, не один из самых любимых, а самый любимый, именно так. Такова была его любовь, что это невозможное было возможным. И не только возможным, но и понятным. И вот черная мантия покрывает что-то на столе. Все знают, что это — батюшка на столе, безусловно батюшка. Строгость и величие достигли

своего предела. И все же, все же это был уже не батюшка.

Незнакомый священник читал Евангелие.

/.../ В пять часов вечера привезли гроб, обитый черным. Переложили в него батюшкино тело и понесли в церковь. С пением: „Помощник и покровитель”. Опять те же, потрясающие душу, слова песнопений, псалмов, полные глубины, скорби и утешения. И надежды на светлое, лучезарное, непостижимое...

Кончились тяжкие страдания нашего батюшки. Крестные страдания его жертвенной любви. Можно ли скорбеть? О чем? Прекратились его физические муки, его „томления духа”. Дух его на свободе. Но может ли порваться духовная связь с батюшкой? Сколько он пообещал нам. Сколько утешения. Сколько оставил утешающих надежд. Грешно скорбеть, плакать и томиться...

Много приехало священников из разных городов. И люди, получившие извещения, все ехали и ехали. Священники, свои и приехавшие, каждый час, всю ночь, служили панихиды. И часто пел хор: „Плотию уснув, яко мертв...” Вся церковь была в огоньках свечей и лампад. Голова батюшки вся была закрыта уже его черной бархатной митрой, расшитой сверкающими камнями. Он был покрыт сначала расшитым темным покрывалом, потом — белым разрисованным, концы были хорошо видны. И сверху — церковным черным покрывалом с белым крестом...

21/IV, четверг. — На третий день батюшку хоронили на Михайловском кладбище. На катафалке везли только небольшой кусок пути по шоссе, свернув с шоссе, до самого кладбища, несли на вытяну-

тых вверх руках, так, что гроб его плыл над толпой и отовсюду был виден, и ясно вырисовывалась его черная, в сверкающих камнях митра. Все движение, очень бойкое всегда на этом шоссе, пока не провозили гроб, было остановлено, так как народ шел сплошной стеной по шоссе и по тротуарам. Окна домов были раскрыты, в них глядели люди. У ворот домов и на скамейках тоже стояли люди. Когда проносили мимо цементного завода, весь забор был заполнен сидящими на нем людьми. Несущие гроб часто менялись. Сквозь толпу пробирались люди к гробу, чтобы хотя бы коснуться его рукой и сейчас же отходили, уступая место другим.

Когда свернули на тихую кладбищенскую улицу, хор запел. С пением несли до кладбища и по кладбищу до могилы. Многие люди ушли вперед и ждали гроб уже на кладбище, чтобы видеть погребение. Могила была вырыта на краю кладбища, и за ней простиралась ароматная степь, с кустиками караганника, уже начинающего на пригорках расцветать, ароматной полынью и чабрецом. Вдали, в степи, блестели маленькие озерки. Рядом с вырытой могилой лежал на земле крест.

Владыка подошел к стоящему на земле гробу и стал служить панихиду. После окончания панихиды прощались немногие очень и стали опускать гроб в могилу.

И зарыли гроб с батюшкиным телом, насыпали могильный холм, врыли крест с надписью... А батюшка остался с нами теперь уже навсегда, где бы мы ни жили.

Когда мы приехали на автобусе с кладбища, все уже было готово для поминок. Не только во всех комнатах церковного дома, но и по всему двору стояли накрытые столы. Сейчас же стали рассаживать людей, во дворе садились прихожане храма, кто только пришел. Как могли приготовить столько пищи, собрать столько посуды, напечь горы блинов! Такие поминки продолжались еще три дня (пятницу, субботу и воскресенье — 22, 23, 24 апреля. — После службы в храме опять расставлялись столы, но народу, конечно, было уже меньше. Приезжие разъехались. Сажали за стол всех нищих. На девятый день опять были большие поминки. До девятого дня включительно ежедневно священники и все близкие к батюшке ходили на кладбище служить панихиду.

На десятый день я уехала в Москву, домой. Хотелось остаться до сорокового дня, но не в чем было ходить — становилось тепло, даже жарко, а я приехала во всем зимнем.

Вышла в Москве с Казанского вокзала на Комсомольскую площадь. Было первое мая, такси не было, вернулась в метро. Все было знакомым, привычным с детства, но каким-то далеким. Как привыкнуть? Как жить так далеко от близкой сердцу Михайловки?

Сердце сжалось болью и раскаянием. Вспомнила, что батюшка говорил: „Ты опять пять лет не была?“ — „Что Вы, батюшка, какие пять лет?“ — Он был доволен, что я, переехав в Москву, не каждый год приезжала к нему.

О, если бы можно было вернуть эти годы!

Батюшка, дорогой, прости меня. Помоги мне, чтобы снова житейские мои интересы и обязанности не тянули меня к земле. Не отвлекали душу мою и мысли мои, не разлучали с тобой. Помоги, дорогой.

Да святится имя твое...

Отец И о а н н Кронштадтский

О МОЛИТВЕ

Молитва есть возношение ума и сердца к Богу, созерцание Бога, дерзновенная беседа твари с Творцом, благоговейное состояние души перед Ним, как перед Царем и Само-Животом, дающим всем живот* ; забвение для Него всего окружающего нас, пища души, воздух и свет, животворная теплота ее, очищение от грехов, благое иго Христово, легкое бремя Его.

Молитва — постоянное чувство, сознание своей немощи или нищеты духовной, освящение души, предвкушение будущего блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь, освежающий, напоющий и оплодотворяющий землю души, сила и крепость души и тела, освежение и очищение мысленного воздуха, просвещение лица, веселие духа, золотая связь, соединяющая Тварь со Творцом, бодрость и мужество во всех скорбях и искушениях жизни, светильник жизни, успех в делах, равноангельское достоинство, утверждение веры, надежды и любви.

Молитва — сообщество с Ангелами и святыми, от века Богу угодившими. Молитва — исправление

Из самиздатской рукописи.

* Живот=жизнь (церк.-слав.).

жизни, мать сердечного сокрушения и слез; сильное побуждение к делам милосердия, безопасность жизни, уничтожение страха смертного, пренебрежение земными сокровищами, желание небесных благ, ожидание всемирного Судии, общего воскресения и жизни будущего века; усиленное старание избавиться от вечных мучений; непрестанное искание милости (помилования) у Владыки; хождение пред очами Божиими; блаженное исчезание пред Всесоздавшим, Всеисполняющим Творцом; живая вода души; молитва — вмещение в сердце всех людей любовь; низведение неба в душу, вмещение в сердце Пресвятыя Троицы, по сказанному: придем к Нему и обитель у Него сотворим.

Если хочешь молиться животворною молитвою, утверди прежде всего сердце твое в Господе, вознеси рог свой в Бозе своем. Господь твой близок каждому, особенно святоживущему христианину, что сердце его и тело есть храм Духа Святого. Не весте ли, яко телеса ваша храм живущего в вас Св. Духа суть? Какое удобство для молитвы на всяком месте! Близ ти глагол молитвы, или Бог, Которому молишься во устех своих, в сердце своем.

Как каждое слово молитвы: помилуй мя Боже, Владыка слышит и исполняет. О, благопослушливый Владыко! Слава Тебе! Просите и дастся вам. Всяк бо просяй приемлет... Только в простоте сердца, без сомнения молитесь. На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считаю себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского совсем откажись, и не внимай

ему, ибо плотский разум кричит, сомневается, мечтает, хулит.

— Для чего нужна продолжительная молитва?

— Для того, чтобы продолжительностью усердной молитвы разогнать наши хладные, в продолжительной суеде закаленные сердца. Ибо страшно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в житейской суеде сердце могло скоро проникнуться теплою веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. Царствие небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его. Не скоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегут. Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, подолгу ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими. Господь-то Отец наш Небесный знает прежде прошения нашего, чего мы требуем, в чем нуждаемся, да мы-то не знаем Его, как бы следовало, суеде мирской мы очень преданы, а не Отцу Небесному; вот Он по премудрости и милосердию Своему и обращает нужды наши в предлог к обращению нас к Нему, то есть требует от нас продолжительной молитвы не для Себя, а для нас.

Говорят: нет охоты, так не молись; лукаво мудрование плотское; не стань только молиться, так и совсем отстанешь от молитвы; плоть того и хочет; Царствие Небесное нудится; без самопринуждения к добру не спасемся.

Учитесь молиться, принуждайте себя молиться; сначала будет трудно, а потом, чем более будете при-

нуждать себя, тем легче будет; но сначала нужно всегда принуждать себя.

Сердце наше ежедневно умирает духовною смертию. Теплая слезная молитва есть оживление его, начинающее дыхание его. Если не молиться ежедневно с теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно.

Некто во время молитвы, когда он делался вял, расслаблен душой и телом и ему хотелось дремать, возбуждал себя следующим внутренним вопросом: с кем ты беседуешь, душа моя? — и живо представляя пред собою Господа, начинал молиться с великим умилением и со слезами: притупленное внимание его изощрялось, ум и сердце просветлялись, и он весь оживотворялся. Вот что значит живо представлять пред собою Господа Бога и ходить в присутствии Его! Если, — говорил он дальше, — душа моя, ты не смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с людьми высшими тебя, чтобы не оскорбить их, то как же ты смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с Господом?

Во время молитвы бывают иногда минуты убийственного мрака и стеснения сердечного, происходящего от неверия сердца. Не малодушествуй в эти минуты, но вспомни, что если поблек свет Божественный в тебе, то он сияет всегда во всем блеске и величии в Боге, в церкви Божией небесной и земной, и в мире вещественном, в котором видимы Его присносущная сила и Божество. Не думай, что изнемогла истина: она никогда не изнеможет, потому что истина — Сам Бог и все существующее в Нем имеет свое основание и причину, — изнемогает в ис-

тине только твое слабое, грешное, темное сердце, которое не всегда может переносить напряжение света ее и не всегда способно вместить чистоту ее, — только тогда, когда оно очищается или очищено от греха, как первой причины духовного мрака. Доказательство тому всегда ближе взять от себя самого. Когда свет веры или истины Божией живет в твоём сердце, тогда оно покойно, твердо, сильно, живо; а когда он пресечется, тогда оно беспокойно, слабо, как трость ветром колеблемая, безжизненно. Не обращай внимания на этот сатанинский мрак. Прогоняй его от сердца знамением животворящего креста.

Когда ты один молишься и унывает дух твой и станет скучать и тяготиться одиночеством, помани тогда, как и всегда, что на тебя светлейшими паче солнца очами взирает Триипостасный Бог, все святые ангелы, ангел твой хранитель, и святые Божии человеки, истинно, ибо все они едино в Боге и где Бог, там и они. Куда солнце, туда и все лучи его обращены. Разумей, что говорится. Молись всегда горящим сердцем, а для этого никогда не объедайся и не упивайся. Помни, с кем беседуешь. Люди забывают пречасто, с кем они беседуют на молитве, кто свидетели их молитвы. Они забывают, что беседе их с Богом Всевидящим внимают все силы небесные и св. Божии человеки.

Во время молитвы иногда чувствуешь какое-то отречение от Бога и отчаяние; не надо увлекаться этим чувством, — оно от дьявола, а надобно говорить в сердце: не отчаяваюсь в своем спасении, окаанный, на Твое же безмерное благоутробие держа

прихожду и взываю: аще побеждает человеколюбие Твое множество беззаконий моих, буди ми Спаситель.

Молясь с людьми, мы иногда должны пробить молитвою своею как бы твердеющую стену, души человеческие, окаменевшие житейскими пристрастиями, пройти мрак египетский, мрак страстей и пристрастий. Вот отчего иногда бывает тяжело молиться. Чем чаще с простыми людьми молишься, тем легче. Тяжело — тогда-то и молись, принудь себя. Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем. В молитве надобно, чтобы сердце искренно желало того, чего просит, чувствовало истину того, о чем говорит, — а чистое сердце имеет это как бы в природе своей. Потому оно может молиться и с поспешностью и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному совершению. Поэтому неспешное произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за непрременное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным ему отголоском.

Меру достоинства своей молитвы будем измерять человеческою мерою, качеством отношений наших к людям. Каковы мы бываем с людьми? Иногда мы холодно, без участия сердца, по должности или из приличия высказываем им свои просьбы, похвалы,

благодарность, или делаем для них что-либо, а иногда с теплотою, с участием сердца, с любовью, или иногда притворно, иногда искренно. Так же не одинаковы мы бываем и с Богом. А не так надо. Надо всегда от всего сердца высказывать Богу и славословие, и благодарение, и прошение; надо всегда делать от всего сердца всякое дело перед Ним; всем сердцем всегда любить Его и надеяться на Него.

Как в жизни часто бывает, что человек иное имеет на сердце, а иное на устах в одно и то же время, — так и в молитве пред лицом Самого Бога, видящего тайные сердца, человек нередко представляется двуличным: иное говорит, а иное имеет в мыслях и на сердце; если же, — что чаще бывает, — хотя и понимает молитву, и мыслит об ней, но не сочувствует сердцем тому, что говорит, будучи мертв, и бросает таким образом слова на воздух, обманывая себя самого и думая, что такой молитвой можно угодить Богу. Странная греховная двойственность! Это горький плод и свидетельство нашего грехопадения, сердцу нашему как-то обычно лгать в молитве и в обращении с людьми. Это столп лжи. Христианину надо употреблять все меры, чтобы вырвать из сердца с корнем всякую ложь и насадить в нем чистую истину. Надобно начинать с молитвы, как с такого дела, в котором прежде всего необходима истина сердца, по слову Господа: духом и истинною достоин кланяться. Глаголи истину в сердце твоём.

Живая видящая вера в Господа главное; в молитве представь Его живо пред собою и в себе самом — и тогда еже хочешь, и проси о Христе Иисусе в Духе Святом и будет тебе. Проси просто, ничтоже сум-

няся, — и тогда Бог твой будет все для тебя, во мгновение свершающий великие силы. Проси не для себя одного, но и для всех верных, всего тела Церкви благ духовных и вещественных, не отделяя себя от прочих верующих, но находясь в духовном единении с ними, как член единого великого тела Церкви Христовой, — любящий всех, как чад Своих во Христе, Отец Небесный исполнит тебя великим миром и дерзновением. Посему прежде молитвы приготовь себя к несомненной крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия, худо, если во время самой твоей молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней, тогда не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сумняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров Своих! Вся, сказал Господь, елика еще воспросите в молитве верующе, примете, и значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не примете.

Молящиеся! еда (разве) мало есть вам труд даяти человеком и како даяти Господеви труд. Мало еще разве для вас видеть бессилие в человеках, как вы хотите видеть бессилие в Самом Боге, тайно помышляете, что Бог не исполнил вашего прошения? Пусть для людей многое трудно, весьма многое невозможно, — но как вы считаете что-либо трудным для Бога? Есть разве для Него что-либо трудное и невозможное? Все для Него возможно и легко. Вся возможна суть у Бога. Итак, молясь, будьте уверены твердо, что для Господа все легко, что Он может все в мгновение сделать. Вашей собственной немощи что-либо сделать, в чем-либо помочь себе или ближнему, не приписывайте Богу. Для вас как для сла-

бых ничтожных тварей почти все трудно: вы это сами на себе и на других испытали тысячу раз, но разве мало вам еще даяти (приписывать) труд человеком, что вы даете еще и Господеви труд, — Господу, Который все создал мыслию и словом. Для Него, помните, ничего не трудно: все смело просите, все надейтесь получить. Вся, елика воспросите в молитве верующе, примете.

Молясь, нужно веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самых слов от самого дела, выражаемого ими; нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны: ибо Той рече и быша; Той повеле и создашася. И ты так же веруй, что ты сказал на молитве, о чем попросил, то и будет.

На молитве необходимо обдуманное, крайнее смирение. Надо помнить, кто говорит и что говорит, особенно это нужно во время чтения молитвы Господней: Отче наш. Смирение разрушает все козни врагии. Ах! Как много в нас тайной гордости. Это — говорим — я знаю, в этом не нуждаюсь; это не для меня; это лишнее; в этом я не грешен. Сколько своего мудрования!

От издательства:

Св. праведный Иоанн, Кронштадтский чудотворец, был прославлен и причислен к лику Святых постановлением Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей от 3 июня 1964 года. Дни торжественного празднования его святой памяти установлены на 19 октября и 20 декабря ст. ст. (Тропарь и Кондак ему см. „Надежда“ вып. 5, с. 181).

Епископ Михаил (Грибановский)
со своей матерью

П И С Ь М А ЕПИСКОПА МИХАИЛА ТАВРИЧЕСКОГО

+

Дорогой о. Антоний!

Ваше письмо воистину меня тронуло, но что я Вам напишу?

Прежде всего Вы уже знаете, что я всегда желал бы руководствоваться только своим душевным настроением в согласии со своею совестью, Христом и Церковью.

Рост моей души и рост других душ для меня главное; всякие частные, хотя бы и грандиозные практические цели для меня важны постольку, поскольку они вытекают органически из возвышенного настроения роста в Бога.

Я не стану даже называть это своим теоретическим взглядом. Это просто требование моего духа. Я опять употребляю здесь нелюбимое Вами слово: иначе я не могу. Совесть и сердце одобряют это, говоря: ты и не должен иначе...

Заботясь, главное, об единении с Богом и со Христом, стараясь постоянно об одном, как бы под благодатью Христа гармонически развивать свою душу и беречь свое настроение в отношениях с людьми, желая только и в них возбудить хоть искру любви к Богу, — я на все частное решительно не могу обращать полного внимания.

Задаться целью написать скорее магистерское я

Рукопись найдена в Самиздате. Печатается с сокращениями. — С о с т.

не в состоянии. Односторонне погрузиться в теорию, отвлечь свое внимание от процесса божественной жизни, совершающейся во мне, отвернуться от людей, жаждущих Бога, — и все это ради неизвестно чего... А затем скомкать диссертацию, выйти защищать ее против совести, спешить и волноваться ради частной и сомнительно-полезной цели — для меня невыносимо и невозможно.

Я окончательно хочу жить ради Бога, Который открывается внутри, жить во что бы то ни стало, не сворачивая ни вправо, ни влево. Ради этого сейчас приходится пожертвовать академией, — и с радостью жертвую. Придется после пожертвовать и еще чем-нибудь — и все с восторгом брошу, но свой мир и своего Бога не променяю ни на что.

Вы говорите: какие планы у меня? Собственно никаких. Я не знаю, что будет дальше... Бог покажет. Только бы не изменять себе и Ему... Вы спрашиваете, какие же наши планы ближайшие и отдаленные?

Дорогой о. Антоний, что дуто, то непрочно. Тормошишь, суетишься и чувствуешь, что двигаешь мертвые тела. Наэлектризовать их можно, но стоит ли это делать? Нужно воскрешать, но на это нет сил: сам мертв. И вот это сознание, это ощущение заставляет с иронией относиться ко всем затеям, пока они затеи, то есть пока они не вырастут сами из свободного одушевления людей под влиянием личности, вдохновенной Христом... Вы понимаете, о чем я говорю. Нужно не строить, а создавать. А создавать может только тот, кто всецело во Христе, чьи взоры неподвижны и чье сердце неизменно, в ком нет и тени самолюбия, славолубия и человекоугодия...

Я, конечно, этим нисколько не возражаю против Ва-

ших планов. Вы верите в свои практические силы, — и, следовательно, делаете все, что возможно, и это будет по совести. Я могу только от всей души радоваться и вместе с Вами торжествовать. Может быть придется когда-нибудь быть и участником в Ваших планах, ради моей глубочайшей любви к Вам. Но самостоятельно идти по этому пути я не могу. Это смешно и грешно. Залезать в чужую шкуру для меня бесполезно, а для внутренней жизни безусловно вредно.

Я обязан, я должен идти по внутреннему пути, а внешний мой путь пусть определяется Богом, соответственно обстоятельствам. Это не мое дело. Назначат ректором — пойду. И там буду блюсти себя и работать Богу без компромисса, даже самого малейшего. Нельзя служить — уйду. Вот моя политика. Это не будет пассивностью. Напротив, если я сознаю, что то или другое назначение будет вредить или моему физическому или психическому здоровью, — я не пойду. Я повинуюсь Богу. Он куда-то ведет меня. Он говорит мне в той гармонии духа, которую я ощущаю в себе. И что нарушает ее, то безусловно — грех.

То, что Вы сейчас называете непослушанием, — отказ писать магистерское — то, что другие могут назвать ленью и расслаблением, — то для меня просто нравственная необходимость не оскорблять внутренней святости никакой спешностью, деланностью, сделкою...

Я не бегу из академии, но, чтобы остаться в ней, спешить с сочинением и изменять совести и настроению — этого я не смею и не могу. Если бы без этого, я с радостью остался бы здесь; мне здесь прекрасно. Правда, климат худ, но по своему оптимизму я и

это перенес бы как-нибудь. Но раз приходится уходить, чтобы не изменять себе и Богу, я, конечно, придаю большое значение и здоровью и вижу в этом благодающую руку Божию...

Что здоровье падает, это несомненно, и Питер несомненно этому виной. Но все же по совести я должен сказать, что гигиеническая цель не главный мотив. Если бы была даже и Италия здесь, то все-таки я не стал бы спешить куда-то в сторону, сломя голову.

Вот, мой возлюбленный о. Антоний, главный пункт моего теперешнего настроения. Сумел ли я наметить Вам его — не знаю...

+

4 марта 1887 г. ... Ваши возражения мне насчет эвдемонизма и т. п. покоятся на том недоразумении, что будто для поддержания душевной гармонии не требуется часто большого усилия воли. Я не защитник пассивности, как Вы думаете. Я признаю необходимость активности, но только чтобы она была направлена к верной и настоящей цели — на водворение в себе Христа. Для внешних же целей я не намерен тратить активность. Раз они не требуются совестью или даже нарушают хотя частью ее гармонию.

Для неверного жертвовать верным — не должно. А спешить подделывать науку, — как ни вертись, — это сделка с совестью. Ваше сравнение с нищим, которому нужно подать милостыню, хотя бы я был погружен в глубокие размышления, не идет, потому что подача милостыни именно и требуется душевной гармонией, в противовес односторонним глубоким размышлениям. Это против Вас же.

Нет, дорогой мой, не разубеждайте меня. Я иду туда, куда ведет меня Бог по дороге, мне предназначенной. Ни повернуть, ни изменить я не в силах. Ничем посторонним и внешним я не могу развлекаться и увлекаться. Все придет само собой, если будем ежесекундно стараться об одном: как бы не затмить в себе Христа, как бы привести к Нему других... Поймите, что для меня может быть только одна цель, и к ней не могут вести никакие внешние средства.

Вы говорите: ради великого нужно решиться на средства — диссертацию. Но вопрос: великое ли выйдет? Я не верю во внешние планы — простите. Я уверен, что когда у вас чрезмерный избыток энергии придет в равновесие сил, Вы согласитесь со мной и пойдете царским путем органического роста души во Христе, не отступая ни на йоту и направляя на это всю свою активность...

+

20 марта 1887 г. ... В самой службе находишь силу, особенно в литургии. Чем более втягиваешься внутренне в Таинственный и Благодатный организм Церкви, тем более находишь сил, радости и обретаешь глубочайший мир, тем более переживаешь противоположность Церкви и мира. Мало мы знаем эту противоположность, и поэтому так мало во многих из нас бодрости и ясности духа... Все смешалось, все обмирщилось, в этом тумане и мгле не находишь врага и не отличишь своего...

Насчет разницы земли и неба я совершенно согласен и как раз это входит в противоположность Церкви и мира. Но это не значит, что нельзя влиять выше других по избранию Божию. Нужно лишь пре-

даться Христу и тогда каждый пост будет Его велением, и тогда иная постановка дела; тогда и авторитет у места, даже и в Церкви.

+

29 марта 1891 г. Вот Вы пишете: „как жизнь академии далека от нормы”. Но разве может быть норма, когда все идут врозь и среди профессоров, и среди студентов? Норма может быть только там, где есть единое живое дело, единая живая цель, где общий труд и объединяющее всех чувство. Раз этого нет — какая же может быть норма? Где рассыпавшийся индивидуализм, там ее не может быть никогда. Вы пишете: „Разве это требуется от преемников Апостолов, чтобы они не пили и не скандалили?”

Но... дайте живое дело, дайте могучий толчок, сплотите в одно живое целое — хоть немногих, — и конечно, найдутся силы и люди, приближающиеся и к званию апостольских преемников. Мы вялы, мы скучаем, пьем, скандалим, утомляемся потому, что нет увлекающего нас общего дела. Как бы идея ни была велика, как бы частные пути ни казались великими, — все это может поглотить только тогда, когда воплощается в живом организме людского общения.

Самая сила идеи, самая высота ее именно обнаруживаются и ценятся постольку, поскольку она могла сплотить людей.

В Церкви может быть только то, что дает живую связь людям, приобщая их к организму Христа. А кто и что теперь дает эту связь, кто из студентов ее видит? Они видят личностей, их доброту, их злобу, их формализм или отзывчивость, их ум или глупость, их косность или неутомимую инициативу, —

но они не видят самого главного — органической связи общего, целого, которое могло бы их поглотить и возродить. Они не видят, потому что этого и нет. А нет почему? Потому что никто не поглощен Христом настолько, чтобы забывать о себе.

Кто достиг этого, хотя в ничтожной степени, тот проявит организующую внутреннюю силу, которая свойственна Христу... Так созидались монастыри, так созидались всякие христианские общины, всякие христианские движения...

Если с этой точки зрения посмотреть на нас самих, недостойнейших служителей Церкви, призванных, однако, к великому делу, порожденных в великую минуту, то получится впечатление ужасное... Мы не только все рассыпаны и рассеяны внешне, но и внутренне-то мы все на периферии. Даже лучшие из нас не имеют внутренней силы сказать: „Так говорит Господь”, или: „Так повелевает Церковь”. Никто из нас не призван еще Господом. Никому Он не открыл прямой Своей воли. Никто не может еще с дерзновением слышать и передавать Его голос, несущийся по живому телу Церкви... Мы что-то чувствуем, чего-то шевелимся, волнуемся, — но это даже пока еще не лепет, имеющий в себе органический задаток будущего ясного раскрытия блага...

+

1893 г. Дорогой о. Антоний, с большой радостью получил Ваше письмо. Храни Вас Господь за братскую любовь и память.

Ваши „письма к пастырям” читал с искренним удовольствием и полным сочувствием. Вы знаете, что я говорю правду. Так скажу Вам, что ни одна Ваша статья не была так близка нашему сердцу и

уму, как эти письма. Прекрасно это жизненное противоположение мира Церкви миру земли. Всеми силами на этом нужно настаивать в настоящее время.

Прекрасно изображение брачной радости пастыря, венчающегося своей Невесте — пастве. Внутренний Ваш огонь передается душе, и я наслаждался. Прекрасно указаны методы и способы влияния на разнородного умственного и нравственного склада людей... Только одно могу сказать, что у Вас мало оттенено то, что Вы имеете в виду методологию пастырского делания...

Вы справедливо говорите, что надо входить в настроение, в мысли пасомых и от них уже возводить их ко Христу, к Церкви, что тут догматические и канонические споры ни к чему не приведут. Но посмотрите на пастырей, как они есть. Но разве они уж этим особенно страдают — ревностью по догматам и канонам? Не смотрите на проповеди — это официия, не смотрите на споры — тут берется то, что есть под рукой, что легче, привычнее...

Разве мы мало знаем пастырей, готовых спуститься с пасомыми в какие угодно дебри их мыслей и сомнений, но ничуть не умеющих ни себя, ни их вновь возвести в свет церковной тишины? Ведь может случиться, что мы, ловя овец, сами заплутаемся с ними.

Я Вам скажу, что это весьма возможно при современной постановке не только религиозного воспитания и образования, но и самой постановке христианской догматики, этики и всего остального.

Пастырю необходимо сойти к пасомым — Вы правы, но есть ли с чего сойти? Вот вопрос и может быть главнейший. Сойти — не значит смешаться; Вы сами говорите о противоположности мира Церкви

миру земли. Но есть ли эта противоположность на деле? Вы сами говорите, что пастыри портят себе дело, принимая светские обычаи. Но они принимают потому, что не имеют своих, утратили великие христианские традиции. И конечно, нужно всячески пожалеть об этом.

А что, если уходя в мир земной мысли, мирских заблуждений и искажений, мы также забудем и потеряем то, что в нас держится почти одной традицией мысли?

Выходить из христианской любви, из сострадания — хорошо, но все же нужно и что-нибудь определенное, иначе в этом беспредельном мире можно захватить и ко вражескому берегу, принявши его за свой, и при незнании своего это весьма возможно.

Да, возлюбленный о. Антоний. Вы берете одну сторону дела и рассматриваете правильно и прекрасно. Но не нужно забывать и другой. Кроме методологии и педагогики, есть и психология, кроме пастырского делания, есть еще и пастыри с их содержанием.

И если это содержание не будет противоположно миру со всех сторон, и по мысли, и по чувству, и по воле, то тогда опасно идти на ловлю овец. И ловить-то нечем, и отгонять-то не во что. Может случиться, что они сами загонят нас в свои насиженные берлоги... Скажите, где здание, куда мы можем сгонять овец? Эти овцы весьма часто мыслят, куда вы их приведете. Эти овцы жаждут — где источник?

Вы скажете: все в пастыре... Вот то-то и дело, что нет. Они в пастыре, если он весь в Церкви. А возможно ли это теперь при нашем воспитании и образовании, при нашей обмирщенности всего нашего строя? всего нашего существа? Ах, все это прекрас-

но, что Вы пишете и храни Вас Христос за то, что так хорошо пишете, но зло глубже, зло требует больших подвигов, больших страданий... Именно отделить Христа от мира и уже Отделенного приблизить к миру — вот что нужно. Нужно уйти от мира и затем прийти к Нему.

Вы говорите о последнем, а не о первом, больше всего, как и должно быть по вашей теме. А между тем, главнейшее-то первое. И это предполагается пастырством, оно и должно предшествовать последнему. Сколько ни говорите о пастырстве, раз нет превознесения над миром, сознания жизни, того сознания, что мы совершенно противоположны миру во всем, решительно во всем, тогда ничего не выйдет, и ловля овец будет игрой в жмурки со стадом.

... С Вашей главной тенденцией я безусловно согласен и слава Богу, что высказали ее во всеуслышание. Безусловно правда, что спасение есть приобщение Божественной жизни, которая есть любовь, и что спасение без любви невозможно. Даже как-то странно, что приходится утверждать и доказывать эту очевиднейшую истину.

Вполне сочувствую, что Вы говорите прямо и даже резко против извращающих идею спасения. Это расшевелит их, растревожит.

Вообще предполагаю, что Ваша статья должна зажечь споры, и так как вопрос поставлен ребром, то споры должны принести пользу, и они во всяком случае для нашей религиозной жизни полезны, даже необходимы. Вы отлично сделали, что написали, я даже примиряюсь с тем, что Вы поместили статью в „Вопросах”, хотя я враг всякой рекламы и может быть дохожу до крайности, но такая статья должна действительно рекламироваться, потому что ее глав-

ное значение „в возбуждении”, „в зажигательстве”. По крайней мере я так думаю по первому впечатлению. Центральная идея тверда, но Вы на пути затрагиваете многие другие вопросы, которые непременно возбудят сильные возражения.

Во-первых, Вы мало дали значения послушанию в вере в Бога, как пути к любви, а этот путь исторически откровенный. Второе — Вы слишком резко до нарушения отметили узкость людей, говорящих о спасении своей души. Не забудьте, что они противопоставляют это спасение „общественному благу”, понимаемому во внешнем, часто не христианском смысле; и многие из них ничего не будут возражать против долга спасти другие души, спасти любовью, но только понимаемую ими в более отвлеченном неземном смысле...

Не забудьте, что в народном сознании спасение души тоже на первом плане. Вы хорошо бичуете и литераторов и ханжей, но важный пункт требует более беспристрастного рассмотрения.

3) У Вас можно найти склонность к независимой морали помимо милости Христа. Вообще Христос у Вас отодвинут как личность.

4) Вылазка против мистического отношения ко Христу может быть перетолковываема очень неблагоприятно.

5) Что та, загробная жизнь не есть юридическая только награда или наказание — это безусловно верно, но предполагать, что та жизнь есть просто продолжение этой без всякой коренной метаморфозы — это тоже рискованно.

Мы не можем туда перенести никаких законов пространства и времени, подробности наших душевных сил и проч., уже самое слово „вечность” пока-

зывает на нечто не количественно только, но и качественно различное, и с этим придется считаться.

6) Я не говорю о понятии „общественного блага“. Вы писали, что об этом будет статья вторая. А то теперь неясность этого понятия даст ложное освещение многим Вашим статьям. Напрасно Вы, пока его не выяснив, не заменяли его словами „любовь к ближним“.

7) В отношении сектантов Вы примите во внимание, что их протест вытекает иногда, а может быть и часто, из той же эгоистической горделивой мысли о спасении помимо любви и снисхождения, о которой Вы говорите так хорошо.

Много как будто еще чего-то собиралось в голове, чтобы сообщить Вам, но и так довольно. А в общем я от всего сердца рад Вашей статье и благодарен Вам. Она зажжет — это наверно. А это очень важно. Напишите, как отнесутся к статье наши блюстители благочестия...

Вот еще: неосторожно молитву причислять к сентиментальности, неправда это полная. Еще неправда, что отшельники оставляли мир на время. Мне кажется, что Вы мало даете значения молитве, как *общественной* силе. Потому Вы и боитесь сказать слово за уединение. Общественное благо пожалуй и Вы склонны почитать более внешне, чем следует. По-моему, никакой тут грани нет, а все вместе.

1

14 марта 1893 г. Дорогая моя А. Ф.

Сперва о деле. Относительно излишка в службах у нас, сверх Вашего ожидания, я часто с Вами согласен. Конечно, лучше бы поменьше, но посознательнее, поинтенсивнее в чувствах. Но только смущать-

ся особенно нет оснований: во-первых, это нельзя назвать идолопоклонством, потому что ведь Христос разумел тех, кто полагает значение в многочисленности молитв, так сказать, именно в ней видит заслугу. В Церкви этого нет. Умножение произошло чисто исторически, и всякий Вам скажет, что одна кратенькая молитва, сказанная от всего сердца, стоит всех молитв, произнесенных механически. Значит, об идолопоклонстве не может быть и речи.

2) Примите во внимание, что все наши службы, кроме литургии, носят монастырский характер, взятый из монастырей. Там они были совершенно уместны, потому что там все усилия были направлены к поддержанию постоянного молитвенного настроения.

Если же мы до сих пор не приспособили монастырского строя молитвы к своей обыденной жизни, то это потому, что наша светская среда совершенно разорвала связь с Церковью и нарушила ее правильный рост; поневоле пришлось заостенеть на древнем и заимствованном.

3) Я обратил бы Ваше внимание на то, что многочисленность молитв имеет свою хорошую сторону и для мирских людей. Дело в том, что мы страшно рассеяны. Дайте нам коротенькую молитву, и мы через несколько дней будем произносить ее без внимания и, так как по правилам все будет ограничиваться ею одною, то мы собственно останемся без молитвы. Теперь же сквозь всю суету мы берем несколько фраз, несколько мгновений, когда сможем помолиться... В одном месте мы прозевали, вдруг то же повторяется в другом, и мы уже слышим.

Я сам знаю по себе. Я читаю утренние молитвы. Их несколько. Я рассеян. Но все же, прозевавши

одно, я воспринимаю другое; часто вдруг глубоко действует то, чего прежде и не замечал. Судя по логике, одна молитва повторяет другую и, следовательно — излишек. А судя по живому опыту — это благотельно, потому что не здесь, так там вдруг придешь в себя и помолишься.

Так и в церкви. Часто стоишь болваном долго и вдруг очнешься, и как хорошо чувствуешь, слыша, что повторяется то, что уже было... Если это рассеяние бывает у более или менее удаленных от жизни людей, то что же сказать о мирских. Сделайте богослужение только из молитвы Господней и поверьте, что кроме вреда ничего не выйдет; и те несколько мгновений молитвы, которые встречаются сейчас, пропадут... А что нужно делать все более ясным и понятным, читать отдельно и со смыслом — это само собой разумеется. Кто же это может опровергать...

Так, видите, карающей речи не оказалось... Относительно сомнений вообще не тревожьтесь. Любите Христа, любите Бога, любите людей, будьте готовы признать всякую истину, раз Ваше сердце, Ваша совесть признает это за истину — и больше ничего, — все остальное само собой придет.

Пагубен излишний консерватизм, упорное отстаивание своего во что бы то ни стало, гордое противление всему, что не от меня. Вот это опасно. А раз мы с любовью ищем правду, не размышляя о своей персоне и о ее непогрешимости, то сомнений нечего бояться... Для такой души впереди свет... Да и что останавливаться на сомнениях. Сомнения всегда появляются в пустых промежутках души. Когда любишь, когда работаешь во всю мочь — до сомнений

ли тут. А ведь любить и работать ради любви и Христа — это может и не подлежать сомнению.

Что касается Вашего чтения моих писем М. И. и П. А. — то никак не возлагаю на это надежд. Для Вас я живая личность. Вы читаете не слова, а мою душу, мое сердце, моего внутреннего человека. А для них мои письма только слова и мысли. А в религиозных вопросах это очень и очень недостаточно, почти ничего... Впрочем, может быть, какая-нибудь мысль и западет в душу и может быть при случае окажет услугу. Я во всяком случае рад всякому добру...

Ах, дорогая моя, у Вас тоска по деятельной работе, и у меня тоже. Вы тяготитесь аристократическим бездельем, в сущности, и я тоже. Право, мне становится иногда очень тяжело и стыдно. Я столько поглотил в себя и ничего не произвел. Мне хочется черной, непосредственной работы.

Я чувствую, что все-таки довольно значительный запас мыслей, чувств, взглядов я должен применить к непосредственному делу. Даже книга меня не удовлетворяет. Я не вижу живого повода к ней... Мне нужна жизнь, и я сейчас стал бы реагировать на нее для Христа всем запасом моих сил. Создалась бы и книга, но она имела бы жизненную основу: каждая строка в ней была бы по непосредственному требованию жизни. Книга составила бы из актов моего долга по отношению к личностям. А теперь все как-то неопределенно: не знаешь, кому пишешь, и потому нет крепкого чувства жизни... У меня теперь много личной переписки. И я рад этому. Все же знаешь, кому пишешь, имеешь живую конкретную цель. А там напишешь неизвестно кому...

Да, христианская деятельность непременно долж-

на иметь дело с жизнью, а книги имеют смысл только настолько, насколько они результат жизни... Господи, сколько надумано. Кажется, и во всю жизнь не представится повода высказать все... Нет, очевидно, скорее нужно браться за жизнь, будет барствовать... А впрочем, и тут Бог...

Дай Господи и Вам устроить дела по совести...

2

Дорогая А. Ф. Вы пишете с негодованием о современном обществе.

Я совершенно его разделяю. Его разложение и нравственное и умственное идет все (проп. в рукописи; вероятно, „crescendo”). А еще что будет из этой молодежи, которая ведь ничему не училась и, вероятно, а впрочем не знаю, — и теперь не учится. Но только я не согласен с Вами, когда Вы ставите это разложение в какую-то связь с религиозностью, что Вы разумеете под ней? Торговлю благочестием из-за куска хлеба? Маску ради честолюбия? Моду обезьян? Зуд на всякую новинку? Если да, то, конечно, Вы правы: теперь религиозности больше. Или может быть благочестие одного или двух высших представителей государственной власти? Но благочестие и религиозность не проводятся на бумагах. Они в сердце и в жизни; а бумаги — это мыльные пузыри; они создают пустой призрак религиозности, не более..

Или, может быть, Вы разумеете тот факт, что как будто стало больше интереса к религиозным вопросам? Что прежние взгляды общества не удовлетворяют и ищут новых путей? Но искания еще не есть религиозность... Потому и ищут, что остались без принципов; и пока ищут лучшие, худшие пользуются

ся и мошенничают без всякого зазрения совести. Да и какая совесть, когда никто не знает, что истина, что добро, что зло...

Или, может быть, Вы разумеете пробудившееся в сердцах средней интеллигентной публики тоскливое стремление к вере? Но это и произошло именно потому, что старые идеалы потускнели, не удовлетворяют, а новых нет, а живет худо, и чем ни дальше, тем хуже... Когда хуже, тогда и обращаются чаще всего к вере... Я ставлю современную „религиозность” и разложение в такую связь: старые крепостные основы общества рушились; новых основ нет; государственность начала рушиться, и вот крики о религии, о вере как об основе государства; отсюда все циркуляры, все заботы о благочестии, но это крик... не более.

Интеллектуальное развитие нашего общества очень слабо; в шестидесятых годах мы просто приняли на веру то, что нам казалось последними выводами западного просвещения. Это была мечта, вера, порыв... Конечно, он долго держаться не мог. Вступивши в жизнь, он сразу обнаружил нашу действительную дикость. А тут и сама Европа оказалась уже не такой непогрешимой, как мы воображали... И вот почти детски прямолинейные теории и мечтания рушились. Новых основ нет; мы решительно неподготовлены ни к каким творческим трудам, мысли; мы рады бы опять ухватиться за Европу, но она сама разлагается на миллионы воззрений... И вот крики о принципах веры, об искании новых религиозных основ. И тут кажущаяся религиозность мысли явилась уж вслед за разложением.

Тот же процесс и в жизни чувства. Разочарование, уныние, тоска — закрались в души тех, кто когда-

то горел огнем одушевления. Где результаты? Где плоды? А в душе неудовлетворенность, разлад... И вот опять на помощь кричат: „веру, дайте нам веру. С ней наверное лучше, легче”. Эти крики собственно в каждой интеллигентской семье настоящего времени, конечно, это великого значения факт... но разве это религиозность?.. И разве она может служить основанием упрека: вот все становятся религиознее, а жизнь все хуже и хуже. Где же сила вашей религии? Отчего же бессилие? Да оттого, что это и не вера. Это только тоска опустевшей и разочарованной, а часто и истерзанной души.

Во всяком случае, и в государстве, и в обществе, и в мысли, и в чувстве религиозность является только той соломинкой, за которую хватается жизнь. Соломинка не виновата, что мы тонем, и странно было бы винить религию в нашем разложении.

Вот когда испытания, несчастья, может быть великие, потрясающие, очистят нас, взволнуют до той глубины духа, откуда идут все творческие силы, когда религия будет для нас положительной силой, когда мы сможем уверовать в ее возрождающую силу, когда мы будем вполне готовы отдать за нее свою жизнь — вот тогда религия возродит нас... А теперь, какая у нас вера? Мы не знаем, во что и верить. Ныне готовы лампадки зажигать, а завтра — полегчает — готовы и Бога побоку. Разве это вера? Разве это тот огонь, что прожигал сердца святых? Разве мы понимаем, чувствуем, что значит новая жизнь, новая радость, в сравнении с которой вся земная жизнь — ничто.

Если та вера действительно спасла мир, то наша „вера” только проблеск, звук... не больше... Нам нужно еще до нее дорасти... может быть, наши-

ми несчастьями... Наша мысль так плоска, наше сердце так мелко, что действительно мы не в силах воспринять удивительнейшее, несказанное, истинно-божественное величие христианства...

Ах, я это время читал и перечитывал всего Шопенгауэра. Боже мой, насколько великая душа этого атеиста (так он сам себя называл) ближе подходила к христианству, чем наши доморощенные философы, кричащие по-видимому о Христе и православии... Великий и искрометный дух гения способен был подойти к грандиозным замыслам и божественному плану спасения христианства очень близко... И рядом — наши радетели, издавшие целый сборник о Шопенгауэре... Смешно и грустно... Самые его ошибки в миллион раз лучше приводят к Христу, чем вся эта мелкопоместная куриная болтовня наших квазихристианских философов, вроде Грота, Лопатина и др. Мне очень тяжело было читать их; стыдно, страшно стыдно за себя.

Да, христианство по своим философским идеям бесконечно высоко и глубоко, и, помимо божественной помощи, доступно только гигантам мысли. Наши же мизеры только испошляют, принижают его...

Вот теперь скандал с Соловьевым в Москве. Я вполне сочувствую, что он затрагивает живые религиозные вопросы и обличает современное христианство и православие. Все эти вспышки и скандалы все же готовят почву... Но я не понимаю, как — все же крупная фигура — Соловьев мог так опуститься в плоское рационализирование и низвести христианство к общественному реформаторству... Это христианство-то, имеющее весь свой смысл в коренном перерождении самой души че-

ловчества, всех источников всей его внутренней и внешней жизни. Это христианство-то, Основатель которого умер Один за всех на позорнейшем кресте, дабы внутренно, Духом Святым, всех верующих в Себя пересоздать, дать всем семя „нового” человека... И такую страшную глубину замысла низвести к плоскому реформаторству.

Не испытано ли всем человечеством, что со своими внешними реформами мы вертимся, как белка в колесе, между Сциллой и Харибдой. И чем ни дальше, тем больше иссякают человеческие жизни. Недостает жизни, недостает сил, все лезет врозь в самой глубине души, все сохнет и гибнет, точно старое растрескавшееся дерево... а тут и источник жизни, возродивший когда-то, насколько могли тогда воспринять, языческий мир, готовы свести на реформаторство внешней жизни. Впрочем, не знаю, может быть совсем и неверно передают его мысль. Я был бы от души этому рад...

А его противники? Один ужас. Какой-то Грингмут разыскивает, православный ли он. Странно, чтобы не сказать — скверно... Я очень боюсь, чтобы не заставили какое-нибудь духовное лицо написать против Соловьева... Наверное провалится. Наша религиозная мысль в заскорузлых тенетах схоластики. И какая бы истина ни была, она сквозь эти тенета не убедит, кого именно и следует убедить... Право, мы переживаем трагические моменты религиозной мысли. Так стоит мысль, что чем более плоска мысль, тем она свободнее и привлекательнее... А истина запрятана в такие дебри сухих, изживших себя схоластических терминов и фраз, что ее нужно постигать с терпением истинно мученика.

Дорогая А. Ф. Я теперь все работаю над воспроизведением жизни и характера Христа. И знаете ли, что больше всего мне бросается в глаза, конечно, помимо всех родов высоты и чистоты, это — полное отсутствие мечтательности, порывов к фантазийному, фиктивному. Это — величайший реалист. Он только видит и исполняет то дело, которое у Него сейчас под руками. Он не рвется вширь, а работает в глубину над теми, кто сейчас около Него; никогда ни одного сочиненного, общего слова; каждое вызывается сейчас представшим конкретным случаем. Даже нет ни одного сочиненного сравнения, каждое из них взято из окружающей Его в данную минуту обстановки; за обедом Он — и сравнения, взятые отсюда; в поле Он — и образы отсюда; на небе облака, и Он пользуется этим; скоро зайдет солнце и настанет тьма — Он применяет к Себе. Просто удивительно. У Него решительно нет ничего искусственно-сочиненного, ни одной фикции ни в слове, ни в чувстве, ни в поступках. Он на каждом шагу воспринимает реальную среду, реальную обстановку, реальное настроение окружающих лиц — и сейчас же всецело воздействует на них.

Мы всегда живем где-то, всегда думаем и мечтаем о чем-то, или из прошедшего, или из будущего; настоящее как-то скользит по нас, оно только между прочим и никогда не исчерпывает нас, уплывает от нас. У Него решительно этого нет. Он всецело воздействует на настоящее: у Него нет ни одного порыва к беспредметному, ни одной нотки неудовлетворенности; весь мир перед Ним, и Он действует в тесной среде, отвергнутый всеми, непони-

маемый никем, и действует с полной, бесконечной удовлетворенностью. Даже будущее является Ему не как фантазия, мечта сладостная или горькая, а как неизбежное настоящее, как определенная Богом реальность. И Он говорит об этом Своим ученикам просто как о факте, имеющем быть...

Такое отсутствие пустой рефлексии, мечтательности, порывов, неудовлетворенности настоящим делом и стремления к чему-то будущему, — отсутствие всякой такой фантазийности, сочиненности — по-моему, это одно из величайших чудес, если не самое великое...

И оно поразительно особенно для нас, людей этой фиктивной эпохи, людей все рвущихся к чему-то, мечтающих, рефлектирующих, копающихся и совсем не живущих настоящей реальной жизнью, не работающих над тем, что сейчас у нас под руками, не удовлетворяющихся никаким делом, все кажущимся нам мелким и ничтожным... В каждую былинку можно вложить бесконечность, а мы и всем миром, пожалуй, не удовлетворимся...

У нас широкие размахи; скорбь — так мировая, а рядом живет несчастный — мы не бросим ему взора или слова любви; нравственность — так абсолютная, а сами пьем, грязним себя злыми чувствами и нимало не замечаем этого...

Ах, все это я пишу потому, что видел и вижу сейчас и на каждое слово свое могу сказать несколько примеров, да и на самом себе вижу этого беса. Это мечтательство, эти порывы куда-то, все это диавольский клапан, через который уходят наши силы, наша способность работать над тем реальным делом, которое сейчас, сию минуту есть у нас и просит нашего труда, нашего подвига, нашей любви... Пото-

му-то мы рвемся вдаль, что не умеем работать около себя; потому-то мы и мечтаем о любви ко всем, что не умеем любить действительно тех, кто около нас; потому-то мы и живем в будущем, что не умеем жить в настоящем. И потому-то настоящее уплывает, уходит от нас таким же худым, как было. Мы не улучшаем его своей любовью, своим трудом. Окружающие нас люди не чувствуют нашего света, а мы, ленивые, нерадивые рабы, утешаем себя мечтами, порывами, мы любим что-то, мы работаем над чем-то... но, к сожалению, все это фантазии, то есть в пустоте...

Ах, дорогая моя, любите Лизу, держитесь за нее — это реальнейшее, святейшее дело. Не рвитесь куда-то. Право, это призрак, который отнимает у Вас реальные силы. Читайте то, что должно помочь Вам и в Вашем действительном деле; посмотрите, ведь тут хватит материала на сотни жизней. Лиза вырастет, и Вы всю свою любовь должны направить к правильному расцвету всех ее духовных и физических сил, сколько здесь чудного, прекрасного, сколько знаний, сколько подвига, сколько самоотвержения... Весь мир не стоит человеческой души. И она под Вашим призором, под Вашим воздействием...

О, эта фантазия. Я просто чувствую ужас перед ней. Это величайший враг. Все раскидываешься, рвешься, а то, что под руками, проходит без нашей любви, без нашего подвига... Нет, нет, дорогая моя, боритесь и Вы, ради Господа, с этой жадной пустых порывов... Реализм, величайший реализм — вот что говорит нам Христос, и мы должны подчиниться, должны себя переломить во что бы то ни стало. Нечего мечтать и воображать себя такими-то и такими-

то... нужно любить и работать, что есть перед глазами и руками и тут сосредоточить все свои лучшие силы...

4

Вторник, 11 января. ... И охота Вам читать о всех этих нервностях и наследственностях... Это только растравляет и отравляет жизнь, не принося ни малейшей пользы. Для настоящего верующего христианина наследственность не страшна, потому что есть возрождение, ради которого и приходил Христос.

Неужели Вы думаете, что от дурной наследственности кто-нибудь и когда-нибудь был избавлен? И однако вера во Христа возрождала, и люди становились одушевленными героями чистоты жизни, величия мысли и дел...

Мы, принимая все эти теории наследственности и безусловно преклоняясь перед ней, как перед роком, совершенно попадаем на дорогу язычников и позабываем, что именно ради избавления от зла этой наследственности и пришел Христос. Иначе зачем же Он приходил? Если и с Ним над нами тяготеет рок и мы его рабы, — то каков смысл христианства... Потому-то так настойчиво Христос и призывал к возрождению, поэтому-то послан был Святой Дух, чтобы вырвать из когтей наследственных недугов...

Но мы забыли живую силу Христа, не знаем, что такое возрождение, не знакомы с вдохновением — и потому совершенно во власти наследственных болезней и проч. Теории и научные исследования наследственности очень полезны, но только для верующего и вдохновленного христианина. Он поль-

зуются ими, чтобы облегчить борьбу с наследственностью... А для людей вне вдохновения во Христе эти исследования бесполезны, потому что кто же будет бороться с нею, если все безусловно в ее власти... Ведь это же ирония развигать перед большим законом его болезни, когда нет никакой возможности бороться с ней и излечить ее, не только в себе, но даже и в детях, и в будущих потомках, потому что ее роковая сила безраздельно царствует и над нами, воспитывающими наших детей, и над детьми, когда они будут воспитывать своих детей и т. д. ... Оставьте, моя дорогая, этот рабский страх перед своей стихийной природой и всякой наследственностью и воодушевитесь верой во Христа, Который даст силу бороться с ней и свою духовную личность освободить от нее...

Ах, дорогая моя, мы в страшном ослеплении все... Вы не поверите, как с каждым днем, с каждым часом я все больше и больше вижу это, и мне страшно становится... Мы забыли, отвергли все, что составляет самую жизнь, самый смысл миссии Христа. И не только светские это сделали, но и духовные. Так жить нельзя... И скоро должен наступить кризис... и будут подвиги и жертвы; тьма, сгущенная над нами слабыми и невеждами в верованиями Запада, должна развеяться, разразившись грозой и молниями.

5

Дорогая А. Ф. Что это Вас так занимает ад и адские муки?

Неужели уже все остальное во Христе — чудное, положительное, прекрасное, — Вы уже исчерпали своим сердцем и вот хотите довершить свое здание

и обращаетесь к деталям, к формам, к тому, что можно истолковывать и так и сяк, ничуть не изменяя любви Христовой и вере в Него.

Вы, конечно, верите, что я от всей души радуюсь, когда Вы пишете мне о своих думах и чувствах, обращенных ко Христу, ищущих Его... Но мне хочется Вам поставить на вид следующее. Дорогая моя, чего Вы ищете во Христе? Зачем Вы к Нему обращаетесь? Затем ли, чтобы найти в Нем отраду мира, счастье, полноту и цельность внутренней жизни, или затем, чтобы Христос разрешал Вам те или другие теоретические вопросы, которые тревожат и интересуют Вас... Идете ли Вы ко Христу, как к Избавителю от той страды сердца, от тех мук жизни, от того бессилия воли, которые каждый из нас носит в себе, или же как к философу, к учителю?

Это очень важно разрешить себе, потому что в том или другом случае получаются различные результаты. Посмотрите на жизнь Христа. За Ним ходят апостолы, бросившие семью и все остальное. Неужели Вы думаете, что у них не было всяческих вопросов? А между тем, несмотря на то, что Христос часто совершенно шел вопреки их верованиям, взглядам, они спорят ли с Ним, предлагают ли Ему вопросы? Нет, они так любят Его, так влекутся к Нему сердцем, чувствуя Его бесконечную чистоту и святость, что безусловно верят Ему и только слушают то, что Он находит нужным открыть им... Ко Христу прибегают грешники, грешницы. Неужели Вы думаете, что у них не было вопросов? Неужели грешница не могла спросить Христа: разве она виновата в том-то и в том-то? И тысячи вопросов, конечно, она смогла бы предложить, переболевши сердцем всю муку своей страстной грешной природы.

Но она ничего не предлагает, а только ищет во Христе отрады мира и чистой совести, прощенной, помилованной души...

Посмотрите, кто из тех лиц, кого отличил Господь Своею любовью, кому Он дал счастье быть Его другом, кто предлагал Ему вопросы? — Никто, решительно никто.

Теперь обратите Ваше внимание, кто именно с этими вопросами подходил к Нему. Кто это был? Книжники, фарисеи, саддукеи, — лица, руководящие интеллектуальным, политическим и нравственным строем иудеев. Они совсем уж не так были худы, такие злодеи, какими мы не прочь их изобразить... ничуть. Это — люди, создавшие свои собственные теории философского или политического характера, это были рьяные и, в житейском смысле слова, честные и высокие борцы за национальную и умственную свободу иудеев... Но они ушли в свои человеческие соображения и теории, так отделились голове и рациональным житейским соображениям, что решительно не смогли своим сердцем ощутить божественной высоты Христа. Они подходили к Нему с вопросами и сомнениями, спорили с Ним, добивались от Него доказательств и знамений. И что же? Вы знаете, какое отношение было к ним Христа? Он если и говорил с ними, то для того только, чтобы уличить лукавство их мысли, а по существу не вступал с ними в подробные объяснения.

А почему? Очень просто: потому что разреши Он одно, они предложили бы дальше другое; из каждого ответа народились бы десятки вопросов, потому что *область сомнений так же бесконечна, как и область мысли.*

/.../ Ну, вот Вас беспокоит ад. Вы мучаетесь над вопросами, физические или внутренние будут муки, вечные или не вечные? Все ли в конце концов спасутся или нет? Но скажите, пожалуйста, предложит ли их Христу тот, кто ищет в Нем спасения от внутренних мук сердца? Физические или внутренние муки? Ну не все ли это равно для нас? Ведь суть-то в том, что муки — страдания, а каковы они — разве это не второстепенно. И затем подумайте: если Вы говорите о внутренних муках, то разве они по необходимости не будут в то же время и внешними? Разве наши внутренние потрясения не выражаются нервной горячкой? Разве печаль и чисто внутренние страдания не отражаются сейчас же на теле? Разве есть грань между внутренним и внешним? Разве не все внешнее отражается на внутреннем и все внутреннее на внешнем? И разве современная наука не показывает, что тут нельзя провести границы?

Ну чего же мы рассуждаем: физические или психические муки. Не научный ли, не детальный ли это вопрос? Где мы видим у человека в чистом виде то или другое, не соединено ли это в самой природе нераздельно? А мы делаем из этого спорный вопрос для веры во Христа... Мы хотим, чтобы Он ответил нам для удостоверения Своего божественного достоинства... Да не все ли нам равно?

Разве нравственные муки не тяжелее физических; и про что здесь собственно спорить... Разве в присутствии Христа может этот вопрос прийти... Ведь не придет же нам на ум спросить Его: а какая температура будет в аду? Ведь это смешно; совершенно так же неважен вопрос о том, физические или внутренние будут муки...

Дело в том, что зло мучительно; всякий эгоизм, всякое дурное движение сердца влекут за собой муки; всякое отчуждение от сердца Христова — влечет страдания — вот суть, а остальное просто дело второстепенной деятельности... Вы мучаетесь сомнением: как это могут быть муки вечные? Разве это справедливо?..

Ну подумайте, можно ли тут спорить, когда мы с Вами не знаем и понять не можем, что такое вечность. Ведь вечность не есть бесконечность. Вечность — это постоянно настоящее время без всякого прошедшего и будущего... Ну чего же тут мы понимаем. Не очевидно ли, что с нашей теперешней организацией это для нас так же непонятно, как непонятно какое-нибудь четвертое измерение или ультрафиолетовый свет. А мы спорим: справедливо или нет, когда не знаем даже и не можем знать именно того, о чем идет речь...

Да и потом скажите, пожалуйста: Христос добрее вас или нет? Больше Он вас любит людей или меньше? Если больше и бесконечно больше, то разве мог Он выдумать что-нибудь жестокое для людей и несправедливое. Не ясно ли, что нам нужно довериться Христу: уж наверно Он хоть немножко посправедливее и добрее нас; а не торговаться с Ним, сколько нам страдать за столько-то лет. Право, это странно. Тут просто скрытое недоверие... Уж как будто мы-то и судьи справедливые, а Христос жесток и несправедлив. И главное: эти выводы строим на тех же словах Христа, которые могут быть понимаемы очень различным образом... Мы мучаемся. Вы мучаетесь над тем: все или не все спасутся.

Ну подумайте: не чисто ли это теоретический вопрос. Спасутся те, которые войдут в согласие с

жизнью Христовой, которые не воспротивятся Ему во что бы то ни стало... Много ли, мало ли, все или не все — разве это существенно и разве это можно знать. Ведь, уж конечно, Бог и Христос сделает все, что только в Его власти, чтобы привлечь к Себе свободу человека. Но все ли в конце концов отзовутся на это или найдутся такие, которые во что бы то ни стало не уверуют по своей гордости, что все счастье в настроении Христовом и вся жизнь, вся высота в Христе — это неизвестно, все равно как неизвестно, когда и в какой час придет Христос. Ведь суть-то вся в том, чтобы знать, что *все могут* спасаться, что Христос совершит *все*, чтобы спасти; а уж *все ли* уступят этой любви, *все ли* поддадутся ей и прильнут к ней — разве это можно знать?

Еще бы спросить Христа, а вот Петр Семеныч, наш знакомый, спасется или нет когда-нибудь? Христос бы наверное сказал: Я умираю за него, Я делаю все, чтобы он полюбил Меня, но полюбит ли он — это зависит от него. Я и по смерти его сделаю все, чтобы привлечь его, но уступит ли он — это в его руках.

Ведь подумайте, нельзя же насильно принудить любить. Ведь вся сущность любви, весь аромат ее именно в свободе — как же можно говорить о насилии, когда речь идет о свободной любви. Даже и Бог не может понудить любить — ибо это противостоит естественному, невозможно. Значит — как же можно решать вопрос: все или не все спасутся.

И главное, эти вопросы мы ставим, как пробу Христу... Они все по самому существу своему построены на недоразумении, и мы выискиваем их Бог знает откуда, тогда как самое главное, самое существенное, ясное у Христа ускользает от нас, не

возбуждает в нас той беззаветной любви, какой оно заслуживает... И так идет жизнь наша...

Но, однако, Вы скажете, эти вопросы решались в Церкви. Да, решались, но уже *после* веры. Да, решались, но как вопросы *личной любознательности*. Поэтому и решались и никогда не вносились в символ веры. Почему же не попробовать решить их для себя, когда уверовал во Христа? Это так естественно, каждое слово Господа дорого и хочется хорошенько уяснить его. Но только это тогда, когда со Христом, когда уже отдался Ему, доверился Ему, когда покоен, потому что Он с тобой и ты с Ним... А когда еще стоишь и раздумываешь, идти ли за Христом, — тогда эти вопросы невозможны; это значит поставить себя на такую дорогу, с которой никогда не свернуть и никогда не прийти ко Христу, потому что вопросы эти бесконечны, как бесконечна наша жизнь в своем анализе...

Дорогая моя, живая личность Христа — такого необъятного значения, такая несказанно чудесная драгоценность, что в биллионы, квадрильоны раз превышает все наши теоретические сомнения... Когда Господь предложил Свое учение о том, что кто вкусит Его Тела и Крови, тот жив будет вовеки, — это произвело великий соблазн и многие ушли от Него, сказавши себе: жестоко, непонятно Его слово и кто может понять Его?

Христос, обратившись к апостолам, сказал: может быть и вы уйдете? Но они в ответ произнесли великие, чудные слова: „К кому, куда нам, Господи, идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной”. Вот золотые сердца: разве у них не возбуждалось сомнений? Разве мысль не могла предъявить им вопросов? Но что все это для них сравнительно с любовью

к Несравненному Учителю. Что такое их бедное разумение по сравнению с той божественной мудростью и высотой, которая просвечивает через всю личность Господа. Сердце, все что они имели хорошего, святого, все им говорит, что в Нем жизнь, истина, Бог. Что же еще? Если они еще не понимают некоторых Его слов, то что же из того... Он не может сделать ничего дурного; наверное, затем все разъяснится... И во всяком случае доверие ко Христу стоит непоколебимо: к кому мы пойдем, — говорят они.

Да, дорогая моя, а мы с вами к кому пойдем, если будем ставить на карту свою веру во Христа из-за тех или других сомнений и недоумений. Посмотрите на всю историю, на все окружающее, на всю совокупность того, что мы достигли на земле и даже мечтаем достигнуть — посмотрите на все это и скажите: что может приравняться Ему? Куда от Него мы пойдем? Где же, кроме Его, та чистота и жизнь, которой хватит на обновление целого мира...

Имейте одно в виду, самое главное: все дело *в личности, в живой личности*. Только личность спасает, *только личность* можно любить, *только в личность* можно и должно верить. Все действия, все слова — все это только частные обнаружения, характеризующие личность, но не исчерпывающие ее. Все это только намек на нее, это отдельные иероглифы, которые должна истолковывать себе другая личность или совокупность личностей.

Личность — это нечто совершенно невыразимое, вполне несказанное, это тайна, доступная только любви и вере... Возьмите наши обычные личности. Посмотрите, что если мы будем судить друг о друге только по отдельным словам... Да вот сейчас, уверяю Вас, я буквально миллионной доли не могу на-

писать того, что у меня в сердце и голове, и буквально ни одним словом из написанного не доволен; все мне кажется бесконечно слабо, бесцветно... Я по получении от Вас писем всю неделю писал, столько родилось мыслей, но решительно ничего не исчерпал, что родилось в душе... Вот и сейчас написанное только один ничтожнейший и бесцветнейший намек, но я верю, что Ваша душа не отдалятся от меня из-за того или другого слова...

Дорогая моя, мне еще раз хочется повторить Вам, что совсем не имею в виду стеснять Вашу мысль. Я от всего сердца рад видеть, что она у Вас направляется ко Христу. Я только хлопочу о Вашем духовном покое, о Вашем мире. Не делайте из своих вопросов вопроса, так сказать, „кабинетского”, если это не так, то выхожу в отставку в целом составе; не ставьте из отдельных сомнений на карту вашу веру во Христа. Ведь очень может случиться и постоянно случается, что те или другие сомнения сейчас не могут разрешиться для Вас. Например, я Вам объясню что-нибудь неубедительно для Вас, а может быть и просто неверно; обратитесь к другим и там, быть может, не найдете вполне того, что было бы подходяще для Вас; станете сами думать и только запутаетесь... Вот тут-то и нужно следовать тому, что выше всяких сомнений — любви и доверию ко Христу...

/.../ И Церковь, в лице своих лучших сынов, всегда в мере разумения трудилась над разрешением тех или других вопросов, но все это исходило уже из предварительной беззаветной преданности к живой реальной личности Христа... Это безусловное доверие было во главе жизни и настроения, и сомнения никогда не касались этого, как бы они ни были трудны и неподатливы... Церковь всегда повторя-

ла с апостолами: „Куда, к кому мы пойдём... Ты имеешь глаголы жизни вечной. И пусть наше слабое понимание иногда не в силах следить за Тобой — мы безраздельно с Тобой, и ни смерть и ничто на свете не разлучит нас с Тобой”...

Теперь, в частности, о Ваших сомнениях. Очень, очень жалею, что я не вблизи Вас. По получении Ваших писем я много кое-чего заметил и написал. Но всего я не могу присылать. Поэтому буду до самой крайности краток и сух...

Вас пугает геенна огненная. Примите во внимание при объяснении слов Господа, что Он пользовался, как и все на Востоке, ходячими изречениями, фразами, образами для выражения Своей мысли. Поэтому нельзя многим Его словам придавать буквально-го смысла; Он употреблял их лишь потому, что они всем были понятны, у всех были на устах и легко воспринимались и запоминались. Представьте себе, что кто-нибудь для выражения мысли пользовался бы народными пословицами. Ведь странно было бы выводить смысл из каждого отдельного слова... А на Востоке при отсутствии книгопечатания, при постоянном изучении законов и преданий на память, — все мыслят и говорят такими пословицами, то есть всем известными образами и изречениями...

Поэтому-то, если наша любознательность хочет проникнуть за известный образ, нужно знание современной Христу среды и писаний и преданий, находившихся в ней.

Ге-Енна значит по-еврейски *долина Енномова*. Она около стен Иерусалима, прямо за ними. Это мрачное место, полное самых ужасных и омерзительных воспоминаний для евреев. Здесь много их легло костями в сражениях; здесь приносились са-

мые жестокие жертвы Молоху, и самые отвратительные Астарте. На раскаленные руки Молоха бросали невинных младенцев и они скатывались в огненное нутро истукана. Девы приносили свою невинность Астарте. Культ был полон самых противоестественных развратных оргий, где жрецы были кастраты, а жрицы — узаконенные развратницы. Так как Молох и Астарта были боги палящего солнца, то им посвящался огонь; оргии совершались в глубине темных пещер; тьма и огонь были символами этих богов...

Из долины Еннотовой разливался этот разврат до времени царей. И пророк Иеремия, собравши вокруг себя старейшин иудейских, предсказал падение царства и Иерусалима. И когда иудеи вернулись из плена, для них Ге-Еннот был просто предметом отвращения и ужаса. Сюда стали свозиться нечистоты, и для предупреждения заразы здесь постоянно поддерживался огонь; здесь совершалась и смертная казнь, и трупы валялись и поедались червями... Для фарисеев и вообще для евреев Ге-Еннот был символом гибели всякого язычества... Отсюда шла зараза идолопоклонства, погубившая иудеев, и вот воочию конец, постигший ее: смерть и смрад царили на его месте.

Отсюда Вы поймете, почему Христос пользовался словом Ге-Еннот. Он не Сам выдумал его, не сочинил, чтобы точнее выразить мысль, а просто взял его, как совершенно обиходное и срощеся с народной историей. И заметьте, это слово Христос употребляет только тогда, когда говорит о прелюбодеянии, о разврате или в прямом смысле или в духовном — в отношении детей — или в религиозном — о прелюбодейной связи с миром (я тут много интересного отметил и нашел; Бог даст,

когда кончу то, что работаю, — увидите и прочтете...).

Таким образом, мы напрасно придираемся к словам и делаем из ге-енны что-то буквально и точно выражающее мысль Господа. Это было бы не так, если бы слово составил Сам Христос для выражения идеи, как, например, мы видим ясные понятия в Его учении о любви и в заповедях блаженства. А здесь совсем не то. Это образ, понятный для всех и которым Христос хотел показать, что вот какой конец будет всякому злу и разврату... Тут важна идея гибели, а не слова... Где Христос говорит: где червь не умирает и огонь не угасает (Мк. 10, 45), там Он пользуется буквально словами пророка Исаии (66, 24), которые тоже всем известны...

Христос говорил публично. Его цель была прочнее запечатлеть в памяти, потому Он и пользовался именно тем, что у всех было на устах, лишь освещая со Своей, высшей точки зрения...

То же самое приложимо и к другим выражениям об аде. Печь огненная — это общепринятый образ гибели, взятый из того, что иудеи после того, как провеяли хлеб, плевелы сжигали в нарочно устроенных очагах или печках. И еще Иоанн Креститель говорит о Христе: лопата в руке Его и Он отделит пшеницу от плевел, пшеницу соберет в житницы, а плевелы сожжет огнем неугасимым... (Ев. Ин.)

И Христос постоянно говорит, что Он пришел произвести разделение между людьми, между добром и злом, и говорит, что плевелы, зло погибнет, как погибают плевелы и после обычной жатвы на полях в огне... Если вас соблазняет, что огонь называется неугасимым — то примите во внимание опять то, что на Востоке мыслили и говорили целы-

ми изречениями, и связь слов так сливалась, что невозможно было их отделить...

У пророка Исаии еще огонь соединялся со словом „неугасимый”, вероятно, как поэтический образ, — и это так заучилось всеми, что само собой одно слово влекло за собой и другое...

Ах, сколько, сколько можно бы Вам тут сказать... Но где же тут на бумаге, да и невозможно по времени... Вас смущает еще слово „вечный”. Но я уже упоминал, что во внутреннем смысле это совсем непонятно вообще для человека, живущего во времени. Но в каком смысле его употреблял Христос — это вопрос очень детальный и трудный. Слово „вечный” — весьма часто у восточных народов употреблялось как гипербола. И мы ведь говорим друг другу: ты вечно болтаешь и пр. Затем „вечный” — опять-таки часто совершенно сливалось с некоторыми словами в народном языке, и именно в отношении будущей жизни.

Я не хочу тут прямо утверждать, что Христос употреблял это слово как гиперболу, ибо думаю, что раз мы в той жизни будем в „вечности”, то почему же и те страдания не назвать вечными. А что такое вечность, мы решительно понять не можем сейчас. Это особая форма бытия, превышающая наши теперешние формы времени. Значит, тут мы не можем сделать никаких заключений и выводов; ни бояться, ни обвинять Христа в жестокости мы не имеем права, потому что не знаем, за что... А если не это разумел Господь, то значит Он говорил на обычном народном языке, и значит, опять хвататься за буквальный смысл нет оснований...

Еще что-то Вы писали об озере смолянском, что ли? Так и это ведь прямо указание на факт гибели Со-

дома и Гоморры, и очевидно символ. Да и в Апокалипсисе все исполнено образов, и если мы будем придавать буквальный смысл — что же получится...

Говоря обо всем этом, я не хочу сказать, что Христос не учил о муках тех, кто не примет Его, не полюбит Его, кто будет держаться за зло и пр. Все это несомненно, зло непременно подвержено страданию. Я только хочу сказать, что не нужно полагать весь смысл в букве слов и сравнений, не нужно ими соблазняться; смысл их может быть очень сильный, но все же может быть не буквальный. И во всяком случае, к этому духу нужно восходить из Духа Христова и из других данных, а не из буквы...

Если Вы желаете знать мое личное мнение, то оно вкратце таково: 1) зло непременно ведет к страданиям; 2) каковы эти страдания — это решительно все равно: и внешние и внутренние так неразрывно связаны и так по ощущению своему однородны, что решительно нет интереса рассуждать об этом; 3) страдания совершенно параллельны злу, пока зло — дотеле и страдания; 4) страдания *могут* быть вечны, потому что человек свободен и может вечно противиться добру, а следовательно, и вечно страдать; даже и Сам Бог не может насильно избавить от страданий, дать счастье, потому что любовь к добру и к воплощению добра — Христу — может быть только свободной... 5) Что такое сопротивление добру возможно психологически — это видно и теперь; разве мы не страдаем от зла? Разве мы не в аду своего рода? а разве легко отказываемся от него, разве мы не с трудом преодолеваем себя, чтобы полюбить Христа и полюбить в Нем добро и отдаться Ему? И ведь чем ни дальше, тем труднее развязаться с путями зла.

Почему же нельзя допустить, что могут найтись существа — люди ли, духи ли, — которые так и не захотят отказаться от своей гордости, от своего эгоизма, от своих мечтаний и полюбить просто и смиренно смиренного Христа. Ведь и истина и добро *страшно просты*, так сказать, прозрачны, идиличны, как прост и идиличен Христос. И в этом Его соблазн. Мы все рвемся к сложному, грандиозному; мы все запутали в своих мечтах. И отказаться от всего этого нам не хочется. И несмотря на то, что олицетворение простоты и любви за нас умирает, призывая и привлекая нас к Себе, мы все же увертываемся, всячески обманываем себя и не поддаемся голосу смиренной простоты, любви... Почему то же самое не может продолжаться и дальше? Почему я не могу продолжать это вечно? Кто и как может меня заставить отказаться от моих мечтаний? Я знаю, что я от них страдаю, знаю, что счастье и мир в простоте Христовой... а все-таки стою на своем и упорно мечтаю и осуществляю свои мечты, вопреки Богу... Это очень понятно. А по-моему, христианское учение о *возможности вечных* мучений не только совершенно логично, но прямо вытекает из признания божественного достоинства и свободы человека.

б) Но в *действительности* останутся ли такие упорные или все в конце концов покорятся простоте истины — это неизвестно, потому что всецело зависит от свободы человека или духов. Пока будут противиться вечно, будут страдать вечно. Преодолеют себя, откажутся от себя — примкнут ко Христу — получают счастье. Все зависит от свободы человека или духа, даже и для дьявола этот вход не закрыт.

Но только Церковь в лице святых отцов полагает, что если дьявол не захотел отказаться от своей

мечты, от своей гордыни, от своего противления Богу, когда видел, что воплотившийся Бог из любви умирает за людей, — если он не отказался от себя, видя такую беспредельную любовь до бесконечного унижения и страданий, до крестной смерти — то что же может его еще побудить сильнее?..

Мы оправдываем себя недоразумениями, неясностью понимания и пр. и пр. Конечно, тот дух, который искушал Христа, не может оправдаться незнанием. Он знал, что это Сын Божий. И все-таки стоял на своей мечте и своей самостоятельности в заблуждении. Поэтому Церковь и полагает, что трудно и по земным соображениям невозможно придумать, почему бы он отказался от себя, от всей той запутанной, горделивой мечты, которая обуяла его. Если же не откажется, то, конечно, будет страдать, как страдает и сейчас, потому что в этой запутанности, в этой самостоятельности, в этом отказе от Бога и истины и есть страдание. Церковь не внесла этого учения в символ, но по-моему оно совершенно правильно по логическим и земным соображениям. А как будет на самом деле — это нельзя предусмотреть, потому что это опять-таки дело свободы... В пределах земного рассуждения выходит так, но не превзойдет ли свобода этих рассуждений, этого мы не знаем и знать не можем.

Вот Вам мои взгляды. Вероятно, они изложены очень смутно, но спешу и решительно не обращаю внимания на точность и форму... Верю, что Вы поймете намеки и что непонятно — напишите мне...

Еще Вы как-то писали об иссушении смоковницы. Вы находите жестоким: „за что проклинать невинную смоковницу!“ — восклицаете Вы. Простите, но право, это восклицание, которое довольно часто

встречается у рационалистов и противников Христа, мне всегда казалось чем-то смешным, не то просто отвратительным по своему лицемерию, по своей мелочности и придирчивости...

Простите, я не Вас имею в виду; Вы говорите со слов Вашей знакомой, да и она с чужого голоса. Я говорю о тех, кто говорит об этом сознательно...

Ну, подумайте: вот факт. Это было пред самыми страданиями: в Великий Понедельник после входа в Иерусалим Христос сделал все, чтобы привлечь к Себе иудеев. Ничто не помогало. И Он произнес им правдивые притчи о том, что кто не принесет плодов добра, тот погибнет, высохнет, умрет... Все средства любви истощены — человек оставляется своей свободе...

Ну, вот идет Христос мимо смоковницы. „Это не было время (собирая) смокв”, говорит евангелист, то есть смоквы не отрясли еще от деревьев. Христос идет к ней, чтобы взять плод. Не оказалось ни одного. Очевидно, она уже потеряла силу производительности.

Что же такого жестокого и безнравственного, если Христос воспользовался этим, чтобы символизировать на этом дереве судьбу иудейского народа и всех, кто не приносит плодов добра... Что здесь такого нелепого, если на этой бесплодной смоковнице Христос хотел показать Своим ученикам, что Его притчи народу иудейскому не простые слова, а имеют за собой божественную силу. Боже мой! Нам так жаль бедную смоковницу! Ну не лицемерие ли это? Это нам-то, которые все купаемся в крови и злобе... Это мы-то вступаемся за невинное дерево... Почему же тогда уж не винить Христа и в том, что Он мял траву, рвал колосья хлеба, ел плоды? Чем, в самом деле, все это виновато?

Да что Вы, постыдитесь Господа, ведь скоро обвинения будут так сильны, что спросят Христа, а зачем Ты ходил по земле? Да разве смоковница сознательное существо? Разве она ощущала страдания? Разве мы на каждом шагу не рубим деревья, не мнем тысячи существ? А если Христос воспользовался бесплодным деревом, как символом для наидания учеников, то это жестоко... Если Он на и так засыхающем, может быть, дереве дал образец силы веры, то это нелепо...

И потом такое ужасное слово: „проклял” смоковницу. 1) Слова „проклял” совсем и нет в Евангелии в данном случае. 2) Проклятие означает только, что нечто предоставляется своей судьбе, лишается поддержки; *проклинаю* — значит *отлучаю*. Так что делать пугало даже и из такого слова, как проклятие, совсем не следует. Это страшное слово, но оно не обнаруживает никакой активной жестокости... И если Судия говорит грешникам „проклятые”, то это значит только: отлученные от Меня, предоставленные себе самим; но дело в том, что по отношению к смоковнице даже и этого слова не было употреблено. А просто Христос сказал: не будет от тебя плода с тех пор. Вот и все. Он лишь ускорил тот процесс, который в ней уже совершался и ясно выражался в ее бесплодии... Чего же тут жестокого? За что же тут обвинять Христа? Ведь это все равно, как если бы Он взял соломинку и переломил ее в знак того, что так же сломлена будет гордыня фарисеев... Нет, дорогая, ради Бога не придирайтесь так ко Христу... Ведь этот сентиментализм вытекает из нелепой предвзятой вражды ко Христу и по существу своему нелеп, смешон, невозможен...

Когда я слышу такие возражения, мне становится

страшно за человека, столько в нем самой упорной ненависти ко Христу... Ничего нет, так он вымышляет что-то невозможное, только бы найти хоть малейшее пятнышко, оправдать свое неверие в Христа, свое равнодушие к Нему...

Молюсь просветить Ваш ум и сердце... А главное, всегда помните, что Христос пришел основать *духовное* царство и дать *духовное* счастье, а не изменять чисто внешний порядок жизни, который идет фатально и придет сам собой к своему уничтожению. Потому-то не нужно требовать, чтобы при вере во Христа, при общении с Ним изменялись для нас внешние события и уменьшалось количество внешних невзгод. Христос лишь предлагает силы — внутренне противостать этим невздам и среди них создать себе мир, счастье, бодрость и крепкую веру в жизнь духа. Только это Он и дает. И весь небесный мир нисходит на нашу душу и озаряет нашу жизнь только изнутри.

Мир земли, мир внешний, как испорченная машина, давит и мучит неизменно все, что попадает к ней. Но и в ней мы можем через Христа найти такую область, которая недоступна ее колесам, — это область духа. И приходит время, когда и наше собственное тело от дисгармонии спадет и развалится, тогда дух выпорхнет из машины и будет жить теми силами, которые дал ему Христос, и будет поддерживаться и развиваться другими такими же выпорхнувшими духами... Придет время, и весь земной мир развалится от своих диссонансов и разрешится в хаотический атомный водоворот — мировой пожар. И вот только тогда дух наш чистый и благодатный ускользнет от этой катастрофы, так как недоступен ее материальной силе, выше ее... Христос и

дает именно силу очищать и возвышать дух чрез общение с Ним и со всеми небесными душами. Поэтому-то верующий в Него и живущий Им не придет на суд, но перейдет прямо от смерти в жизнь...

Эта мысль о полной независимости и отдельности Христова мира, Христова царствия от окружающего нас фатального хода материальной внешней жизни — дает величайшее успокоение и разрешает многие сомнения и тревоги.

Недаром Христос постоянно оттенял мысль, что Он духовный царь, что Царство Его не от мира сего, что этот мир земли идет по линии толчка, который дала ему грешная человеческая воля... Он пришел не остановить, не исправить машину эту, а создать в ней такую стихию, которая для нее недоступна, и возвести туда тех, кто пойдет за Ним. Если бы Он исправил машину насильно, если бы стал земным царем и чудодеем, то плотские люди опять так же бы испортили ее и все бы пошло по-старому. Но Он видел, что машина все равно изломается и рухнет, а людям нужно дать возможность и силу утончиться, одухотвориться, войти в этот эфир духа, в ту чистоту и высоту его, которая уже совершенно недоступна колесам грубой материальной машины.

Понимаете ли, что я хочу сказать и почему эта мысль так успокоительна? Понятно ли теперь, почему и в несчастьях и в страданиях последователи Христа находили мир и счастье со Христом. Понятно ли, почему они стремились не к внешним переменам и реформам, а к внутреннему перерождению людей. Конечно, они и о внешних улучшениях заботились, потому что видели, как колеса перетирают шею ближних и сочат из их сердец кровь. Но это лишь дело милосердия; оно нужно, оно требуется

любовью, но не оно самое главное. Главное — дать человеку Христову силу духа, возродить его, приобрести его Христу и небу, дать ему радость и мир в области высшей, недоступной этому плотному, грубому миру... И сюда направлены все силы христиан. Они именно выводили людей из Египетского плена в обетованную землю внутреннего неба, где Христос и все Его с Ним...

Ну, написал столько, что негде поговорить о самом главном из Вашего письма: о загробной жизни. Для меня самого все *теоретические основания в пользу* бессмертия, а не *против него*. Развивать все их было бы слишком долго и сию минуту невозможно. Я только скажу одно: если мысли колеблются и за и против бессмертия, то все же в миллион раз лучше, радостнее примкнуть ко Христу. Ведь если Он *верил*, то чего же мы-то, ничтожные, жалкие пигмеи, рассуждаем. Его вера не должна ли весить бесконечно тяжелее всех наших сомнений, ни на чем не основанных... Уж если такая чистота божественной души прямо непоколебимо верила, что загробная жизнь есть (Лк. 20, 34—38), то что же нам-то остается...

А затем, верим мы или не верим, что Он воскрес? что Он сейчас с нами? Если „да”, то рассуждать нечего. Если „нет”, то значит мы не христиане, для нас Христос — тень, призрак, и мы самые несчастные люди; да и Христос самый несчастный, самый заблуждающийся и вводящий нас в заблуждение безумец. А если так, то стоит ли жить? Если Христос безумец, если Он ошибался — то я плюю на весь мир, презираю его и прямо заявляю, что я считаю себя бесконечно мудрейшим всех, присоединяясь к заблуждению Христа. Ибо это заблуждение

в таком случае беспредельно выше, дороже, премудрей всякой бессмысленной действительности... Если взвесить на весах чудную личность Христа, то разве она не перетянет весь мир, всю действительность, раз она вся здесь и кончается.

Боже мой, да в таком случае я сейчас готов идти на костер за идею Христа о бессмертии личности человеческой; и этот костер тем будет радостнее, чем больше бы мне доказали, что бессмертия нет. Именно тогда моя вера, моя „иллюзия” со Христом была бы бесконечно мудрее этой глупой, омерзительной, каннибальской деятельности... Если Христос не истина, если Его Дух, Его вера, Его любовь не истина — то я презираю всякую истину. Если Христос не жив, если Его *били, заушали, надругались над Ним и Он с тем и погиб и уничтожился* навсегда, то я проклинаю всю эту истину и становлюсь на сторону заблуждающегося, но чудного, божественного, неизъяснимо трогательного и чистого Страдальца... Не хочу я этой истины, если она не пощадила Христа. Я не люблю ее, не признаю ее, не преклоняюсь перед ней... Я выше ее, ибо со мной Христос с Его верой, с Его прекрасной, единственной в мире, в жизни душой... Нет никакой истины, если истина не во Христе. Нет никакой правды, если Христос замучен и *погиб*. Не стоит мига, одного мига жить, если Христос умер — и нет Его.

Мы доискиваемся смысла жизни, держимся за эту жизнь, не признавая загробной жизни. А не видим, что перед нами огненными буквами блестят слова: „А где Христос? Где в таком случае Его чистая, измученная, убитая твоим миром душа?”

Если ты держишься за эту жизнь с отрицанием *той*, то значит и ты погубил, замучил, поглотил

Христа вместе с этой жизнью, излюбленной тобой. Если ты находишь в ней смысл, хотя бы она и *уничтожила в муках Христа*, — то значит ты — христубийца. Если ты признаешь ее за истину, то что же для тебя Христовы муки? Ложь.

Ой, нет такого проклятия, которого достойна была бы та правда, та истина, которая исполосовала насквозь все голубиное божественное сердце Господа и превратила Его в отвратительное, чудовищное „ничто"... Пусть разразит меня эта правда. Я проклинаю ее всеми фибрами моего существа.

Нет, Христос жив. Его вера не призрак, не обман. Правда есть и она сохранила Его. Истина есть и она оправдала Христа... Христос жив. Значит и мы будем живы.

„Где Я, там будете и вы”, — сказал Он.

И мы с Ним, с Ним неразлучно во всем... Ни ад, ни смерть не отторгнут от Него... С Ним жизнь и бессмертие для всякого.

20 декабря 1893 г., 1 час ночи.

+

Дорогой мой П. Глубокое спасибо тебе за письмо. Оно пробудило в душе дорогие воспоминания и чувства и обвеяло каким-то теплом. Спасибо за поздравления. Я верю в их силу, если они истекают от любви. А в отношении тебя у меня нет в этом никакого сомнения. Как бы внешне мы ни были разделены — все же любовь соединяет нас. Я в это всегда верил и старался взрастить эту веру воспоминанием тебя в молитве.

Ты спрашиваешь: какие вопросы нравственного

мира меня занимали в последнее время и к каким выводам я пришел в решении их?

Вопрос, мой дорогой, слишком сложный. Наверяд вкоротке можно ответить на него, насколько могу, ответчу. Что неясно, договоримся после.

Один вопрос наполнял мою душу и сознание: как ощутить в себе Бога? Как сделать это ощущение более или менее постоянным? Как устроить свою жизнь так, чтобы она была всецелым осуществлением этого ощущения? Иначе сказать: как сердцем дойти до Бога, как жить в Нем, как действовать из Него? Насколько я себя понимаю, я всегда ощущал непреодолимую жажду. В семинарской жизни эти поиски Единого были главным образом теоретического свойства и выражались в шкале всевозможных отрицаний, начиная с самых грубо-материалистических (еще в училище) и кончая самыми утонченно-пантеистическими. Не могу сказать, чтобы эти поиски были только творческие. Но и сердце и воля были все же под влиянием ума и служили ему. Мало-помалу во мне нечто устроилось, прояснилось и, наконец, я установился мыслью на Едином. И ум, и сердце, и воля, и мое сознание нашли всеобъединяющую точку, и с ней нарисовался путь жизни, полной единства, полной беззаветного стремления не уклоняться по сторонам. Так весь мой внутренний теоретический процесс привел меня к монашеству. Оно было нормальным, органическим выражением того, что создалось внутри.

Как пантеизм привел меня к теизму, как теизм разрешился в христианство, как христианство оформилось в православие, так православие, для меня лично, при стремлении окончательно, беззаветно, всецело отдаться ему, разрешилось в монашество. Я

не могу уйти от него. Иначе был бы я подлец. Все нити внутренней жизни привели меня к этому центру. Если бы меня спросили за месяц, я не сказал бы, что буду монахом. Но когда эта мысль предстала моему сознанию, я увидел, что она есть лишь сокращенная формула того, чем полна моя душа. Ее роковой властительный характер тут уже стал мне ясен. И я не колебался и не сомневался. Я сделался монахом, потому что должен был им сделаться. Не мог не сделаться. Когда я сделался монахом, для меня предстала дальнейшая задача: ощутить Бога, жить в Нем и из Него. То, что нашла мысль, а сердце только предчувствовало, то нужно было вполне пережить в себе. Не утверждаю, что я сознавал тогда свою задачу и ее отношения к предшествующему развитию. Но жизненно я, как кажется, твердо ощущал ее и твердо шел к ее разрешению.

Опять не скажу, что монашество ясно выразилось каким-нибудь ясным во мне переломом. Остался я тем же. Катастроф не было. Был постоянный процесс переживания в ту Единую точку, которую я обрел в своем духе. Черная ряса лишь служила для меня знаком, что я остановился мыслью на этой точке. И чем более я стоял на ней, всматривался в нее, разъяснял ее, тем ее лучи все более наполняли душу и освещали ее, тем ближе, роднее становилась она, тем глубже и интимнее я ее переживал. Это было собственно постоянным ростом ощущения Бога. Иногда молитва давала величайшие, невыразимые восторги, полные тишины и блаженства. Но, конечно, все это было лишь по моментам. Жизнь окружающая шла своим чередом. Приходилось жить и действовать по случайным стихийным мотивам воли. Вся жизнь была и казалась мне, чем она должна

была быть. То ощущение Бога, Его любви, святости, чистоты, которое иногда овладевало душой, — служило вечным и жестоким укором всей стихийной жизни. У меня опускались руки делать что бы то ни было, ибо всякое движение воли, по-моему, должно вытекать из ощущения Бога, а на деле оно вытекало просто потому, что так заведена жизнь. Все порядки жизни общественной и церковной, вся рутинная рутина дел, все поступки и разговоры людей были для меня противны. Я ощущал в душе своей рай и жил вовне, точно в аду. Я весь измучился. Сочинение, которое нужно было мне написать, было мне тоже противно. Оно ничуть не вязалось с тем, что я переживал и само было лишь звеном общей бессмысленной рутины. Я рвался из этой паутины. Мне нужно было свою волю всецело подчинить тому, что есть Бог. А для этого нужно перескочить куда-то, нужно жить независимо от этого условного мира, как можно крепче и глубже и шире ощутить Бога, сделать это ощущение таким интенсивным, чтобы оно само собой выражалось в действии, чтобы последнее было лучом, необходимо истекающим из солнца... Мне казалось, что возможно это только в уединении, при руководстве такого человека, который отсек бы мою волю и сделал ее послушной только Богу.

Воля и обычная жизнь моя и людская были для меня противны, и я жаждал убежать от них. Вот как назрела мысль о монастырях и об Афоне. И я побывал в Соловках, на Валааме, в Задонске, Киеве, Константинополе и Иерусалиме. Везде старался беседовать с подвижниками и окончательно определиться.

Не скрою, что в этих беседах мне приходилось иногда переживать возвышеннейшие и сладчайшие

минуты. Я чувствовал себя в веянии Бога. Я ощущал небо близким и родным. Никогда до того я не ощущал такой реальности духа, такой живости и возвышенной любви и чистой молитвы. За этот период я как бы впервые обрел Бога. Но вместе с тем я вернулся назад к людям и в Академию. Это мне единогласно советовали и подвижники, особенно преосв. Феофан; к этому склонился под конец и я сам. Дело в том, что, переживши во время путешествия два пути духовной жизни старцев — путь созерцательный и путь деятельный, путь уединенной молитвы и путь открытой любви, путь Феофана и путь Оптинского старца Амвросия — я почувствовал, что мой путь последнего рода.

Я увидел, что я должен на людях подчинять свою волю Богу, что только путем преодоления эгоизма в каждый миг моего общения с людьми, я достигну того света любви, который сам собой забрызжет лучами соответствующей деятельности.

Короче сказать, я нашел свой путь, определил его, и он оказался среди тех же людей, от которых я было бежал. Но я уже возвратился к ним не таким, каким уехал. Прежде я не знал, что с ними делать, теперь я узнал, что должен любить. Прежде я или осуждал их или терялся среди них, подчиняясь течению; теперь я покойно мог жить и действовать по своим собственным мотивам любви во имя Христа. Для меня сделался ясным мой путь на людях. Куда бы он ни привел в смысле внешней жизни, мне все равно. Сейчас я в Академии, завтра могу быть выброшенным за борт и просить милостыню под окнами — для меня все равно. Последнее даже лучше.

Для меня стал ясен неотразимо мой долг — все делать по любви к человеку и Богу, к чему бы этот

долг ни привел. Внешняя судьба стала безразлична. Значит незачем стало и уединение. Я и на людях ощутил силу быть независимым от них и как бы любовь к ним. Так пришел в меня мир. И вот теперь живу этим миром, дышу и наслаждаюсь им. В смысле определения внутреннего пути больше идти некуда. Я установился... Будущее будет лишь развитием и раскрытием достигнутого синтеза. В смысле внешнем я ничего не знаю и не хочу знать. Не мое дело. Прошу Бога только о том, чтобы быть непоколебимо верным тому, что считаю истиной, а куда эта верность приведет — это Его воля. Притяжения к внешнему нет никакого.

Вот, мой друг, вкратке ответ на твой вопрос. Понятно, я брал главные штрихи. Множество было и второстепенных.

Ведь много пришлось и переживать, и передумать, и перестрадать от верха до низу. Но все это было лишь побочными подпорками, которыми Бог вел меня к предназначенной внутренней цели.

Ты спросишь, какая же моя внешняя цель. Она вполне вытекает из внутренней. Всюду, где только можно, насаждать царство любви и гармонического развития личности в духе при помощи Христа. В этом в сущности разрешается все православие, все его догматы, вся этика, все таинства, все обряды, вся жизнь. В разъяснении православия в этом смысле теоретическая задача наша. В проведении такого православия в жизнь частную, семейную, общественную, государственную вся наша практическая задача. В братском союзе сочувствующих и отдавшихся всецело этой задаче людей — самый верный задаток обновления православно-русской жизни.

В молодом нашем монашестве и вообще в моло-

дом поколении есть великие шансы на возрастание и утверждение таких союзов. В этом моя надежда и отрада, не только моя, но и моих братьев по духу. Этим живу, за это и отдам жизнь, если угодно Богу. Как созреет наша жизнь и в какие отношения мы станем к православию — я не знаю. Это не дано предвидеть. Но верю, что, несмотря ни на что, истина восторжествует. И я несказанно счастлив был бы, если бы пришлось пожертвовать жизнью ради этой истины.

Вот, мой друг, мои практические идеалы.

Придется ли их осуществлять легальным путем или путем протеста сверху или снизу — все равно. Почему-то предчувствуется, что Бог приведет скоро к последнему. Но наше дело не рассуждать о том, что неизвестно, а быть готовым к нему.

В этом и есть ближайшая цель моей воли.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Епископа Михаила Таврического и
Симферопольского

В духовном завещании к своей пастве Преосвященного Михаила епископа Таврического и Симферопольского между прочим сказано:

„Прошу прощения у всех, кого обидел делом, словом или помышлением, намеренно или ненамеренно.

Если кто имеет что-либо против меня, от всей души прощаю.

Прошу молитв, чтобы Господь во всем простил меня и восприял в Свою милость.

Призываю благоволение Божие на всю паству с ее пастырями. Заповедую ей любить свой приход с храмом и школой при нем, почитать пастырей и ве-

сти жизнь по заповедям Божиим, в тишине и мире.

Прошу всех помолиться, да помилует меня Господь и да воспримет в Свои светлые кровы”.

КОНЧИНА ПРЕОСВЯЩЕННОГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА

18 августа 1898 г. в г. Симферополе после продолжительной болезни скончался Преосвященный Михаил, епископ Таврический и Симферопольский. Почивший, в миру Михаил Алексеевич Грибановский, был родом из Тамбовской епархии — сын протоиерея г. Елатьмы. Почивший пользовался громадным уважением и общей любовью за необыкновенную доброту и сердечное отношение ко всем, обращавшимся к нему за советом и помощью.

В духовной литературе он известен несколькими сочинениями и исследованиями по различным вопросам богословской науки.

Он имел ордена святой Анны 1-ой степени, св. Владимира 3-й и 4-й степени и другие знаки отличия, состоял членом братства Пресвятыя Богородицы, миссионерского общества и других обществ и учреждений.

Погребение почившего совершено было Управляющим Таврической епархией преосвященным Никоном, еп. Вольским и преосв. Антонием, еп. Чебоксарским.

+

К кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет, аще не Ты, Пренепорочная, надеждо христиан и прибежище?

Кто паче Тебя в несчастиях защитит? Услыши убо стенание мое и приклони ухо Твое ко мне, Владычице, Мати Бога моего, и не презри мя, требующего Твоея помощи, и не отрини мене грешного: вразуми и научи мя, Царице Небесная, не отступи от мене, раба Твоего, Владычице, за роптание мое, буди Мати мне и Покровительница! Вручаю себя милостивому Покрову Твоему, еще токмо восхощеши устроить о мне, приведи мя грешного к тихой и безмятежной жизни, да плачуся о грехах моих.

Увы мне, к кому прибегну повинный аз, токмо к Тебе, упованию и прибежищу грешных, в надежде на неизреченную милость Твою и щедроты. Кое ли слово за преступление мое изрещи возмогу к величеству славы Твоея? О Владычице моя преблагая и пребыстрая Заступнице! Покрый Своим ходатайством моя прегрешения, защити мене от враг видимых и невидимых, умягчи сердца злых человек, встающих на мя.

О Мати Господа Моего, Творца, Ты корень девства и неувядаемый цвет чистоты! О Богородительнице, Ты подаждь ми помощь немощствующему плотскими страстями и болезнующему сердцем: едино бо Твое и с Тобою Твоего Сына и Бога нашего имею заступление и Твоим пречудным заступлением да оправдан буду и да избавлюся от всякия беды и напасти всесильными Твоими молитвами, Всечистая, и Непорочная, и Преславная Божия Матерь, Мария!

Радуйся, Благодатная, радуйся, Обрадованная, радуйся, Препоблагословенная, Господь с Тобою!*

* Так заканчивается рукопись писем епископа Михаила.

Протоиерей Иоанн П о т а п о в

ЗАВЕЩАНИЕ

моим духовным детям

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В самом начале своего завещания обращаюсь с просьбой: не делать по мне, как это принято, поминки — то есть обеда или другого какого-либо угощения. Мое искреннее желание — чтобы „поминки” были духовного характера. Это мое желание обращено, прежде всего, к моей верной и незабвенной подруге — Нине.

После предания земле моего брэнного тела, я попрошу позаботиться о моей душе. Это ведь будет в третий день после моей кончины. В это время моя душа предстанет пред Престолом Царя Славы — Того, Которого я, несмотря на всю мою недостойную, греховную жизнь, беззаветно любил, в Которого твердо верил, на милосердие Которого надеялся, и руководство Которого чувствовал всю свою жизнь. Прошу всех вас, моих духовных детей, помочь мне

О. Иоанн Потапов был математиком по специальности и читал лекции в Моск. Авиационном институте. В 1950 г. был посвящен в иереи. Служил в Успенском храме бывш. Новодевичьего монастыря, в Богоявленском Патриаршем соборе, в Храме св. Николая в Хамовниках. Скончался 22 апреля 1972 года.

Найдено в Самиздате.

поднять в эти решительные минуты моей жизни мои очи на Его Пресветлый Лик, не отойти мне посрамленным от Него за мои бесчисленные грехи, не унести от Его Престола вечную муку, — что больше никогда не увижу Этот вожделенный Образ.

Поэтому прошу: после погребения собраться здесь, где я проводил беспечно и грешно остаток дней своей жизни, и помолиться обо мне. Отслужите литию. Затем сядьте вокруг стола и пусть старший из вас — о. Владимир Смирнов — прочтет для всех вас это мое последнее слово. Пусть оно будет до некоторой степени и моей исповедью, и задачей для вас: что вам следовало бы сделать, чего я не закончил и, может быть, моим последним наставлением: как я хотел бы, чтобы вы проводили жизнь свою без меня.

Подробно я не буду излагать свои грехи — об этом я каялся перед Престолом Божиим и перед своим духовником. Упомяну об одном — о продолжительном по времени, и горестном по значению, периоде своей жизни, когда я отступил от своего Возлюбленного Учителя и Господа. Это было во времена моей бурной юности: я преисполнен был гордыни и отрицания Бога. Холодность и метания заполнили тогда мою жизнь и душу. И сейчас, обращаясь мыслью к этому тяжелому периоду своей жизни, я вижу в нем только Его благостную и промыслительную Десницу. Он это допустил, чтобы, пережив холод и мрак, я после, в период своего обращения к Истине, сильнее возгорелся бы огнем любви к Нему и нашел бы в оцепеневшем своем сердце горячие слезы покаяния.

Как мрак души моей, так и радость, и яркий свет моего возрождения, а последнее с большей силой, —

всплывают в моей памяти, и я старался не упускать их из виду, как свидетелей Его бесконечного Милосердия к каждой душе человеческой.

Помните — мы весьма мало подвижны и дебелы душой. Нас плотным кольцом опутали сети суеты, что есть следствие застарелой наследственной, ставшей чисто-человеческой, но по происхождению дьявольской, природы, привычки рассматривать свое существование как цепь случайных событий. И относиться беспечно, лишь иногда с тайным страхом к своему будущему и к финалу своей жизни.

Оглядывайтесь на себя, на течение своей жизни. Всматривайтесь, как „ходите”, любите Божью Десницу; и всегда может быть не рано, но и не слишком поздно для спасения своей души — вы Ее увидите и поймете: куда Она вас направляет.

В молодости, когда я не имел еще веры в Него, однажды, случилось, что я был отдален лишь мгновениями от смерти. И, смотря на наведенное на меня оружие, я не испытывал особого страха, разве, может быть, некоторое любопытство: что же будет дальше? Но я был вырван посторонней рукой, совсем для меня неожиданно, из раскрывшейся передо мной пасти смерти... И я тогда ничего не понял. И объяснил свое спасение случайностью. Впоследствии я осознал смысл этого события, сопоставил с последующей своей жизнью и увидел в нем и чудесное и приснопамятное: именно, что моя жизнь уже не должна принадлежать мне, а принадлежать Ему.

Ближайшие по времени события это подтвердили. Сохранив мне жизнь биологическую, Он оживил и мою холодную, холодом смерти охваченную, душу. Я и раньше искал то, что мне должно было показаться истиной, но искал это по своему вкусу, что

должно было бы удовлетворить моей гордыне. Ему видны глубины наших душ. Он знает, что холод часто претерпевает, под Его могущественным воздействием, превращение. „О, если бы ты был холоден, или горяч”. И настойчивые, дышащие противлением и убийством души, подобные Савлу, наталкиваясь на неодолимое препятствие — Его бесконечную, сострадающую нам любовь — „Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” — обращаются в Павлов. Такой момент наступил и для меня недостойного. Меня как бы кто взял за руку и повел в страну, или, точнее, в ощущения мне несродные, незнакомые. Настойчивый и гордый, я покорно пошел за этими неведомыми мне чувствами. Я стал нем и безгласен, ибо невольно слушал то, что не хотел раньше слушать, и принимал то, от чего решительно отходил и считал такой отход своим духовным совершенствованием. Замкнутого, сурового и гордого, меня ввели в атмосферу братской любви, благоговения к святине и теплой сердечности. Случилось это как бы внезапно и, во всяком случае, так неожиданно для меня, что я растерялся, как это бывает с человеком диким, выведенным на яркий свет, в многолюдное общество, когда не знаешь, как себя держать, куда девать непослушные руки...

Но все это, вначале было еще не все понятное, до некоторой степени, внешнее. Я же искал своего. Однако я уже возжаждал тепла, вдохновения, любви. Захотелось, чтобы эти чувства зародились во мне навсегда.

Бродя по улицам города, я переживал свою, можно сказать, тоску о таком желаемом, но еще мною не достигнутом. И вот, однажды, я оказался около кладбища. Вечерело. Было одиноко среди могил и

крестов. Я подошел к храму. Войти? Ведь там должен быть ответ на мои вопросы и бальзам на мою душу. Я столкнулся с теплом братской любви, почувствовал всю ее истину, но у себя ответа, активности любви, не находил. Между прочим, и ранее я „ходил” вокруг храма в тяжелых раздумиях, было подсознательное тяготение к нему как к источнику истинной жизни — об этом где-то в глубине души мне шептали воспоминания детства.

С трепетом, как на экзамене: найду или не найду желаемое — я вошел в храм. Будничная служба. Полумрак. Немного молящихся, преимущественно старушки. Стоят, сбившись в кучку посреди храма. Нсмело я подошел к этой толпе. Служба кончалась. Я, конечно, ничего не понимал и не мог войти в духовный ритм молитвы. Запели „Великое Славословие”. Это было мне понятнее и ближе. Меня „затронуло” это песнопение, но не могло охватить, как вот тех старушек, которые стояли рядом со мной и истово молились. Я, может быть, с завистью, но, во всяком случае, с тоской смотрел вокруг себя. И вдруг взор мой упал на маленького мальчика, лет шести, которого я раньше не замечал, но который оказался, вдруг, около меня. Я видел, что он был весь охвачен молитвой. Глаза его были подняты „горé”, губы его что-то шептали; он покачивал головкой, как будто с кем разговаривал, о чем-то кого просил... Это было живое воплощение сердечной молитвы. Я был потрясен. В это время до меня донеслись слова песнопения: „Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой”. Мою душу обожгло как бы огнем, не помня себя, потрясенный, я пал на колени, полились слезы...

Благо тому, у которого с детства сохранилась мо-

литва. Но не меньшее богатство приходит к тому, кто в мучительных поисках пслучает от Бога этот дар.

Я пришел домой. Я не имел угла, жил в общей комнате и не мог улучшить время, чтобы стать перед образом и помолиться, продлить охватившую меня радость: я нашел, чего напряженно искал. Для меня открылось небо.

Но в постели я отдался этому охватившему меня в храме чувству. Мне хотелось вспомнить священные слова тех молитв, которые я знал в детстве. Я начал читать „Верую...” Дальше первых „членов” я не пошел: забыл. Как я ни напрягал память, вспомнить не мог. И, вдруг, после многих попыток, передо мною как бы заблестал яркими буквами весь „Символ веры”. Я с благоговением и со слезами прочитал его без запинки вновь от начала до конца. Затем и прочие молитвы, которых я знал множество в детстве и со школьной скамьи — но забытые мною в годы неверия — сами собой собрались в моей памяти, и я обрел дар молитвы и слез умиления.

Я прошу вас, всех моих чад, быть внимательными к моему повествованию, ибо я совсем не имею намерения похвалиться чем-нибудь, а, наоборот, описывая плачевное состояние, в котором я пребывал в период своего неверия, я хочу показать всем вам великую милующую и любящую, промыслительную Десницу Божию. Мы должны ясно представить и закрепить в своем сознании и памяти, что общение Господа со Своим созданием всегда живое, действенное и благое — лишь бы наши очи не застилала пелена безразличия или скептицизма.

Остановлюсь еще на некоторых случаях милости Божией, по поводу которых можно сказать: „Господи, кто я? Неужели же Ты — Всемогущий Вседержитель — смотришь и на меня?“

В описываемый мною период, в который во мне начали крепнуть вера и любовь к Богу — как видно для укрепления этих чувств — со мною произошло следующее событие, которое никогда мною не забудется:

Будучи студентом, я одновременно работал в одном учреждении. Однажды, сидя у себя в кабинете, я услышал в соседних комнатах какие-то крики и возбужденные разговоры. Выйдя, я увидел группу сотрудников, которые оживленно обсуждали происходящее сейчас на улице: в храме, стоящем на площади против того дома, где стояло наше учреждение, обновляются иконы, а на куполах кресты сияют как золотые.

Это известие меня обожгло. Я бросился к выходу. Вижу: вся большая площадь залита народом. Слышны удивленные и встревоженные крики:

„Вон там икона обновляется. На том куполе только что обновился крест“. Я протиснулся ко входу в храм. Здесь собралась большая толпа. Слышались сдержанные, приглушенные и трепетные возгласы. Внимание народа было обращено на икону св. Александра Невского. Она помещалась над входной дверью храма, представляла собой лик Благоверного князя до плеч. Икону окаймляла тонкая, полукруглая рама: витой багет, покрытый от времени и от сырости почерневшей бронзой. Внимание и удивление толпы приковали золотые струйки, которые бежали, как „живые“, по почерневшему багету. Этих струек было две: одна бежала по дуге,

другая — по прямой линии багета (по хорде), окантовывающего икону.

Все это я наблюдал собственными глазами.

Струйки, не добежав до конца своих путей, остановились. Остались черными, как и были до этого, кусочек дуги и кусочек прямой линии (отрезок хорды) в той точке, где сходились обе эти линии. Вся рама ярко блистала золотом.

„Смотрите, — как бы говорила она, — что было и что стало”.

Можете представить, какое впечатление произвело на меня — только что вступившего на путь веры — это зрелище. Так моя слабая вера получила явное подкрепление. Я воочию наблюдал реальное чудо и никогда не забывал, что лично созерцал действие небесных сил. Ведь то Ангелы Божии — невидимые для наших плотских очей — видимым образом убеждали людей в существовании невидимого духовного мира.

Между прочим, один молодой священник, передавая мне свой разговор с атеистом по поводу успехов космонавтов, возмущался его слепой самоуверенностью:

„Поднялись — мол - на 300, 500 километров и уже решили, что нет обиталища Бога. Пусть попробуют проникнуть в Галактику...” Каюсь, я почему-то не возразил ему, а только подумал: „Неужели есть священники, которые думают, что Престол Божий где-то в области какой-либо Галактики или дальше. Ведь Божий мир — это иной мир, чем наш, материальный. Это мир Духа. Он не отделен от нас пространством; Бог и Божий мир иной природы, чем мы, обложенные плотью. Он среди нас и в нас, и выше нашего зрения и нашего разумения. Форма его существования иная, совершенная”. Ангель-

ская „живопись” на раме иконы .св. Александра Невского была мне в том ясном доказательством.

Как нам нужно воспитывать в себе и просить Господа об утверждении в нас веры — и не теоретически только, наличие такого отношения это повальная болезнь христиан в наше время — но, я бы сказал, практически. Ясно и твердо себе представлять, что вот стоишь ты, пигмей, слабый плотский человек, слепой, как щенок, тыкаешься незрячим лицом во все стороны, ища удовольствий для своей плоти, и не ощущаешь, что вокруг тебя великий Божий мир, мир Духа, ангельские силы, превознесенный Великий Престол Божий, славословие серафимов, Пресвятая Дева с великой свитой Своей — прекрасных дев мучениц и великомучениц... Сонмы святых Апостолов, мучеников, святителей, преподобных отцов...

Я захотел стать на ноги в духовной жизни. Естественно я потянулся к Евангелию. Руководителем к пониманию этой вечной книги — вещанию Сына Божия о спасении людей и Его бесконечной Любви к людям — стал для меня св. Иоанн Златоуст. Я не помню, как в мои руки попал этот труд: „Толкование на св. Матфея Евангелиста”, ибо у меня до этого не было никаких книг духовного содержания. Этот святитель, горячий сердцем, вдохновенный, бесконечно чуткий к святине — всецело пленил меня своим священнотрепетным отношением к Словам, Трудам и, вообще, явлению Сына Божия на земной юдоли. Небо на земле, и мы, отныне, после Таинства Воплощения, пребываем уже не на ветхой земле, пропитанной злом, грехом и кровью праведников, но очищенной кровью Сына Божия и превознесенной. Эта точка зрения св. Златоуста прочно

вошла в мое сердце, и я об этом пишу не для того, чтобы чем-нибудь похвалиться, но с целью напомнить всем вам, как мы должны относиться к Новой Жизни, и открывшемуся перед нами Царству Славы, к святой Церкви – Невесте Сына Божия и Сокровищнице Духа Святаго.

Задержу несколько ваше внимание, не могу не напомнить первые слова Златоуста, которые открывают нам небо, отверзают очи сердца нашего к созерцанию дивного устройства на земле бесконечно любящим нас Господом, дело нашего спасения.

„По-настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы, как те написаны чернилами, так и наши сердца были написаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как и Иовом и Моисеем, Бог беседовал не через письма, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письма, скривали и наставления чрез них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и Апостолам Бог не дал чего-нибудь писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа. „Той, сказал Он им, вспоманет вам вся” (Иоан. 14, 26).

Это первые строки боговдохновенного пастыря в его знаменитом толковании св. Евангелия. И далее: „Сегодня мы должны вступить в священные преддверия, — говорит св. Златоуст, приступая к

истолкованию самого текста св. Евангелия. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горящей горе, к огню, тьме, мраку и буре, а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, то тем более должны показать высшее любопытство мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого Царя, сидящего на престоле неизреченной Своей славы, предстоящих Ему Ангелов и Архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе Церковь первородных, духи праведных, торжествующее собрание Ангелов, Кровь кропления, чрез которую все соединено: небо восприняло земное, земля — небесное; настал мир давно вожделенный для Ангелов и святых” („Толкование на Матфея Евангелиста”, т. VII, сс. 5—6, 17).

Как меня захватило это златоустовское восприятие евангельского повествования. Правда, это, к сожалению, было только первое, первохристианское, так сказать, переживание истины Христовой. Со временем пришло остывание. Но оно стало для меня уже навсегда, так сказать, Вифлеемской звездой, руководившей мною во всех невзгодах моей духовной жизни.

Завещаю и вам, моим духовным чадам, всегда иметь перед своим духовным взором этот златоустовский огонь, — он всегда поможет удержаться,

или, если упал — подняться на соответствующую нашим силам христианскую высоту. Бойтесь только и св. Евангелие, и переданное нам служение Ангелов обращать в нечто привычное и будничное, прозаичное и земное. Пусть этот златоустовский огонь будет вашим идеалом, вашим небом; имейте всегда перед вашим духовным взором Лествицу Иаковлеву, будьте ближе, как это позволяют вам ваши силы, к Неопалимой Купине.

Грехи, слабости плоти и болезни, также суета житейская, самолюбие и пустое превозношение своим значением и предназначением (в чем меня всегда сдерживала и помогала в борьбе моя верная помощница и прекрасный образец духовной жизни Нина Никаноровна) часто, конечно, отвлекали меня от этого состояния. Но я, все же, и в проповедях своих, и в беседах со многими из вас, старался напоминать о необходимости и спасительности подобного горения. И сейчас, за гробом, об этом вас прошу. Вспомните вот о такой любви:

„Господи, если за мои грехи Ты пошлешь меня в геенну, и там я не перестану любить Тебя”. Это слова, кажется, святителя Димитрия Ростовского.

Тяжела плоть. Тысячами уз, часто незаметными, привязывает она нас к земле, и мы остываем и разливаем наш цельный дух. Сатана также делает незаметно для нас свое дело для нашей гибели. Всегда имейте в сознании этот Божественный Огонь, сшедший на землю, Божию Любовь, посетившую нас; Животворящий Крест, возрождающий души наши.

Пусть всегда перед вами будет знамение нашего удела на земле, нашей судьбы, уготованного нам

наследия Милостью Божией — Божия Матерь. Она и есть Неопалимая Купина, к которой Господь судил нам приближаться. Ведь мы такого же рода, поскольку соестественные чада Ея.

Завещаю вам собирать, умножать Любовь чистую, пламенную, умиленную и животворящую. И бесконечное почитание явного и живого знамения этой любви: от Бога — Животворящий Крест, от рода человеческого — Богоматерь.

Прошу для себя от вас любви и молитвы. Обещаю вам того же взаимно, если Господь в какой-то степени помилует меня, невзирая на мою грешную, безответственную для вечности, несоотнесенную для любви и для высокого пастырского долга к людям и к вам, моим чадам, жизнь.
А м и н ь.

4 ноября 1964 г.

РАДОСТЬ НА ВЕКИ**

Мы, таинственно изображающие Херувимов, и припевающие трисвятую Песнь творящей жизнь Троице, оставим сейчас всякую житейскую думу, чтобы поднять Царя в сех, невидимо копьеносимого чинами Ангелов.

Какие загадочные слова поются за литургией! Кто может слушать их без трепета? Вдумайтесь: „мы таинственно изображаем *Херувимов*“! Не подобным ли изображается подобное? А мы изображаем Херувимов. Значит, *есть* в каждом из нас *что-то*, подобное Херувиму, сходное с Херувимом — с много-очитым, как совесть, Ангелом Божиим. Но не наружное, не внешнее это сходство. Оно — не явное, не телесное; не такое, как сходство человека и портрета его. Сходство с Херувимом — внутреннее, таинственное и сокровенное в глуби души. Это — сходство духовное.

Есть великая по своему значению херувимская сердцевина нашей души, ангельское ядро души. Но оно схоронено в тайне и невидимо для плотских очей. Бог вложил в человека лучший дар Свой — *образ Божий*. Но в самых внутренних кладовых души таится этот дар, эта драгоценная жемчужина: в

* Отец Павел Флоренский был посвящен в иереи в 1911 году.

** Опубликовано в журнале „Христианин“ в 1907 году.

илистой некрасивой раковине погребена она среди тины на дне душевного моря. Если бы не скрыл Бог дара Своего, то злые силы могли бы осквернить дар Божий: теперь же он дается в руки тому лишь, кто видит его; а видит его лишь поработавший.

Все мы — в грехах. Но мы — как глиняные сосуды, полные сверкающего золота. Сверху — зачерненные и замазанные, а снутри — ослепительно-лучезарные. Таковы все вы, братья.

Снимите с человека одежду — увидите тело, подверженное искушениям, болезням и смерти. Если бы снять, далее, и тело, то вы увидели бы толстый слой грехов, как ржавчина изъевших нашу душу. Но если бы, еще далее, снять с души эту глennую, смрадную часть, то там, в самой середине узрели бы вы *Ангела-Хранителя*. Многими очами своими он видит каждое желание ваше, замечает каждое помышление человека. Вот святое нутро души человеческой, истинное я человека.

Это — таинственный, священный храм, блещущий небесной красотой. В нем обитает Дух Святой. Днем и ночью беспрестанно и немолчно ходатайствует он за нас пред Богом воздыханиями неизреченными. Мы даже не знаем, о чем молиться, как должно (Рим. 8, 26). А Утешитель молится за нас, подкрепляя нас в немощах наших, и, хотя мы и не подозреваем о том, вопиет за нас к Богу: „Авва!”, то есть „Отче! Отец!” (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6). Мы — это храм Божий, и Дух живет в нас. Разве не знаете? (1 Кор. 3, 16). Мы ходим по земле, но наше подлинное существо — на небе: ведь небо там, где Дух. Не говорил ли Господь: „Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на *небесах* всегда видят лице Отца Моего Небес-

ного” (Мф. 18, 10)? Можно ли после этого думать, чтобы кто растлил храм Божий? „Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы”, говорит ап. Павел (1 Кор. 3, 17).

Возвеличен человек! Немногим умален пред Ангелами: славою и честью увенчан (Пс. 8, 6)! Получил силу пользоваться даже разумением ангельским, потому что мера человеческая такова же, какова мера и Ангела (Откр. 21, 17). Свят человек в тайниках души своей; освящен, потому что Господь святит его, непобораемый наружною скверной.

Храмоноscopy, слышали ли вы, как находят драгоценнейший из всех камней — алмаз? — Покрытым грубою корою, — черным, непомерно-твердым налетом. С виду такой алмаз не рознится от простой гальки. Только мастер дела угадает, что это — алмаз. Но в продолжение многих месяцев и даже годов гранильщик снимает с камня верхнюю кору, шлифует его, и тогда выступает внутреннее, как росинка, прозрачное ядро, загорается и играет на солнце всеми цветами радуги. Так вот — и человек. Снаружи грязный, но внутри такой прекрасный, что Бог, создав человека, почил от дел Своих; а когда человек пал, то в великой любви к Своему творению Бог Сына Своего Единородного не пощадил, отдал Его даже на муки и на смерть, чтобы спасти тварь.

О, братья, если бы вы подумали, как прекрасны все вы! Не Духу ли Святому, живущему в вас, кадит священник, когда обращается к вам с кадилом? Не престол ли внутреннего храма окутывает фимиамом? И человек — не та же ли икона Божия? Ведь как на иконе за красками и доскою таится благодатная сила Божия, так и за телом человека и его

грешною душою живет во внутреннем храме, в со-
вести много-очитой Дух Святой.

Нет ничего, поэтому, драгоценнее души челове-
ческой. „Какая польза человеку, если он приобре-
тет весь мир, а душе своей повредит? или какой
выкуп даст человек за душу свою?” (Мф. 16, 26).
Не Бог ли, в душе живущий, создал все сокрови-
ща мира? Что же значат они, если Творец и Хозяин
их — с нами? Что они, когда в душе царит Бог? Ис-
тинно сказал Господь: „Подобно Царство Небесное
сокровищу, скрытому на поле, которое нашед чело-
век утаил, и от радости о нем идет и продает все, что
имеет, и покупает поле то” (Мф. 13, 44). Сокрови-
ще каждого закопано в поле души его. И если кто
нашел свой клад, то, затаив дыхание, он бросает все
дела, лишь бы только выкопать свое сокровище
наружу. В этом ведь высшее счастье, верховное
благо человека. В этом — его радость навеки.

Царство Небесное — это божественная часть души
человеческой. Найти ее в себе и в других, — уверить-
ся собственными очами в святости твари Божией,
в доброте и в любви людей — тут вечное блаженст-
во и вечная жизнь. Кто раз вкусил ее, тот готов про-
менять на нее все частные блага: „Подобно Царство
Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, ко-
торый, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел
и продал все, что имел, и купил ее” (Мф, 13, 45—
46). Жемчужина, которую искал купец, — недалеко,
ее всюду с собой носит человек, только сам этого
не ведает. И с кладом в груди каждый из нас ходит,
тоскуя, по миру и так часто не верит, чтобы подоб-
ная жемчужина была даже где-то, далеко. Блажен
увидевший сокровище свое!

Но кто же, именно, видит его? Кто видит свою

жемчужину? Земные вещи видит тот, у кого чисто телесное око; небесную же вещь увидит лишь имеющий чистым око небесное — сердце. „Блаженны чистые сердцем, потому что они Бога узрят” (Мф. 5, 8) — узрят в сердце своем и в сердцах других людей, — узрят не только в будущем веке, но и в этом, ныне увидят. Лишь бы очищали сердце свое. И вот, христоносцы, лишь только чуть-чуть осветится сердце, — внутри, озаряемый божественным светильником, заблестает и заискрится, как золото, образ Божий. И тогда зришь в себе и в других Ангелов-Хранителей, предстоящих пред лицом Божиим. Тогда прислушиваешься к неизреченным воздыханиям Утешителя, ходатайствующего за нас и вопиющего к Богу „Отче!”. В этом единственном слове сладость *всех* молитв и *всех* радостей. Блаженны чистые сердцем, потому что они всегда видят Бога, всегда ходят пред лицом Его среди Ангелов-собратий: в людях они видят Ангелов. Бережно относятся они один к другому: ведь видят святыню в нем, — то видят, чего и сам он не знает за собою. Любуются и не могут нарадоваться святынею всякого; скорбят и плачут в слезе пыли, насевшей на эту драгоценность в брате-человеке.

Невидима в будничной жизни эта сокровенная и таинственная святыня души. Но порою вдруг прорвется смрадный чехол, ее заключающий, и блеск застилает очи. А в минуты высшего подъема лицо делается лицом Ангела. „И все, смотря на Стефана, видели лицо его, как лицо Ангела”, рассказывается в *Деяниях* (6, 15). Всякими путями ведет Бог человека к такому просветлению, к познанию своей святыни. *Иногда* это бывает через великое *несчастье*. Мы думаем, что человек погиб окончательно, мах-

нем рукою на него, до того он весь в грязи и в скверне. Падение его представляется последним падением, откуда нет возврата. Но в великом страдании изветшает грязный чехол. Вдруг в самой грязи сверкнет что-то неожиданное. Это — Ангел-Хранитель подтолкнул человека и мощною десницею выводит его на новый, святой путь. И на небесах более радости будет об одном этом грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15, 7). Таков путь через *великое несчастье*.

А иногда еще *великое незаслуженное счастье*, острая радость, пронизывающая все существо и обязывающая душу, сдергивает с нее всеми презираемый покров ее. Когда было сказано великой грешнице: „иди в дом свой и не греши”, неужели она воротилась, чтобы грешить? Нет! „Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет” (Евр. 4, 12—13). Можно быть уверенным, что после ослепительной радости прощения душа бедной грешницы тут-то и заблестала своей небесной красотой. И, наверно, была радость у Ангелов Божиих (Лк. 15, 10), потому что к ним присоединился еще Ангел.

Вот что значит: „иже Херувимы тайно образующе”.

Подобные Херувимам и их таинственно представляющие, мы получили от Бога ангельское право — Троице животворящей, Троице творящей и раздающей вечную, божественную жизнь, петь наряду с

Ангелами и песнь Ангелов: однажды, при архиепископе цареградском Прокле, некий юноша был восхищен горе, и слышал в откровении, как чины Ангелов поют пред Богом Трисвятую песнь: „Святый Боже! Святый Крепкий, Святый Бессмертный!” И с тех пор это песнопение вошло в церковную службу.

Вы, подобные Херувимам, не трепещете ли друг перед другом? Но трепещите. Трепещите сильнее. Знаете ли кто тут? — Царь — Христос... Ангельские чины служат Ему, невидимо доринося Его, — подымая Его на щите посредством копий, как некогда воины подымали греческого царя пред народом. Церковь полна Ангелов, все вы стоите вперемежку с Ангелами. Господь тут, тут. Разве не знаете? Он с нами, как обещал. Неужто теперь не „отложим житейское попечение”? Неужто не забудем о житейской коре, скрывающей Ангела-Хранителя каждого из нас? Пусть спадет перед очами эта пелена, пусть рухнет стена, отделяющая сердце от сердца. О, счастье каждому видеть Херувима в каждом! О, радость навеки!

„*Всякое* ныне житейское отложим попечение”. Всякое. Забудем о домашних дрязгах, отбросим междоусобные распри и счеты, покинем мысли о житейских удачах и невзгодах. Перестанем заботиться о житейском, забудем все нечистое: Господь с нами. Он всех святит, отчищает. Он смывает потоком любви Своей всякую грязь. Он зажигает радостью навеки всякую душу. Ангелы невидимо подымают Царя всех. Но предо мною стоят еще видимые Ангелы, Ангелы во плоти, как бы засенившие плотью лучезарный блеск свой. Я не могу уже смотреть прямо на них. Смущение охватывает меня: нечист я...

„Всякое ныне житейское отложим попечение, яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми”. Слышите? Присоединимся к Ангелам, подыдем Христа. *Ныне* отложим житейское попечение, *ныне* очистимся: приготовим себя. Ведь *вместе с Ангелами* будем поднимать Царя всех. Царя *всех!* Никто не исключен из народа Христова. Никто не забыт. Уйдет ли кто с торжества? Подыдем! Ведь вы — едино со Христом, вы, все вместе, — Тело Его, а порознь — члены; Он — Глава тела. Как тело несет на себе главу, так и мы несем на себе Христа-Бога. Спадет нечистота с духовных очей; тогда исчезнет взаимная вражда, взаимное отчуждение. Так всегда бывало, когда люди крепко верили в Господа Иисуса. „У множества уверовавших было, — говорит Апостол, — *одно сердце и одна душа*”. Сила взаимной любви была так велика, что „никто ничего из имения не называл своим, но все у них было общее” (Деян. 4, 32).

Слушайте, вот как, например, очищается душа! Вот пример великого счастья и действенность небесной радости.

Иисус, о чем повествует нам св. евангелист Лука (19, 1—10), проходил однажды чрез город Иерихон. Некто Закхей, всеми презираемый как мытарь (т. е. сборщик податей) всеми (проп. одно слово), старался увидеть Того, о Ком он столько слышивал. Быть может, дошли до него слухи, что *этот* Учитель кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 29), что Он не способен обидеть даже всеми презираемого, и что на Нем осуществилось древнее пророчество: „Он не будет кричать и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и не погасит потухающей свечильни” (Ис. 42, 2—3). Или Закхея влекло простое любо-

пытство — любопытство взглянуть на знаменитого Чудотворца? Кто знает? Так или иначе, но как ни тянулся Закхей на цыпочки, досадно малый рост не позволял ему подняться над плотной стеною народа, окружавшею Иисуса. Впрочем, в настоящем случае, эта помеха оказалась для Закхея началом высшего счастья и радости навек.

Отчаявшись увидеть что-нибудь за теснившейся толпою, может быть даже нарочно, из презрения и ненависти, не пропускавшей его вперед, он пустил в ход свою изобретательность и, забежав вперед, влез на смоковницу: Закхей рассчитал, что Иисус не минует его.

Для бедного мытаря было бы большим счастьем даже просто взглянуть на Того, Кто непонятною силою влек его сердце. Закхей, действительно, нагледелся со смоковницы на Иисуса и, не помня себя от радости, увидал, что Тот тоже заметил его. Но радость переполнила все существо мытаря, когда Проходивший мимо сказал: „Закхей! сойди скорее; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме”. — „Как! ко мне приходит в гости Иисус! Не пред ним разве собираются толпы народа? Не Его ли края одежды ищут коснуться богачи? Не Его ли не смеют принимать у себя даже люди благочестивые и всеми почитаемые, не то что я! И Он все-таки просится ко мне, всеми презираемому (и заслуженно!) грешнику, всеми ненавидимому сборщику податей! Просится ко мне, обходя других!”

Приблизительно так думал, вероятно, Закхей, и понятно, с какой поспешностью слез он со смоковницы, чтобы принять, ошастливленный, Господа.

В сердцах окружающих заговорила зависть. „Как! Гость, Которого жаждал видеть в своем доме

каждый, из-за Которого спорила целая толпа, делает честь какому-то Закхею, известному грешнику!” Но луч от светлого Христова лика уже прожег до сердца Закхееву грудь, растопил кору на Ангеле-Хранителе, и Закхей не стал злобиться в ответ на стоявший кругом ропот и нарекания.

„Сам сознаю, что недостоин Твоего посещения, Господи. Но Ты доставишь мне высшее счастье — Ты возродил меня. Ты видишь, Господи, что я преполнен радостью и счастьем от доброты Твоей. Ничем не могу отблагодарить Тебя, наг пред Тобою. Но полноты своей не могу не проявить”. Такие мысли осаждали Закхея, потупившего голову. Стыдно ему было и больно от стоявших кругом нареканий на него, косвенно падавших и на Учителя, — стыдно, но вместе с тем еще радостней. И ставши пред Господом, преполненный восторгом, как некогда Петр во время Преображения, и едва ли вполне сознавая, что он говорит, Закхей воскликнул: „Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо”. Так воскликнул, себя не помня, Закхей. Почему именно „половину имения”, почему „вчетверо”? Конечно, и сам он не ответил бы на эти вопросы. Быть может, он был готов и все отдать ради возродившего его Иисуса. Но восклицались первые попавшиеся слова — лишь бы только проявить как-нибудь радость, которою трепетала душа его. И действительно, Богочеловек засвидетельствовал, что в этот миг высшее счастье Закхея возродило его „погибшую” душу.

„Ныне пришло спасение дому сему, — сказал Иисус, — потому что и он сын Авраама. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее”.

Истинно, братия, нет выше счастья, как увидеть силу Добра, как пожертвовать собою Живой Любви. Радуйтесь, „и радости вашей никто не отнимет у вас” (Иоан. 16, 22): нет границы между небесным и земным; Ангелы Божии восходят и нисходят в души человеческие. Радость навеки да будет с вами.

Это слово – сказанное за литургией 7 января 1907 года в храме села *Топтыгина* – посвящаю *топтыгинским* друзьям.

ДЕДУШКА

„Дедушка” — о. Константин Дмитриевич Всехсвятский родился 17/29 сентября 1871 г. в с. Некоуз Мологского уезда Ярославской губ. в семье священника, Дмитрия Всехсвятского; родился он в день Ангела своей матери — Любви.

Отец Константин учился в Ярославской семинарии, затем в Московской академии. Окончив последнюю, он был направлен в Астраханскую семинарию, а затем переведен в Самарскую. Как рассказывал сам дедушка, после пятилетней преподавательской деятельности в нем „заговорила кровь его предков”, бывших на протяжении многих поколений священнослужителями, и он решился принять сан священника. 14 января была совершена его хиротония. Он был назначен одним из соборных священников г. Богородска (теперь Ногинск) и служил там до 1913 г., одновременно преподавая Закон Божий в городском училище и гимназии.

В 1913 г. о. Константин перешел служить в Москву в храм Николо-Кошели у Устьинского моста, близ Воспитательного дома. Приход был бедный, малочисленный, а у батюшки уже была большая семья (жена Анна Павловна, три дочери и четыре сына). Приходилось более рассчитывать на жалованье законоучителя — в гимназии Винклер и во

Рукопись безымянна. Найдена в Самиздате. — С о с т.

французской гимназии. В 1920 г. о. Константин был переведен в приход свщмч. Власия, что во Власьевских переулках, а потом назначен сначала одним из священников, а затем настоятелем храма преп. Сергия в Рогожской до 1936 г. После этого в церкви не служил, но посещал храм св. Илии Пророка в Обыденских переулках, где через некоторое время начал помогать, вынимая частицы из просфор на проскомидии, читая поминанья на панихидах. Ходил всегда в штатском, лишь в алтаре надевал епитрахиль.

Нас, сирот, дедушка принял в свое сердце и думается, что это скрасило и наполнило его последние годы. Умер дедушка в 1957 г. 4/17—VI.

+

В течение нескольких лет „дедушка” — о. Константин был для меня прибежищем и опорой. Много лет мы ожидали возвращения нашего родного отца*, ждали в самые тяжелые военные годы. По милости Своей Господь скрыл от нас, что его уже нет на земле. Но жизнь шла своим чередом, ставила свои затруднения и вопросы, требующие решения. Пошли к дедушке потому, что о нем, как говорила его духовная дочь Александра Федоровна Ярмолович**, наш батюшка о. Алексей*** отзывался как о лучшем духовном руководителе.

* По-видимому, речь идет об отце Сергии Мечеве, погибшем в лагерях.

** Александра Ярмолович — автор воспоминаний об отце Алексее Мечеве, опубликованных в книге „Алексей Мечев” в ИМКА—ПРЕСС, 1970.

*** Батюшка о. Алексей — „старец в миру”, настоятель храма на Маросейке. Скончался в 1922 г.

Не помню, как я впервые пришла к бабушке, но постепенно стала его довольно частой гостьей. Он принимал спокойно и радушно, но на вопросы отвечал не сразу. Иногда скажет: „Не знаю...” А ты сидишь молча, смотришь на висящую слева возле угла на стене иконочку Пресвятой Богородицы „Утоли моя печали”, просишь ответа у Нее, и через некоторое время и бабушка даст ответ. У бабушки при всем его радушии была какая-то отрешенность. С ним было легко, но почему-то долго не возникала у меня теплая привязанность, как было к Батюшке и о. Сергию. А ведь как он был внимателен, как никогда не торошил, в особенности, когда придешь чем-либо огорченная. Чтобы дать время успокоиться, начнет что-нибудь читать вслух. Как-то читал данные ему Н. Г. Чулковой записки о значении монашества, где говорилось, что исчезновение монашества есть исчезновение христианства и признак конца мира. А прочитав, сказал с улыбкой: „А может быть еще и не конец. Не один раз в истории люди ожидали конца света, а он не наступал”.

У меня был очень трудный период жизни, когда решался вопрос о сватовстве к моей старшей дочери, об этом времени тяжело и вспоминать. Много раз я была по этому поводу у бабушки, так как он благословлял терпеть до конца, поддерживать знакомство и дать выявиться воле Божией. Я без конца не спала ночи и, чтобы перебороть одолевавшие меня мысли и чувства и занять внимание, заучивала наизусть некоторые акафисты и каноны. (Но бабушка посоветовал вместо этого читать просто „Господи помилуй” 40 раз, а там еще 40 и т. д.)

И вот однажды, когда я, вся измученная, пришла к бабушке, он читал мне какую-то газетную статью

(не помню, о чем), лишь бы я успокоилась. Дедушка еще жалел меня за мои домашние трудности, за болезни мужа. В моих житейских разногласиях с мужем дедушка часто бывал на моей стороне и как-то сказал: „Я дома был у своей жены на послушании”. Он вообще очень понимал хлопотливую и изматывающую долю женщины в семье („дело неперделанное”). Говорили, что он сам много занимался домашним хозяйством, так как жена его много болела.

Когда одна дальняя родственница предложила мне отработать пишущую машинку (муж болел и мне необходим был заработок), дедушка был доволен и меня удивило, что он сказал: „Все-таки будет в доме ценная вещь на черный день”.

Любил дедушка декламировать стихи. Особенно помню, как проникновенно он читал стихотворения А. К. Т. „Горними тихо летела душа небесами”, относя его содержание к Божией Матери.

Одно время, приходя к бабушке, я часто видела у него на столе современную беллетристику, которую он читал, но в последние годы она исчезла. И мне он однажды сказал: „Я последний из тех, кто мог бы запретить вам читать светскую литературу”.

С бабушкой я более всего советовалась о житейских делах. Одно время я писала ему подробные исповеди, но потом он сказал мне: „Да ведь я и так вас вдоль и поперек знаю”.

Говорить со мной о молитве он не любил. Раз я заговорила с ним о молитве Иисусовой. Мою совесть беспокоило то, что она плохо мне прививалась. Когда-то в молодости Батюшка сказал мне, что непрестанная Иисусова молитва не для меня, что нужно только всегда помнить о Боге. Отец же С.

позднее не раз говорил, хотя как-то вскользь: надо приучаться творить Иисусову молитву, а в Кадникове дал мне как-то в правило 40 И. м. с поклонами. Видимо, дедушка относился к И. м. с величайшим благоговением и считал, что о ней не всегда можно и говорить.

Но сам дедушка иногда „показывал” молитву. Например, при одной духовной дочери он однажды прочитал вслух по четкам сотню Иисусовых молитв, стоя, но без поклонов, с ударением на „помилуй мя”, а в другой раз заставил ее прочитать при нем пятисотницу с поклонами, согласно указаниям Троицкого листка, а потом сказал: „Ну, теперь вы знаете, как читать И. м.?” — „Да, дедушка”. — „А самое главное, читать ее в духе покаяния”.

Вообще целью Иисусовой молитвы и всякой другой дедушка считал стяжание покаянного устроения, а многим, в том числе и моему мужу, советовал вместо И. м. читать молитву мытареву.

Дедушка был человеком исключительного смирения и духовной свободы. Некоторые из его семейных были неверующими, и дедушка никогда им не навязывал своего, принимал участие во встрече Нового года, в елке и так далее. Мне это было непонятно и иногда трудно.

Молитва его была очень сильна, но говорят, что никто не видел его на молитвенном правиле. Иногда по дороге в храм, идя с кем-нибудь из ближних, он прекращал разговор и начинал вслух читать светильничные молитвы, и каждое слово этих молитв произносилось проникновенно и возносило к Богу душу того, кто присутствовал при этом. Так же читал он два раза при мне и священнические молитвы литургического канона, как, вероятно, не всякий

читает их и за службой. „Знаете ли вы эти молитвы? — спросил он меня. — Ничего нет их выше”. И стал читать их. Этого чтения нельзя описать, — так оно было сильно, благоговейно, проникнуто духом, молитвой. Страшно было слушать. „А когда я жил в Лосиноостровской* один, — добавил дедушка, — я гулял вокруг закрытого храма и читал эти молитвы...”.

Для дедушкиной свободы характерны слова о том, что он, готовясь к служению, никогда не читал положенного правила, а заменял его чтением молитвы св. Амвросия Медиоланского для готовящихся к служению литургии. Еще как-то раз сказал по поводу поста, когда шла речь о днях, когда вкушают пищу без масла: „А я ни разу в жизни не ел без масла” (хотя вообще очень мало ел).

Если когда по немощи или занятости не имеешь возможности вычитать все молитвы к причащению, говорил он, то лучше, поднимаясь на солею к Св. Чаше, произнести в покаянии от всей души молитву „Вечери Твоя тайная днесь...”, чем прочитать все правило кое-как или машинально, потому что к Св. Причастию мы все равно не готовы...

Зная прекрасно богослужение и устав, он как-то сказал: „сия вся мимоидоша... вся быша нова”. И вообще считал точное соблюдение устава в ущерб жизненности „законничеством”. Бывало, скажут: „Какая это чудная служба, какая красивая, какие стихиры!”, а он ответит: „Я в этом ничего не понимаю... я неграмотный. Это не моя область”. Вероятно, видел, что восхищаюсь более внешней стороной — красотой и поэтичностью данной службы, ее осо-

* По обстоятельствам времени приходилось жить врозь с семьей, чтобы ее „не подводить”.

бенностями, и что сердце мое мертво к ее внутреннему содержанию и не живет молитвой.

Однажды я пожалела, что не объяснилась с умершей подругой по поводу того, что нас разделило на всю жизнь. Дедушка укорил меня в злопамятности и сказал, что давно пора простить без объяснений. Один раз я пришла к дедушке вечером под праздник, и он, хотя и не очень строго, но все же спросил меня: „А почему вы не в храме и не дома?“ (Мы молились с мужем.) А вообще он всегда принимал безотказно и встречал радушно. Даже и в последнее время он был доступен, хотя был слаб. Ухаживавшая за ним его духовная дочь Рая не вставала стеной между дедушкой и теми, кто в нем нуждался, как часто бывает с келейниками или родными.

Весь последний год дедушка чувствовал себя больным и слабым и все чаще говорил о своей грядущей смерти, которую не только ждал, но желал. Бывал недоволен, когда ему желали продолжения жизни. В последние годы создалась традиция среди близких поздравлять дедушку с праздниками Рождества Хр. и Св. Пасхи, с днем Ангела и годовщиной принятия священства. Дедушка встречал радушно и не раз говорил, что на склоне лет был утешен тем, что встретил много людей, стремившихся жить христианской жизнью, что их любовь скрасила его дни именно тогда, когда он тосковал о служении в храме. Помню, в день 50-летия его рукоположения (в 1951 г.) он рассказал довольно подробно о главных событиях своей жизни, точно желая поделиться с нами и оставить этот рассказ нам на память. В последнюю Пасху его жизни ему поднесли просфору и пожелали „многая лета“. Дедушка резко прервал

говорившую: „Что вы, с ума сошли? Я уже жил-жил и теперь чужой век заживаю”.

Он всегда раздавал на Пасхе всем пришедшим по красному яичку (их очень искусно красила Рая), в другие дни какие-нибудь хорошие конфеты, причем семейным давал по числу членов семьи. В последнюю Пасху в числе прочих и я получила яичко. Но за несколько дней до его кончины я вечером пришла к бабушке. Он еще был на ногах. На прощанье он вдруг опять пошел в свою комнату и принес мне конфет для моих семейных, а затем взял с окна красное яйцо, одиноко лежавшее на большом блюде, и отдал со словами: „*последнее* пасхальное яичко”, сделав особенное ударение на первом слове.

22 мая церковного стиля, когда празднуется память мч. Василиска, возвестившего кончину св. Иоанну Златоусту, Рая вошла в комнату к бабушке. Ее поразило необычайное выражение его лица, точно он только что видел что-то необыкновенное. „На 4-е июня назначена моя смерть”, — сказал бабушка. Слова эти как громом поразили Раю. Было 4-е июня нов. стиля. Весь тот день Раечка провела в тревоге. Но день прошел благополучно, все обошлось. Казалось, бабушке даже стало лучше, и Рая успокоилась: „Может быть, бабушка *так* сказал...”. Однако бабушка стал опять слабеть, слег и 4/17 июня 1957 г. его не стало.

Накануне смерти бабушки я была у него. Он был в полном сознании и, едва двигая рукой, благословил меня, а затем заочно моего мужа и дочерей, называя каждую по имени еле слышным голосом, а мужа еще велел поцеловать. А обычно, когда, бывало, уходишь от бабушки, он встанет, помолится на иконы, благословит. Часто подает пальто с вешалки. А ког-

да уже идешь по двору и посмотришь на его окошко, то увидишь дедушку, высоко поднявшего руку и еще раз осеняющего напутственным благословением...

+

Дедушка, несомненно, обладал прозорливостью.

Вспоминаю, как один знакомый, будучи вызван свидетелем по делу бывшего своего товарища и друга, очень волновался и просил передать дедушке просьбу помолиться за него. Я пришла в самый день вызова его свидетелем. Дедушка выслушал просьбу с сочувствием, но после довольно долго говорил о других делах. Наконец, взглянув на часы (перед ним стояло несколько будильников, собранных со всей квартиры, которые он выверял по радио), он сказал: „Вот теперь надо помолиться о Н.“, встал и перекрестился несколько раз, обратившись к иконам. Потом я узнала, что Н. очень долго дожидался вызова на допрос, а в это именно время его вызвали, и что допрос его кончился для него благополучно.

Из чужих рассказов приведу следующие. М. Т. однажды, возвращаясь домой от пасхальной заутрени, подверглась нападению жуликов, пытавшихся ее раздеть. Один из них повторял эту попытку неоднократно, несколько раз для этого забегал вперед нее, но каждый раз все что-то мешало ему: то встречалась группа людей, то попадался милицейский пост. Наконец, вор крепко взял ее под руку, а второй старался расстегнуть на ней пальто. Тут они как раз дошли до ул. Горького, где он почему-то отбросил ее руку и скрылся со словами: „Ну, счастливая ты, гражданка!“

Наутро, придя поздравить дедушку с праздником, М. Т. узнала от Раи, что в эти часы он не мог спать, очень о ней беспокоился и молился.

В другой раз во время приступа нервного расстройства М. Т. ушла от дедушки в тяжелом состоянии духа, с невыносимой тоской на сердце. Не зная, куда деваться от этой тяготы, она забралась в Ботаническом саду (рядом жили ее родные) в большущее душло и лежала там целый день. Вдруг к вечеру, часу в шестом, тоска стала ослабевать, и уже часам к 9-ти на душе водворился полный мир. На другой день дедушка расспрашивал ее о душевном состоянии и особенно о времени, когда тоска прошла. Видимо, в эти часы он о ней молился.

+

/.../ В 1937 г. дедушка с женой и дочкой были у Тони на именинах (1/III). Посмотрев на именинницу, он сказал: „Вам бы, Тонечка, надо было в этом году отдохнуть все лето, в санаторий поехать”. — „Что вы, дедушка, у нас на фабрике путевки в дом отдыха и то только через три года дают, и я в прошлом году побывала в доме отдыха, а в санаторий куда уж мне, туда надо особо на очередь записываться”.

Пасха была в апреле, дедушка начал тогда ходить к Обыденному и стоял возле Иверской иконы, взяв себе за послушание ставить перед ней свечи и сам ежедневно покупал свечку. С другой стороны подсвечника становилась Тоня, а немного сзади Дунечка (Минаевна — „Ягодка”, как она всех звала). Однажды Тоня поглядела на дедушку и встретила с его пристальным взглядом. После он сказал ей: „Тонечка, вы больны”. — „Нет, дедушка, я здорова. Был

насморок, да и тот прошел”. — „Нет, Тонечка, вы больны, у вас даже нос заострился. Вам надо пойти к доктору”. — „Дедушка, я никакой болезни не чувствую, чувствую себя здоровой. К какому же врачу мне идти — ушному, главному? Я не знаю, что у меня болит”. — „По внутренним, Тонечка”. — „Ну тогда, дедушка, благословите сначала обратиться к духовному врачу, причаститься”.

И вот Т. причастилась и радостная пошла на работу. Работа спорилась (Тоня работала среди восьми мастериц, которые вслед за ней делали каждая свою работу, так что надо было их не задерживать), настроение духа было хорошее. Под оглушительный стук машин Т. пела Пасху, — никому не было слышно, кроме нее самой. Но после обеда стало плохо с сердцем, пришлось пойти на фабричный медпункт, полежать там, принять лекарство. На другое утро она опять была на работе, но во второй половине дня потеряла сознание. Целый месяц Т. болела дома, с месяц лежала на исследовании в больнице и затем была направлена в санаторий, где ее оставили и на повторный срок. Таким образом, как и сказал дедушка на ее именинах, Т. отдыхала все лето и попала в санаторий.

В последний год я раз спросила дедушку: „Вы все говорите о своей смерти. К кому же вы благословите после вас идти?” Дедушка ответил шуткой: „Ну, у вас тут будет целый сонм преподобных отцов. Да уж и вам пора выходить в преподобные матери”.

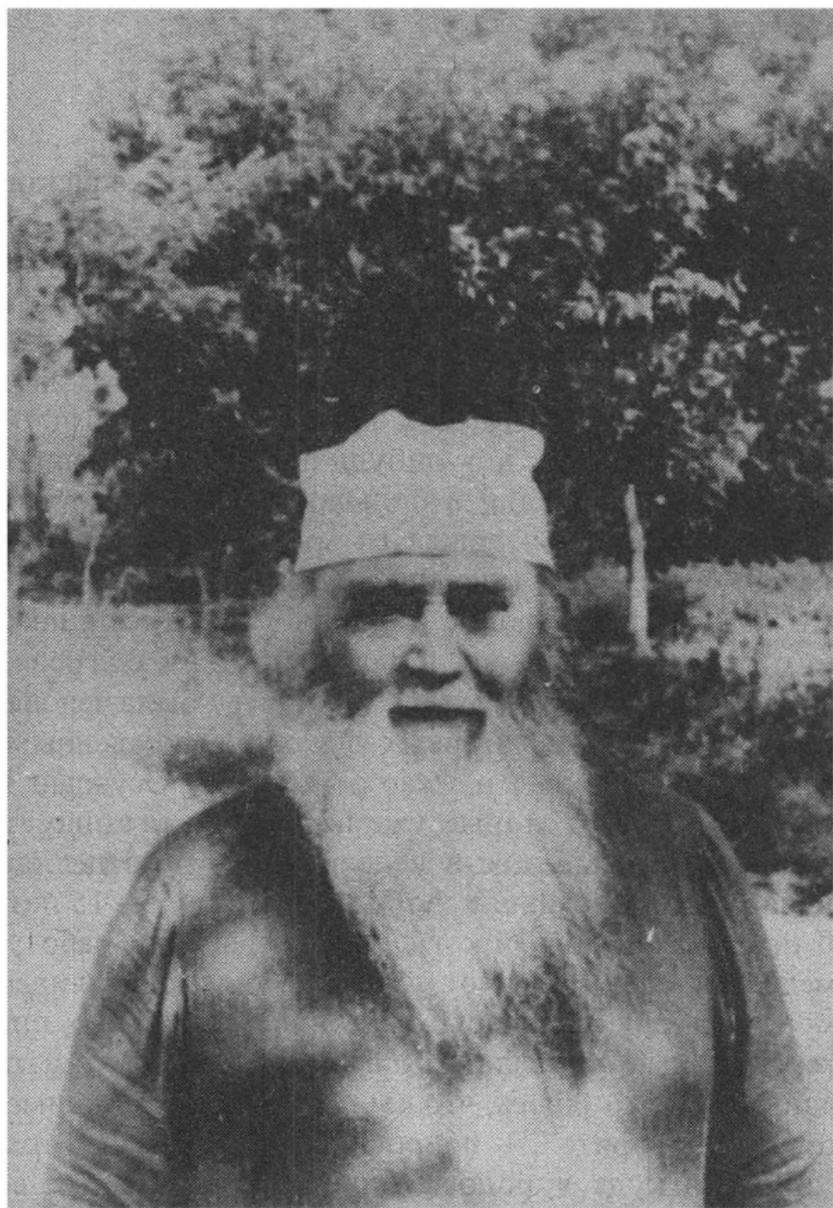
После же смерти одна его духовная дочь сказала, что дедушка советовал обращаться к владыке Стефану, что мы и сделали, когда перед нами встал

вопрос и необходимость решить серьезное семейное дело.

МАТРЕНУШКА

Это мне рассказывал ныне покойный епископ Стефан.

„В 30-х годах меня заключили в концлагерь. Я тогда был врачом, и мне поручили в лагере заведывание медпунктом. Большинство заключенных находилось в таком тяжелом состоянии, что мое сердце не выдержало, и я многих освобождал от работы, чтобы хоть как-нибудь помочь им, а наиболее слабых отправлял в больницу. И вот как-то во время приема работавшая со мною медсестра (тоже лагерница) сказала мне: „Доктор, я слышала, что на вас сделан донос, обвиняют вас в излишней мягкости по отношению к лагерникам, и вам грозит продление срока до 15 лет“. Медсестра была человеком серьезным, в лагерных делах осведомленным, и потому я пришел в ужас от ее слов. Осужден я был на 3 года, которые уже подходили к концу, и я высчитывал месяцы и недели, которые отделяли меня от долгожданной свободы — и вдруг — 15 лет! Я не спал всю ночь, и когда утром вышел на работу, медсестра сокрушенно покачала головой, увидев мое осунувшееся лицо. После приема больных она нерешительно сказала: „Я вам, доктор, хочу дать один совет, но боюсь, что вы меня на смех поднимете“. — „Говорите“, — попросил я. — „В Пензе, в том городе, откуда я родом, живет одна женщина, ее зовут Матренушка. Господь дал ей особую силу молитвы, и если она за кого начнет молиться, то обя-

Епископ Стефан (Никитин)

зательно вымолит. К ней много людей обращается, и она никому не отказывает. Вот вы ее и попросите”. Я грустно усмехнулся: „Пока мое письмо будет идти к ней, меня успеют осудить на 15 лет”. — „Да ей и писать не надо, вы покличьте”, — смущаясь, сказала сестра. — „Покликать? Отсюда? Она живет за сотни километров от нас”. — „Я так и знала, что вы меня на смех поднимете, но только она отовсюду слышит. Вы так сделайте: когда пойдете вечером на прогулку, отстаньте немного от всех и громко 3 раза крикните: „Матренушка, помоги мне, я в беде”. Она услышит вас и вызовет”.

Хотя и казалось мне все это странным и похожим на колдовство, но все-таки, выйдя на вечернюю прогулку, я сделал так, как научила меня моя помощница. Прошел день, неделя, месяц... Меня никто не вызывал. Между тем, среди администрации лагеря произошли перемены: одного сняли, другого назначили. Прошло еще полгода, и наступил день моего выхода из лагеря. Когда мне выдавали в комендатуре документы, я попросил выписать мне направление в тот город, где жила Матренушка, так как еще перед тем, как ее покликать, я дал обещание, что если она мне поможет, поминать ее ежедневно на молитве, а по выходе из лагеря первым делом поехать и поблагодарить ее. Получая документы, я услышал, что два парня, которые тоже выходили на волю, едут в город, куда направлялся и я. Я присоединился к ним и мы отправились вместе. Дорогой я начал спрашивать парней, не знают ли они Матренушки. „Очень хорошо знаем, да ее все знают — и в городе и во всей округе. Мы бы вас к ней свели, если вам нужно, но мы живем не в городе, а в деревне, и очень уж нам домой хочется. А вы так сде-

айте: как приедете, первого встречного спросите, где Матренушка живет, и вам покажут”.

По приезде я так и сделал, как меня научили мои попутчики. Спросил первого встретившегося мне мальчика. „Идите этой улицей, — сказал мне он, — а потом повернете возле почты в переулок, там в третьем доме и живет Матренушка”. С волнением подошел я к дому и хотел было постучать в дверь, но она не была заперта и легко открылась. Стоя на пороге, я оглядел почти пустую комнату, посередине которой стоял стол, а на нем довольно большой ящик. „Можно войти?” — довольно громко спросил я. „Входи, Сереженька”, — раздался голос из ящика. Я вздрогнул от неожиданности и нерешительно пошел на голос. Взглянув в ящик, я увидел в нем маленькую женщину, неподвижно лежащую на столе. Она была слепая с неразвившимися (зачаточными) руками и ногами. Лицо у нее было удивительно светлое и ласковое. Поздоровавшись, я спросил: „Откуда вы знаете мое имя?” — „Да как же мне не знать, — зазвучал ее слабый, но чистый голос, — ты же меня кликал, и я за тебя Богу молилась, потому и знаю. Садись, гостем будешь!”

Я долго сидел у Матренушки. Она мне рассказала, что заболела в детстве какой-то болезнью и перестала расти и двигаться. Родилась она зрячей, но в двухлетнем возрасте перенесла оспу и ослепла. В семье была бедность, и мать, уходя на работу, укладывала ее в корытце и относила в церковь. Поставив ящик с девочкой на скамейку, она оставляла ее там до самого вечера. Лежа в ящике, она слушала все церковные службы и проповеди. Священник тоже жалел девочку и занимался с ней. И прихожане жалели ребенка и приносили то кусочек, то оде-

жонку, а кто просто приласкает и поможет поудобнее лечь.

Так и росла она в атмосфере большой духовности и молитвы.

Потом мы заговорили с Матренушкой о цели жизни, о вере, о Боге. Слушая, я поражаюсь мудрости ее суждений, ее духовному проникновению. Прощаясь, она сказала: „Когда будешь предстоять пред Престолом Божиим, поминай рабу Божию Матрену”. А я тогда и не помышлял об епископстве и не был священником. О себе же сказала, что умрет в тюрьме. Сидя возле нее, я понял, что передо мною лежит не просто больная женщина, а большой пред Господом человек. Мне очень не хотелось уходить от нее, так с ней было хорошо и отрадно, и я дал себе обещание: навестить ее как можно скорее. Но не пришлось...

Вскоре Матренушку увезли в тюрьму, в Москву, где она и скончалась”.

ДЬЯКОН МИХАИЛ

Миша Астров родился в Москве, на пороге XX века (кажется, в 1900 г.). Его дядя был городским головой. Родители его были твердо верующие христиане. Мать Миши умерла, и он рос с мачехой, но тем не менее между членами их семьи была глубокая внутренняя связь и любовь, сохранившаяся и по смерти. Им присуща была какая-то особая духовная одаренность. Об отце своем Миша рассказывал вот что: один раз в храме он увидел монаха в старинной одежде, прошедшего близко от него и исчезнувшего в углу, где, как потом оказалось,

была плита с древней надписью, отмечавшая место погребения какого-то инока. В другой раз, в самом начале первого десятилетия XX века отец Миши, стоя за всенощной, в одном из кремлевских соборов (помнится, Благовещенском), увидел, что стена храма как бы исчезла и открылась пустынная площадь с одиноким часовым. Через мгновение картина изменилась, и площадь наполнилась беспокойной, бушующей толпой.

Сам Миша постоянно видел „вещие сны”, над которыми зачастую подтрунивали его друзья, но нельзя было не удивляться тому, что сны эти сбывались. Принято считать, что подобные явления могут быть признаком „прелести”, но с Мишей это никак не вязалось: душа у него была детски чистая, а вера удивляла силой и цельностью.

В юности одной из самых сильных привязанностей Миши была его младшая сестра Танечка, тоже очень духовно одаренная, а физически крайне болезненная. За недолгую свою жизнь она перенесла все детские болезни и много других недугов, и почти никогда не бывала совсем здорова. Была у нее гемофилия или несвертываемость крови. Эта болезнь считается скорее мужской болезнью. Девочки же, ею страдающие, обычно не переживают перехода к девичеству. Наступила эта пора и для Тани. Она потеряла столько крови, что лежала белая как простыня, не в силах не только произнести слово, но и открыть глаза. Дыхание почти не улавливалось, и чтобы узнать, жива ли она, ей поднимали веки и смотрели, сокращается ли зрачок. Не знали, как ее причастить, и думали о „глухой” исповеди, но отложили напутствование до утра. Любя сестру, Миша очень страдал и молился о ней. Незадолго перед

тем были открыты мощи святителя Гермогена. Миша пошел в часовню, стоявшую на месте кончины святителя в подземелье Чудова монастыря. Дежуривший там иеромонах обратил внимание на мальчика, плакавшего и всем существом молившегося, расспросил о его горе и предложил вместе молиться о больной. В молитве прошла ночь, а утром монах дал Мише для сестры бумажную иконочку священномученика Гермогена. Миша еще не вернулся домой, когда в комнату больной вошел ее отец. Неожиданно девочка сама села на кровати и заговорила: „Папа, какой это старичок всю ночь стоял надо мной и крестил меня?“ Не зная, что ответить, отец понял только, что произошло чудо. Девочку исповедали и причастили, а затем пришел Миша и, поздравляя сестру с принятием Св. Таин, подарил ей изображение святителя. „Вот этот самый старичок и стоял возле меня ночью!“ — воскликнула девочка. От гемофилии она исцелилась совершенно, прожила еще три года и умерла от другой болезни. Миша всю жизнь хранил память о любимой сестре и все мечтал найти другую такую же родную душу.

Вообще Миша был привязчив и, казалось, создан для семейной жизни. Батюшка о. Алексей (Мечев) советовал ему жениться и даже невесту нашел, но все же Промысл Божий уготовал Мише другой крест — крест одиночества, тяжелых болезней, тяжелых трудов и скорбей и изживание их в заботах о других страдальцах.

С юных лет Миша всею душой жил в Церкви, мечтал быть священнослужителем. Ему предлагали посвящение целибатом. Миша пошел к батюшке отцу Алексею получить на это благословение, но батюшка отсоветовал. Вот тут-то и произошло упомя-

нудное неудавшееся сватовство. Миша потом объяснял себе это желанием батюшки оттянуть время, отсрочить посвящение, к которому Миша так спешил, но еще не был готов. Очень полюбил батюшка Мишу и подолгу с ним беседовал. Говорил ему, что они люди одинакового душевного устройства, что путь их не монашеский, а путь служения людям, народу, путь облегчения людских скорбей и изживания в этих скорбях, в служении людям своего греховного я, „яшки”, как говаривал батюшка. (В одно из наших последних свиданий Миша поведал мне, что ему открыто, что скоро ждет его тяжелая и продолжительная болезнь, а после нее даже смерть, „после которой, — говорил он с недоумением, — я каким-то образом опять буду жить”. — „Миша, да ведь все христиане надеются жить по смерти”. — „Нет, нет, я еще здесь, на земле, должен жить. Не рассказывайте никому, но батюшка сказал мне, что я буду продолжателем его дела — старчества”. Предсмертной болезни тогда еще ничто не предвещало, Миша был здоров, но сны его и на этот раз оказались вещими.)

Прошло немного времени после первого разговора Миши с батюшкой о. Алексеем, и „яшка” дал себя Мише почувствовать. На него налетел шквал плотской борьбы. Тяжка была борьба, почти непосильна, но Господь послал Мише избавление от нее в тяжелой болезни. У Миши открылся туберкулез, быстро развивавшийся и дававший очень высокую температуру. Казалось, дни его сочтены. Врачи не надеялись на выздоровление. Не могу точно описать обстоятельств, но помню, со слов Миши, что исцеление его совершилось по молитвам преп. Серафима и с того момента, как Миша дал по чьему-то совету (мне смутно вспоминается имя владыки Иллариона,

но я не уверена в этом) обет безбрачия. К совершенному удивлению врачей, Миша стал быстро поправляться, а 2 января, в зимнюю память Саровского чудотворца, решилось (или совершилось) посвящение Миши в диаконы в церкви Сошествия Св. Духа у Пречистенских ворот. Здесь он усердно прослужил несколько лет и всей душой прилепился к отцу Илию (настоятелю), которого после о. Алексея считал своим духовным отцом и старцем. Душа Миши горела молитвой в служении алтарю Господню, и он не искал себе другого пути, но этот период был, повидимому, только подготовкой к несению более тяжкого креста.

Однажды в храме, где служил Миша, произошло страшное событие. Окна в алтаре были открыты. Внезапно ворвавшийся сильный ветер привел в беспорядок все, что было на престоле, опрокинул дарохранительницу и рассыпал Св. Дары. Священнослужители были поражены ужасом. Миша впоследствии считал это искушение предвестником последующей бури, разразившейся над храмом. Вскоре настоятель о. Илия и диакон Михаил были арестованы и высланы из Москвы, а храм закрыли (на месте его теперь вход в метро).

Высылка была не суровая, всего — „минус“, только со служением в храме пришлось расстаться. Отец Илья и Миша выбрали г. Владимир. Миша поступил в какое-то учреждение на счетную (вернее, статистическую) работу, но жизнь вел подвижническую и именно такую, как советовал ему батюшка о. Алексей. Впоследствии Миша рассказывал мне об „одном человеке“, очень страдавшем от плотской и вообще мысленной брани, но изживавшим свои искушения не в обычном монашеском

подвиге, но в служении людям. Постов он не держал и даже постных дней не соблюдал, но весь свой заработок отдавал на помощь нуждающимся, в особенности на передачи заключенным, не имеющим родных, а сам питался лишь тем, чем кормили его добрые люди, а если не покормят, то и не евши оставался. Этим человеком, как я слыхала от знавших Мишу в этот период его жизни, был он сам. Кроме заработка, он посвящал своему подвигу все свободное от службы время и все свои силы. Так как его жалованья на его дело не хватало, он еще выпрашивал деньги или продукты у добрых людей на свои передачи.

Окончился срок административной высылки, и Миша вновь получил возможность служить в храме, горел этим служением, но продолжал и помощь нуждающимся. В это время он нашел себе единомысленную сестру в лице работавшей при том храме девушки Сони. Она помогала Мише в его служении страдающим и утешала его своей дружбой. Мишу смущала мысль, — позволительна ли ему дружба с девушкой, но о. Илья, знавший чистоту их отношений, успокоил его и дружбу одобрил.

Период такой спокойной и радостной жизни был лишь кратким отдыхом и подготовкой к новым испытаниям. Вскоре при трагических обстоятельствах Миша потерял своего духовного отца. На одних именинах собралось много гостей (человек 20), в числе их было много высланных. Вероятно, люди выпили, языки развязались и дело дошло до того, что кто-то затянул, кажется, дореволюционный гимн. Может быть, это была провокация. Очень скоро после этого вечера все участники его (кроме одного) были арестованы и расстреляны. В числе их

оказался и о. Илья. Миша осиротел. Он очень тяжело переживал гибель своего духовного отца и вообще все это событие. Каждую годовщину его гибели он отмечал панихидой по погибшим. Это обратило на себя внимание, и Миша был арестован.

Перед арестом Миша увидел во сне святителя Николая, который отсчитал и дал ему какое-то определенное количество, кажется, тридцать серебряных рублей. В тюрьме Мишу втокнули в одиночную камеру, где стояла плечом к плечу сотня людей. В камере была одна койка, на которой по очереди сидели и под которой по очереди лежали заключенные. Остальное время можно было только стоять. Духота, смрад были невероятные. Заедали вши, так как не было никакой возможности не только переодеться, но и обобрать насекомых. Для Миши эта пытка продолжалась ровно столько суток, сколько монет дал ему во сне святитель Николай. В это время началось санитарное обследование тюрьмы. У Миши была очень нежная, легко ранимая кожа. От укусов вшей и расчесов он весь покрылся как бы сыпью и болячками. Возникло подозрение, что у него чесотка, болезнь очень заразная, требующая изоляции. Его взяли в тюремную больницу, вымыли, переодели, и очень скоро мнимая чесотка прошла. Зато, уже ранее пораженный туберкулезом, организм не выдержал страданий предшествующего месяца, процесс возобновился, температура опять поднималась градусов до 40. Врачи жалели больного, старались его подлечить и насколько возможно дольше задержать в больнице. Ему стало лучше, но вскоре он получил „срок” и был отправлен этапом в Темниковские лагеря. Он все еще был болен, но, как он говорил, его состояние здоровья не входило

в реестр заболеваний, освобождающих от тяжелых работ. Ноги у него опухли, от слабости он не мог ходить, а работать все же было надо, чтобы не оставаться голодным, и он ползком грузил вагоны дровами. Самое трудное было то, что полный паек хлеба давали только тому, кто выполнял норму работы (очень немалую), кто был ловок и силен, привычен к такой работе. А слабые и непривычные, не могущие выполнить ее, несмотря на все свои старания, с каждым днем получали все меньше хлеба и погибали от истощения. С особенной горечью вспоминал Миша один случай. Партию заключенных (там был и Миша) отправили на лесоповал. Погода была холодная, сырая, пошел дождь. Командовавший ими десятник был из тех уголовников, кого сами собратья считают париями, отщепенцами, так как они хотят выслужиться перед начальством и обычно бывают наиболее жестокими к своему брату. Он настаивал, чтобы заключенные все-таки работали. Последние, в особенности „урки” ругались, отказывались. Десятник разозлился и побежал к начальнику жаловаться. Через некоторое время он вернулся с распоряжением: не работать, но оставаться в лесу под дождем, не разводя огня. С наступлением темноты всех погнали в барак, не дали есть, а утром дали лишь по блюдечку жидкой баланды и, еще не успевших обсохнуть, снова погнали на работу в лес.

Из Темниковских лагерей Мишу отправили в Красновишерские. И здесь он много болел, но нашел единомысленных друзей, и среди них, можно сказать, своего ангела-хранителя, врача С. А. Никитина, в будущем владыку Стефана. В конце концов Мише по болезни заменили концлагерь ссылкой в Казахстан. Некоторое время он жил в Семипалатин-

ске. Тут жизнь его текла довольно мирно. Он работал по статистике, часто посещал храм. Но все это было опять ненадолго.

В 1933—34 гг. в Казахстане ссыльных, живущих в городах, где была возможность работать и жить довольно сносно, стали рассылать по районам, иногда в совхозы на сельские и другие работы. Мише достался г. Каркаралинск, находившийся в 250 верстах от железной дороги. Этот город часто называли не Каркаралы, а Тартарары. Раньше туда можно было попасть только на верблюдах. Там трудно было найти работу и жилище.

Вскоре у Миши опять с необычайной силой вспыхнула его жестокая чахотка. Температура около сорока держалась в течение года. Эта болезнь и свела его в могилу. Во все время тяжких испытаний Господь не оставлял Мишу свидетельствами Своей заботы и промышления. Периоды тягчайших страданий перемежались более отрадными. Во сне нередко являлись ему покойные родители или духовные отцы, святитель Николай, иконы святых и Пречистой Богородицы, предвещая каждый раз то надвигающееся испытание, то облегчения тягот; зачастую давалось ему знать, долго ли продлится та или иная скорбь. (Миша говорил о себе, что по складу его души ему необходимо надеяться на светлое будущее, иначе у него не хватает сил нести бремя скорбей.)

Мне пришлось ближе познакомиться с Мишей в год, предшествовавший его тяжелой предсмертной болезни, хотя я знала его и раньше. Среди чужих людей я, зная батюшку о. Алексея, оказалась ему более близкой, и потому он поневоле многим со мною делился. Перед отъездом в город, где он умер,

он потерял нателный образок преп. Серафима, с которым ранее не расставался. Эта потеря Мишу очень огорчила и встревожила, и мне до сих пор приятно вспомнить, что удалось его утешить, отдав ему иконочку с частицей сорочки преп. Серафима, которую я сама когда-то получила как напутственный подарок.

Из святых угодников Божиих Миша особенно чтил и любил свят. Николая и преп. Серафима. Мне казалось, что к нему очень шло название „служки преп. Серафима”, как звали Мотовилова.

Молился Миша как дитя, всем существом — телом и душою — уходя в свою просьбу. В храме он при этом клал поклоны, с упованием смотрел на икону, говоря с изображенным на ней как с живым человеком, шевеля губами, кивая головою, несколько не заботясь о присутствии окружающих. Он был похож тогда на юродивого, „блаженного”. Последнему соответствовала и наружность его, самая „простецкая”. Он был высокого роста, довольно широк в плечах, но сутуловат. Лицо круглое, красное, брови и усы и небольшая щетина-бородка — золотисто-рыжеватые, волосы — русые, несколько торчащие кверху. Глаза его были хороши: голубые, ласковые, напоминающие небо. Рот большой, улыбающийся какой-то ласковой и виноватой улыбкой, голова склоненная набок.

Он как-то говорил мне, что, чтобы быть услышанным, надо обращаться к Господу и Его святым совсем просто, бесхитростно, по-детски. „Вот я тут никак не мог найти работу и все просил святителя Николая: „устрой меня на работу”. Просил и вдруг как бы слышу внутри ответ: „устрою, устрою”. И в тот же день работа нашлась”. В пояснение того,

как надо относиться к молитве, Миша рассказал мне два случая, которые казались ему образцом веры и простоты отношения к Господу и святым.

Первый случай относится к истории храма Никола-Подкопай. Один купец разорился и просил помощи у свят. Николая, в приходе которого жил. Святитель явился ему и велел снять ризу с своего образа, находящегося в храме, снять с нее точную мерку, продать ризу, вырученные деньги взять взаймы, и когда расторгнется и будет в состоянии, — заказать новую ризу и вернуть долг святителю-заимодавцу. „Святителю Христов, ведь не дадут мне снять твою ризу!“ — „А ты *подкопай*“, — ответил Святитель и сделался невидим. Купец „не размыслил в сердце своем“, но с верою в святительское слово ночью сделал потихоньку подкоп под храм, осторожно снял ризу, измерил ее, продал. Вскоре Бог благословил его торговлю, вернулось его благосостояние, возможно стало и возместить долг. Когда купец принес новую ризу в храм и просил возложить ее на храмовую икону, ему сказали, что на иконе издавна риза имеется. Тогда купец открыл все о явлении Святителя и о подкопе и просил вновь убедиться, есть ли риза на иконе. Ризы не оказалось. Видимо, Святитель довершил свою милость к купцу тем, что закрыл глаза всех на пропажу ризы. Икона была торжественно украшена новой ризой, а храм, в память чуда, стал слыть „Никола-Подкопай“.

Рассказ второй относился к дням не таким далеким. В одном из московских монастырей жила очень бедная старушка-монахиня с келейницей. Она была больна. Дело было к осени, стоял жаркий август. На улицах во множестве продавали арбузы,

и больной очень хотелось этого сочного дешевого лакомства, но денег не было ни копейки. Она поставила келейницу перед иконами читать акафист святителю Николаю. Каждый раз после припева „радуйся, Николае, великий чудотворче” старушка прибавляла: „Пошли арбузика”. Как раз в это время казначея монастыря захотела навестить больную и, выйдя на улицу, купила для нее „утешение” — арбуз. Когда она входила в келью больной, было прочитано немного более половины акафиста, но старушка-монахиня перебила келейницу: „Оставь, матушка, оставь, не надоедай Святителю! Уже несут!”

Многим, кому я рассказывала эти случаи, любимые Мишей, они не нравились, казались даже соблазнительными и смущающими, но мне кажутся они очень трогательными и показывающими большую простоту и реальное переживание невидимого мира людьми, о которых здесь рассказывается.

+

После отъезда Миши я переписывалась с ним почти до самой его смерти, но у меня не сохранилось, к сожалению, ни одного из его писем. Он очень страдал от болезни, а также от тоски по родине, по дому, по другу Соне, и ее тетке, и другим близким. Хотелось ему надеяться на выздоровление или хотя бы на кончину среди родных. Жить ему приходилось в тесной избе вместе с хозяевами и другими жильцами. Тут были и маленькие дети, и гармошка, и махорка, и теснота, и духота. Надежда на поездку домой была иногда совсем близка к осуществлению, но так и не сбылась, и Мише особенно тяжело было переживать моменты крушения

этой надежды. Раз он уже сел в грузовик, чтобы ехать на родину, но оказалось, что не достало какой-то бумажки, и его вернули.

По-видимому, и вдали от родных Господь посылал ему некоторое утешение в виде заботы от живших неподалеку от него монахинь, которые потом присутствовали и при его смерти, и хоронили его. Слышала я, что кончина его была необычайно светлой и сопровождалась явлением Божией милости его душе.

К. Троицкий

ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Размышления о Преподобном Сергии Радонежском

Перед нами опыт жития, в котором сочетается рассказ о событиях из жизни Преподобного Сергия с попыткой благоговейного молитвенного проникновения в глубины его святой жизни. Автор прислушивается к тем далеким и близким для нас временам, прислушивается, чтобы уловить несмолкаемый, вечный ритм жизни Православия. Он пытается найти новую форму записи для своих размышлений, используя подчас язык житийных повествований, язык былин и язык церковной поэзии. Это в некотором роде новый опыт для современной религиозной словесности и, как всякое новое слово в литературе, оно может быть принято далеко не всеми. Однако это никоим образом не должно стать препятствием к тому, чтобы быть предложенным читателям духовной литературы. — С о с т.

Читатель, премудрый Епифаний, начав житие писать, смиренья облаком сокрыл себя, да не сожжется огнем божественным Святого.

Что ж делать нам? Паду, прильну к его стопам и обрету возможность мыслить.

1380-ый. Одна из самых славных на земле Российской битва. Поле Куликово. Русские полки с хоругвями против татар.

Димитрий князь. Русь благословенье Божье полу-

чила чрез старца сокровенного скита во имя Троицы, пустыннолюбца Сергия.

Прочтя внимательно житие святого, мы много раз ему свободу открывали в нас жить, тяжелые в глубинах сердца раны омывать, невыразимой тишиной сиять, в себе давать молиться...

Земля Руси! Великие и бесконечные леса вокруг; безмянные поляны; неведомое никому петлянье маленьких речушек; тенистые пруды, стыдливые и чистые озера; в их перевозданной тишине играет, плещется без малого как будто весь род рыб. Топкие болота и небо — край нежной звездной Бога ризы.

Зверей в то время не считали, строжайшей жизни чин они уставно соблюдали по 103-ему псалму преславного царя Израиля Давида...

Прикрепко юный Варфоломей держался благодати. Из опыта он знал, что без нее все здесь же умирает, он слеп, бессилен, Богу послужить не может и любить, как должно, заповеди святые соблюдая.

Давно, России столп, с сердечным светлым чувством испытывал и размышлял о подвигах ради евангельской любви: Симеона Столпника, Египетской Марии; Антония, Макария Великих, апостолов, путей Христа в пустыне; небесных человек, земли Российской ангелов, Антония и Феодосия Печерских.

Глубоко тосковал, всем существом своим прилежнейше молился, строжайший пост держал и тихими потоками, неопишимо, грудь орошал слезами.

Однажды, когда преставились родители его (в великой схиме блаженные Мария и Кирилл), Варфоломей и брат его Стефан вступили оба в Вави-

лонский огонь пустыни. Тут им грозили и стращали бесы; суровый лес не грел; большие звери близко приступали, видя в них господ своих, потомков райского Адама...

Час наступил, который повторится не однажды в житии святого. Крест одному нести. А вскоре Христос, Господь, чтоб благословить духовный бой Варфоломея, с иеромонахом посетил его.

Свершился постриг тайный в иноческий чин и наречение имени святого Сергия.

Прошли года, подвижники по одному к часовне Сергия стекаться стали. Устав богослужбной, скитской жизни во имя Бога в Троице творил из каждого святое существо для царства неба. Друг в друге видели они Иисуса Христа, спеша во всем соделать брату предпочтенье, готовые упасть лицом пред всяким, засаливая Божий мир спасающим смиреньем и силою Креста Христова.

Подвижники преуспевали. Цель их деяний не совсем обычна, но и проста: вначале разглядеть бревно страстей в своем глазу; потом в бессильи горьком восстенать, волнами слез бия в него претрудно, держа в уме Судию и ад и рай, и силы Иисуса Христа искать. Он Один огнем божественным испепелит гнуснейшее бревно греха, страстей, проклятие его. Сам медленно и тщательно всю исцелит смертельно раненную душу, и благодатью неба оросит, все совершит до святости, чтоб ангелам в сем храме жить, Пречистой Деве, и Ипостасям Троицы Святой.

Среди двенадцати монахов, апостолов священное число, не различить смиреннейшего, будто прахом от земли покрытым, Аввы.

При всей их равности, он среди них нижайший.

Его лицо печально, умно, от строгих подвигов как будто бы серо, но все святым безмолвием сияет, чудеснейше лучится тайнами горы Фавора откровений. Мудр Богом, милостив в делах.

Не совершалось в этом православном скитском братстве евхаристической Трапезы. Правда, древнее богослужение исполняли по уставу. Каждый помышлял о достоинстве другого, повергаясь ниц пред святостью священства. (Много времени прошло в смиренном размышлении. Умножалась братия своим числом.) Среди мудрейших старцев твердое и важное намеренье явилось: любовью богатого, в игумены, священники авву Сергия молить владык Ростовских.

Поведали об этом и авве самому. Сей муж суровых подвигов — вострепетал как раненый, прося у Бога „крылья голубицы”, чтоб улететь в „последние моря”, или в неведомые острова за океаны.

Пред его ума очами предстал лик божественный: священника древнейшего Мелхиседека; кроткого иерея при скинии Аарона, сам себя таинственным молчаньем заколавшего для жертвы Богу. Он рассмотрел весь лик пророков, славным ужасом божественных видений одержимых; и в первую неповторимую в горнице Сионской вечерю Иисусом, Священнейшим источником священства, совершенную от века искупительную Тайну Троицы Святой; славный, строгий лик божественной Любви апостолов; мученический лик пресвитеров блаженных, проливших кровь свою — вечный, неколеблемый фундамент первохристианской Церкви.

Виденьем чудным предстоял сонм боговидцев, епископов единой и соборной Церкви: боголюбивейший Григорий Неокесарийский, огненный тихой

благодатью Бога Кирилл Иерусалимский, благоустроитель христианства египетской столицы Александр. Со страхом зред Василия Великого, умом как будто слившимся с Умом Христовым; Григория смиреннейшего и нежного богослова о Троице Святой; тут Златоуст Иоанн спутник их святой — река богословес; Ефрем, трепещущий священства, как недостойный жизни для себя, Христов тайновития, учитель богослов Сирской школы; Кирилл Александрийский, хранитель целокупный догматов православья; Святитель Николай, епископ Мир Ликийских, архиерей, ревнивый попечитель всея Церкви; иерей Феодор, монашества студийского игумен — река чудес — словес спасенья; преподобный и боголюбивый Симеон Новый Богослов, точнее, преподаватель благодати. И множество святителей меж ними.

Такое Сергию явилось виденье или богоразмышление. Что же есть он, каково его призвание, что сеять здесь на Руси? Он получал один ответ: здесь нужен мир, Мир Господа Иисуса Христа; нужна святая тишина и тайна...

„Ты эту тишину прикрепко сохрани; сей Иисуса дар навечно утай в святой Руси, как жизни ее ключ. И за сохраненье заповеди сей одной не отойдет с лица земли Святого Духа благодать.

То послушание от Бога — Русской Церкви. Православие блюдетя, как запас к последним мира временам. Таи, приглубоко сокрой его и сохрани Христова мира Дар, святую славу, надежду будущих, перед Вторым Пришествием, христиан. Не искази ничем богослуженья, чтоб все отцы святые чрез молитвы в храме благовестили местным языком священные ученья Божией веры...”

И принял Преподобный Сергей Русский Крест, согласно дал возглавить братию, вернее, соль земли святой Руси, и паствить паству священноиереем Троицы Святой.

Немного позже ученики игумена священнейшей пустыни и благовестницы великой нищеты Христовой, такое же спасительное дело будут совершать во всех местах России.

Устав скита суров и строг, он точно согласован с волею Творца.

Мысль главная одна — все Богу. Дела, труды рук, все помыслы Ему, все-все: плохие, злые, грешные — на очищенье; святые, светлые движенья молитвенного фимиама Агнцу в славу, и нищета ради Него. Нет, не искущенье Бога, а подвиг во Христе, являющий великий океан чудес любви Его к овцам Своим.

Устав скита не позволял по оскудению даже хлеба на трапезе братской спрашивать его как милостыню у отдаленных поселян.

То понималось как искус и испытанье Богом.

Бог призывал молиться за свои грехи, быть чутким к божественному Промыслу и благодаренью, но может быть, тут было невидимое понужденье с горячим чувством, не уныло, с любовью за мир молиться.

В таком молитвенном томлении дни шли.

Но вот, однажды, будто бы купец с теплоиспеченным хлебом откуда-то прислал возы. Донныне так и не нашли, откуда хлеба воз, но главное, куда и как он скрылся. Но это лишь один пример жития насельников скита во имя Троицы.

Подвиги аввы Сергия светились пред очами всех как нескончаемое чудо... Он в тихом, срубленном

из древа храме, при ровном, мерном, Божьим страхом полном пеньи иноков, Богу благодатию святую службу совершает.

Только истощается от изумительного недоумения очевидец: отчего, вместо сослужащего святому Авве диакона-монаха, в алтаре их два?

Тот второй (откуда?) неизвестный, красоты, священноблагочестия премного преисполнен, юн и страшен светом лика, он безмолвно совершает у престола с аввой службу.

„Се был неба ангел”, — смиренно утвердил, чрез много лет, открывшись брату, Сергей...

Опять, между духовнейших, из самых незаметных, нравом тихих, сияющих улыбкой, серебром седин венчанных старцев, очень редко вспоминалась тайна — участие святого в битве Куликовской.

Именовался в их беседе довольно часто Илия, славный в Божьих делах древнейшего Израиля пророк. Во власть его доверил Промыслитель избранный, из всех племен земли род Авраама, великого у Бога.

Движимый Духом приготовить и отверзть глаза сердец, чтобы зреть Бога Святого своего, Илия без предупрежденья утвердил среди народа жесткий, а многим и смертельный пост. Он голод слишком длинный выплакал у Бога, и множество от рода своего, будто потопом Ноевым, но в этот раз безводным, смыл.

Когда пора пришла, сей праведник на уготованную жертву пред ликом связанного страхом и великими пороками, Израиля народа (данники греха взбесившейся Иезавели), божественный огонь низвел и вскоре заколол рукой своей служителей бесов из присподней.

Народ тогда, как будто мертвый, призванный воскреснуть, впервые воздохнул, отверз глаза, втянул в себя духовный воздух, божественнейшей жизни светов аромат. Вздохнул, но оживет еще не скоро.

Подобное же было в люде русском.

Татарин, будто клещ, глубоко впился и прижился в юном и благолепном теле народа. Стон, до этого неведомый всем племенам Руси, и по сей час гудит от казней...

То был очень тяжелый и ослабляющий впервые чудного народа первозданность силы, поражающий удар.

Плач и реки детских слез, неизобразимые рыдания; горечь в плене басурманском. Зловеликий душ, Богом созданных, растлитель, сатанинский страх...

Святая душа Сергия все ведала сие. И этим умертвляющим крестом распялся он.

Медленно, в освященных сердца безднах пламеня молитву, говорили в Божьих дебрях сокровенные, чудные, как дети, старцы. И лился их сказ — подобный самоцветам или струйкам из Эдема ручейка.

Преподобный Авва Сергий не сразу низложил, как древний Илия, плен Божьих душ от ненавистных басурманов. Он тихо ждал в персях народа покаянья и воли всеятого Бога властный глас. Все вниманье растворил великою молитвой, охраняя, сберегая души и своего народа, и из земель неведомых пришедших супостатов, но все же Божиих народов.

Память сердца сохранила дивные виденья ближайшего из учеников святого Аввы, созерцаемое

В святая из святых Руси, в священном алтаре церкви во имя Бога в Троице.

Богослуженье. Святая литургия. Тишина. Бог на престоле верных Ему душ творит спасаемым Трапезу Жизни.

Старец преподобный предстоит престолу весь напоен, наполнен действием Бога. (В нем так давно отсечено движение свое, в глубинах сердца все творила Божия воля.)

Бог Дух Святой им совершал молитвы и восклицанье возгласов, славой Божьей восхищенных умных тварей. Святая Троица творит Трапезу *всем*. От лица народа своего стоял великий Сергей *твердо* и с любовью, будто бог его...

Уста его надмирно — тихо произнесли слова, однажды возглашаемые в литургии только верных

Голгофа, Крест. Он не один, благоразумный тут разбойник, Пречистая Мария, чин ангелов. Все изменилось. Огонь алтарь наполнил. Он не палит. Он Бог, Святая Сущность Света, Дух Истины, Дух Правды, Чистоты.

Огонь сей окружил святого, Трапезу на божественном престоле всю насытил страшным и ужасным Светом. Все пали в покаянном духе сокрушенья. Сергей преподобный, мирным царства Божья неба, Духом исполняясь, созерцая будущие, нынешние, все роды бывших человек, евангельской любовью распаяясь, прохладой вечности поил и, очищая, освящал все души, будто ангел...

Сам быв радостью, глубоко молчаньем возносясь, он весь в смирении, как жертва, за свой народ сугубо предстоял престолу... (И как же это Божие явленье понимать бы должно?)

То благодати Божественной особое благословенье,

освящающий смиренномудреннейший и редкими святыми проходимый путь жития преподобного земли Российския пустыни.

Когда игумен стал святыни причащаться, огонь Божества пристрашно свился в виде царственного плата и пречудно вошел в молчаньем освященные уста. Здесь тайна Божия невыразима, и только одному святому Сергию не вся, а лишь отчасти, известна истина об этом чуде совершившемся была...

(А что же Илья, его зачем пустынейшие старцы вспоминали? Не торопись, прослушай сладостную речь святых сердец их дальше.) Илья пророк с трудом вымалывал собой у Бога из ада пламенем сжигаемый, сжигаемый пороками Авраама род. Грех богател в себе, его бессильной силы никто остановить от ужаса не смел. Он истреблял собою все, растление сеял с ярим ненасытимейшим жаром, особенно искусно, хитро и жестоко среди людей, Мессию ждущих. Как воле Божией последовал пророк Израиля священного Илья — история сия, нами была раскрыта выше...

В годы жизни Сергия горе Руси переживалось так же. Одно, воистину, великое различие меж нами было... Прошло четырнадцать времен от века Воплощения Святого Бога, Его из ада и от смерти воскресенья; создания Духом Утешителем чуда — Церкви...

Благодати Неба довольно много испила и наша Русь...

Острейшие умом, в тихостях земли уединившиеся старцы, умолкнули, созерцая тончайшие пути спасительных судеб Руси. И незамеченно никем отнажды, будто ангелами, их гласом-силой, народ земель Российских тихонечко поднялся, ожил. Страх

Божий освящал их души, исцелял от страхов басурманских. В сердцах людей священо ликовала без малого Христова Пасха. Все согнутые бедствиями, низким рабством распрямились. Задушенное, разбитое свирепой яростью племен без родины, за многие десятки трудных лет тело народа, как будто вновь родившийся младенец, ожило.

Рождаться стали в их сердцах, у многих даже простецов, чистые, вечность созерцающие, мысли. Решение умов предвидело одно — собою искупить грехи народа, который слишком скоро рухнул пред тарином кровавым.

Готовились к святому делу тщательно, молитвенно, серьезно-строго. Они надеялись исполнить с честью, славно волю Бога.

Призвание их жизни заключалось в том, чтобы начать все вновь, с большой любовью, разваленное свиньями, будто жемчуг попанное, священолепнейшее люду своему возделать государство-царство. Движение сие, подобно ангелу в народе, возглавил мудрый страхом Божиим князь Димитрий.

О, чудное для Родины моей, России было время! Не все, правда, восстали даже среди русских; они хотели от Божья гласа заткнуть уши, пусть мертвыми, зато в старинных и фамильных гробницах-княжествах, смердя, подохшие, „священо” истлевать.

Бог действовал чрез кротких, смирением украшенных чад Своих. Прежде всего Он от грехов, пороков, соблазнов пленивших их народов претщательно очистил. Затем слезами покаянья Руси честной омылся люд. Готов предстал. Все понимает. Живой. Искрится светом, как бы ангел, и только плоть, легко язвимую, носящий.

Из Божьих этих искр сложилось ополченье, все

затеplилось, силою и красотой зарделось, как юный царь Давид пред битвой с Голиафом.

Идут, и вся краса Руси открылась: все молодые, рослые, есть слабые среди них, и то немного телом, а духом — богатыри. Здесь есть отцы больших семей, их дом не удержал — Русь сердцем бьется в них. А старики — что можно нам без них — они мудры. Всю жизнь свою они глубоко изучали все хитрости и слабости искусства бранного татар. А юные мальцы, где нужно, можно, стайками летают...

Вот в роги затрубили. В кругу великих воевод приехал князь. Он каждого из всех десятков тысяч видит; он больше, чем отец, он — стратег.

Встрепенулось, стройностью сверкнуло Божье войско. Мир кругом на версты, живая тишина. Князь слово произнес. Все море душ, плеща устами, как волнами, подобно меду сладкому его в себя впитали. Согласие единым духом дали у старца русского, всея Руси молитвенника Богу, святого Сергия, игумена из Троицкой пустыни, просить благословенья.

Послали князя...

Мирная, сокрытая от всех обитель. Келии, как сосуды (или образы) небес чертогов рая, покоятся неслышанным, для смертного, смиреннейшим молчаньем. Со страхом воины вошли. Игумен сам их встретил, благословение Иисуса Христа преподал каждому и донося при этом в слух сердца их слова судьбы грядущей. Пустынный Сергей все духом знал. тишайше в себе радостию рделся. Все сели. Льется мягким ручейком простой слог старца. Говорит он мудро. „Русь. Святая. Страдалица. Сиротка, поругаемая и своими братьями, и много от чу-

жих, иноплеменных. Где бы сил собрать — сыскать, исправить все... Времена...”

Вокруг было безмолвно, чудно-тихо. Князь испивал совет святого. „Ты береги-храни любовь своего пламенного сердца всякого, даже убогого в этом великом войске. Не постыдись среди них Матушке русской послужить. Молись за всех, за каждого. Для войска дарую я упование — подвижников пустыни этой мирной, украшенных, редчайшим среди людей, искусством послушанья. Христос, прошло уж много лет, святыми заповедями творит для царства Своего из них совсем иных людей. Ради небесного жития за суету сует — томленье духа — они вменили всякое земное царство. Из длительного опыта познав свободу бытия святых в обителях небес, духовным оком зрят они с печалью на устроение душевными людьми из этого земного праха любого царства...”

Время подошло померить (или проверить) силы русских в битве с супостатом. Они нежны, пока наивны, нет еще разума, как строить государство, для настоящей битвы тоже слабы.

Сколько же крови русской истечет, — помедлил чудный старец, лицом святым от страшной муки весь дивно изменяясь, — но знайте вы, что то же, но уже море драгоценной крови изопьет земля через пять-шесть веков. Не скрыто мне ничто из тех печальнейших от всех времен земли. И в ком они, ослабшие от ужасов, жестокостей народы найдут опору? Их Воительница — Божья Матерь, ангелы небес и чин избранных мучеников, благодатию Святого Духа в совершенство напоенных. И потому они спасутся, если терпением и крестным послушанием станут Владычице верны... Вы тоже победите в гря-

душей славной схватке с злом. Не многие останутся живыми. Двух схимников, пришедших из бояр-богатырей, возьми, князь, в свое войско, и хартию моей руки почти всему восставшему против злодеев Божию народу. Не медли ни мгновенья здесь, иди”...

Легли легчайшим кружевом-печалью тени вечера земли. Зарделся запад неба, пылая жарким солнцем, послушно и степенно уходящим, весь счастьем ясно улыбаясь. Вспорхнули с трав, лесов, лугов испуганные птицы. Смеркалось. Русь — путники, храня благословенье Божье, довольно быстро шли, спеша с любовью на Голгофу, на мученичество, и на Крест — на поле Куликово.

Пришли. Уже давно все услышали эту, птицей-соколом и скорой голубицей в уши каждого вспорхнувших, весть. Восстали сильным и единым вздохом все. Князь к ним. Поднялся высоко над лугом, чтоб видеть лик своей Руси: „О грустный, многонатерпевшийся, несчастьями повитый, будто пеленами, мой славнейший христианский род. Стоишь, раскрыв для созерцанья Бога созданные очи. Зри Его дар и волю: хитрейший в бранном деле боярин Пересвет, схимник Божий Сергия пустынный ныне. Он не один вот и его собрат в молитвенном искусстве, известный вам Ослябя.

Целящей от грехов епитрахилью, отечески покоило, небесной лаской милостью питало еще младенческие души ратников Руси простершееся над ними слово Старца.

Сам Долгорукий князь его считал с писания рукою за народ молящий. „Аминь. Аминь”, — шептали воинов уста...

За нас с тобой, мой дорогой читатель, они на

страшный бой пошли, или точнее, все — ради тебя. Они — христиане и отцы, в веках стояния Руси, верны без колебания Божьей воле.

Закланые и победившие однажды, с умноженной любовью ныне алчут принестися в жертву, чтобы из плена адского освободить тебя.

.....

Наша Церковь, ее трепещущие Богом души, (памятью светлою одаренные) безлетные по возрасту паломники все выстоявшей Лавры друг другу, сердце к сердцу влагают искреннюю весть: „Русь, братья-сестры во Христе, стой твердо подвигом, мученичеством, против безбожия своего народа. Мы немощны, бессильны повторить подвиг жизни святых, но честь и нам дана спастися русским Православием.

Теперь всем ясно зримо — безбожие из душ, нами любимых, развеется как чадный опиума дым. Ныне вратами — дверьми отверзта нам вся сила тайны посещения старца Сергия Пренепорочной Девой.

Утихнем, чтоб сердцем услышать реченья премудрых вод питья, священной памяти ума христоролюбивого народа.

Явление святое совершилося в одну из зим, рождественским постом.

Леса дремучие, дар неба, снег покрыв, великолепием украсил звездоплетением риз, смолой и зеленью молящиеся ели. Легчайший, засыпал все глубокие овраги, дорогу, тропки незаметные зверей.

Среди мороза мирного русской зимы очами-кельями иссиня черными зрел-пел Троицкий скит. Игумен Сергий с учеником Михеем чтут мерно чудоточащую Псалтирь, переполняя души благо-

уханьми рая. Насытившись смиренной мудростью от слов Писанья, молитву сердцем к Пречистой умиленно возопил священно старец: о братии монастыря, за Русь, за утверждение на ней святого Православья.

Как опрокинутая вечность длилась ночь. Умолкли, забывшие и так давным-давно вкус слов в своих устах, как от Великого поста, сердца России-богомолки; дедок седой котомкой древнею тряхнул (как будто старою берданкой), тяжело отер слезу, глубоко с тихостью вздохнул...

Вдруг келью всю доверху наполнил свет, раздался сильный глас: „Грядет Пречистая”.

Беструдно дивный старец наш все распахнул святому чуду двери. На этом слове народ как будто исчезал, собою уступая, да освятится ныне и сейчас земля Пречистой посещением.

Вошла, Святой Иоанн Евангелист, первоверховный среди апостолов Христовых Петр. Пал на лице Михей от страха зренья Божья света, не мог, не смел и приподнять главы своей. Игумен Сергей преклонил колена, с смирением потупил взор, весь ангельски меняясь радостью, от сердца исходящей.

Владычица святого приподняла и начала невыразимую для слов беседу о многоскорбных судьбах земли сирот и вдов — Руси.

Апостолы вселенной — божественной Любви тайн всему миру изъяснитель с ним кроткий Божьей Церкви Устроитель — собой слова святые утверждали.

Всем православным беседа та, в течение веков степенно раскрываемая временем и жизнью, являет страшный и красотой свободы сияющий свой лик. Сим послесловьем заключим о преподобном Сергии,

игумене святой Руси, наш славный сказ. Ныне грядет священо, твердо сила безмездно всех целящая в сердцах и Богу ведомых глубинах. И потому смиреннолюбца небожители святые посетили, чтоб утешеньем через край наполнить нынешнюю Русь.

Мне пожелалось узнать, что монастырь сейчас, как братия его спасает, спасенье совершает и сама? Нежно, скромно, молчаливо, глубоко опустила свои стрелы-очи обитель Сергия святого. Молчанье — всегда ответом было. Молчанье не простое, а как у святого на лице. Понять же в силах всякий, кто *„умывает ноги преподобным“* и замечает их печальный лик, вся красота которых в путях великих слез.

1980 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О П. А. ФЛОРЕНСКОМ

Воссоздать образ П. А. Флоренского или хотя бы написать связные воспоминания об этом удивительном человеке, конечно, я не в силах.

Не могу я этого сделать прежде всего потому, что нет у меня для этого сколько-нибудь соответствующих литературных данных, а затем и в силу случайности и краткости наших встреч, продолжавшихся все же в течение 8 лет.

Эти записки — лишь разрозненные зарисовки с натуры и только в этом отношении могут представить некоторый интерес.

С тех пор прошло уже 30 лет. Многие окончательно выветрилось из памяти. Так, я совершенно не помню при каких обстоятельствах произошло наше знакомство. Вернее всего — нас познакомил Н. М. Чернышев² — один из главных основателей группы художников „Маковец”³ и один из редакторов одноименного журнала.

Это было в самом начале 20-х годов — следовательно, Флоренский носил тогда рясу — штатское, как я знаю, он стал надевать после 30-го года, но тогда мне с ним уже не пришлось встречаться.

Рукопись найдена в Самиздате. — С о с т.

Мы перенесли сюда эту публикацию из „Надежды”, вып. 6 (вышла в Самиздате к Рождеству Христову 1980 г.), из-за недостатка там места. — И з д.

Отчетливо помню, что с первых же слов и как бы торопясь, чтобы не забыть, он твердо заявил мне: „Я должен Вас предупредить, что придерживаюсь средневекового мировоззрения”. Это было сказано категорически, тоном *sine qua non* — или принимайте меня таким, каков я есть — или — пути наши врозь!

Но я поспешил заверить, что это меня нисколько не смущает. Мировоззрение Флоренского мне было достаточно хорошо известно по его книгам — „*Столп и утверждение истины*”, „*Мнимости в геометрии*” и „*Общечеловеческие корни идеализма*”.

Итак, знакомство состоялось.

Опять-таки не помню — в тот ли раз или позднее — отец Павел (в те годы я его так называл, а позднее — уже в 1925—26 гг. — Павлом Александровичем), стал развивать мысль о том, что талантливость, даже знание о „Высшем”, о „Горнем”, нередко встречается у людей одновременно с порочностью, даже с преступностью — крайности соприкасаются — и сослался на пример св. Климента Александрийского, который, оказывается, был даже убийцей.

П. А., как мне рассказывал кто-то из „маковчан” — Н. М. Рудин⁴ или покойный М. С. Родионов⁵ — интересовался художниками, посещал их собрания.

Мне передавала также Е. Е. Пестель⁶, что еще в 12-14-х годах Флоренский бывал в доме художницы-кубистки Л. С. Поповой⁷. Там собирались художники и теоретики левого художественного толка — А. А. Веснин⁸, В. Е. Татлин⁹, А. В. Грищенко¹⁰, Топорков, Степун¹¹. Велись философские разговоры, читались доклады.

Слышал также, что П. А. вел нечто вроде семина-

ра с небольшой группой искусствоведов и любителей искусства — в одном из помещений Музея Изобразительных Искусств. В связи с этим вспоминаю:

В начале революции — директором Музея стал добрейший В. Е. Гиацинтов. Жена П. А. была урожденная Гиацинтова. Совпадение это заинтересовало П. А. и он отправился к Гиацинтову узнать, нет ли тут родственной связи.

Вообще имени П. А. придавал огромное значение, как известно, на Кавказе им была даже основана секта „*имяславцев*”.

К участию в журнале „*Маковец*” Флоренский был приглашен Н. М. Чернышевым. Одного названия журнала для Ф. было достаточно, — „*Маковец*” — название местечка, где родился Сергей Радонежский. Флоренский дал свое согласие.

В ту пору, вследствие своей необычайной разносторонности, Флоренский был до предела загружен — его прямо-таки рвали на части. Он был членом В. С. Н. Х., его приглашали на всякие ученые совещания и собрания, но главная его деятельность связана была с „*Главэлектро*” и с Всесоюзным электротехническим институтом, помещавшемся, кажется, на Гороховской улице.

Туда я и отправился однажды, чтобы по каким-то делам с ним повидаться. Долго ждал я в вестибюле — его все не было. Наконец, узнал от швейцара, что Ф. „*вот-вот должен придти — Вы его пойдите встречать — узнаете сразу — фигура видная*” — добавил он. Слово „*видная*”, конечно, не то слово, но что-то необычное, несовременное, разумеется было во всем облике Ф. Ходил он в своей рясе и камилавке сторбившись, опустив долу свои жгу-

че-черные глаза, как бы погруженный в какие-то неведомые глубины — казалось, не XX век, а какой-нибудь XII или XIII глядит на вас. Несмотря на его бросающуюся в глаза внешность, я так его и не встретил на улице — и вернувшись в Институт узнал, что он прошел уже в свой кабинет. Это была маленькая комнатуха, отделенная стеклянной перегородкой в широчайшем коридоре.

К нему поминутно обращались, что-то спрашивали. Он давал каждому неспешные, но, как я понял по тону, — совершенно точные и безапелляционные ответы.

Пришел какой-то молодой человек — студент или сотрудник — и стал говорить о своем решении предложенного Ф. вопроса.

„Это не так”, — сказал Ф. Тот настаивал на своем, не очень вежливо перебивая и кипятясь.

Опять тот же ровный и неторопливый тон: „Делайте по-своему, но это не так”.

Молодой человек, по-видимому обескураженный, — ушел. Приходили еще и другие — опять вопросы, сообщения, претензии и т. д.

„Вы видите, — обратился ко мне Ф. — какой здесь сумасшедший дом!”

В это время курьер принес из типографии кипу книг довольно толстых, перевязанных бечевкой.

„Это 'У водоразделов мысли'?”* — спросил я.

„Какой тут водораздел мысли!” — и что-то, как всегда, спокойное, но на этот раз безнадежное в его взгляде.

* Под этим названием должна была выйти в изд-ве „Поморье” серия книг, объединенных общим планом и общей идейной направленностью.

„Вы понимаете, — сказал он в следующий раз, — Вам разрешат высказать вашу основную мысль, но аргументировать не дадут — и в таком виде все теряется всякий смысл”.

Книги, принесенные к Ф., назывались „Диэлектрики” — область, которой специально занимался Ф. Мне бросилось в глаза имя автора — профессор П. А. Флоренский. Точного названия книг я не помню.

Из „Главэлектро” мы вышли вместе, и я проводил П. А.

— Пойдемте пешком, — предложил он, — так удобнее разговаривать, и потом, — добавил он, — у меня нет денег.

Затем перешел к моим живописным опытам, которые он видел на выставке „Маковец”*.

— Ваша живопись производит впечатление „термическое”, — сказал он, — то есть тепловое. Такого характера кажутся предметы, сфотографированные через ультракрасный фильтр.

— Но я никогда не видел таких снимков, — сказал я.

— Это ничего не значит, — заметил Флоренский, — вы могли об этом знать интуитивно.

Иногда Флоренский посещал наши собрания, т. е. собрания художников „Маковца”.

* Еще в 1917 году мною была задумана символическая композиция — „десятиобразный ряд”, с центральной фигурой Христа. Справа и слева — как бы полюсы этого ряда — Творец и „Ничто” — тать. Слева от Творца — персонификация В. Чекрыгина — и три женских образа — страсть, элегия и плоть. Далее — философ (Платон) в фиолетовых одеждах. Слева от Христа — фигура в зеленом (Бердяев), мозговое отношение к Христу. Затем две фигуры в движении — в красном жена и в голубом — муж.

Одно из таких собраний происходило у меня — жил я тогда в доме, известном в Москве под названием „дом Перцова” — на углу б. Пречистенской площади. Занимал я комнату в нижнем этаже.

Собрание что-то затянулось. Ровно в 11 часов из подвального помещения стали доноситься какие-то непонятные и трудно определимые звуки — что-то донельзя неприятное и тревожное, — какие-то вскрикивания, завывания, перемежавшиеся с ударами о железо, или лязг цепей — что-то, положительно, инфернальное!

П. А. насторожился. Закрытые сильными стеклами глаза его тревожно забегали. Я стал говорить, что в эту комнату только что переехал и уже слышал однажды что-то подобное, но не успел еще узнать причину этого явления. Все это показалось очень странным.

Вообще вечер этот был полон неудач. Между Чекрыгиным¹² и Флоренским возник какой-то спор — я к нему не прислушивался, но надо думать, на тему о воскрешении, тема, которой был так захвачен Чекрыгин.

Но Чекрыгину такой противник как Флоренский, по-видимому, был труден и он обиженно отошел в сторону.

Затем к Флоренскому стал обращаться с бесконечными вопросами пришедший к нам на собрание С. П. Бобров¹³. Он быстро-быстро строчил слова — ни дать, ни взять Петр Верховенский, — и со всех сторон насккивал на Ф., юля и суетясь, как бес перед заутреней.

Наконец, даже такого кроткого и терпеливого человека, как Флоренский, взорвало: „Да почему,

собственно, на все это я должен отвечать!” — воскликнул он.

Кое-как Бобров уgomонился.

Вообще не следует думать, что Ф. относился к разряду податливых и так называемых „мягкотелых”. В вопросах принципиальных он был совершенно категоричен, а иногда даже жесток.

Так, уже после смерти Ч., мне пришлось от него слышать все о той же мечте Ч. — о воскрешении:

„Ну хорошо говорить об этом год, два, но 10 лет — это будет фразерство”.

И к Федоровским идеям относился он отрицательно, расценивая их, наряду со старообрядчеством, как „прелести православия”.

Но вернемся к таинственным звукам, доносившимся из-под пола. Разгадка их получилась только на другой день. Оказалось, что из-за ремонта в театре Мейерхольд снимал для своих репетиций нижний этаж Перцовского дома. И действительно, как-то вечером в хаосе тех же звуков я вдруг явственно расслышал слова, произнесенные сильным и резким голосом: „Как? Вы не знаете, как разбивают голову пустой бутылкой — я Вам сейчас покажу, как это делается”, — это был голос Мейерхольда.

Все объяснилось, таким образом, совершенно прозаически. Но слух о том, что у Жегина завелась нечистая сила, стал распространяться, и такая версия продержалась довольно долго.

Флоренский очень высоко ставил искусство Черыгина и не сомневался, что если бы этот гениальный юноша остался жить — он, конечно, осуществил

бы мечту всей своей жизни — грандиозную фреску, выражающую в живых образах некий гороскоп бытия.

Мне очень хотелось, чтобы Ф. написал что-нибудь о Чекрыгине, и он обещал это сделать. Чтобы лучше познакомить Ф. с рисунками Ч. — я сговорился на определенный день и час и должен был принести рисунки на дом к Ф., вернее, к его другу, инженеру, у которого Ф. останавливался, появляясь наездами в Москве.

Была весна. Шел не то снег, не то дождь. Боясь, как бы рисунки не подмокли, я сложил их в папку и обернул ее пледом, уцелевшим каким-то образом от былых времен. В такой упаковке уже ничто не могло угрожать рисункам...

Знакомый Флоренского жил на Большой Спасской. Доехав до Красных Ворот, чтобы немного размяться, я пошел пешком. На углу Спасской мне бросилась в глаза странная сцена. Человек 5-6 прохожих стояли вокруг какого-то болезненного вида человека, сидящего на тротуаре. Человек этот, упираясь руками о тротуар, неистово раскачивался — с явным намерением разбить себе затылок. Это был эпилептик. Казалось, еще один размах, еще одно напряжение дикой, всеразрушающей силы, которая обреталась в этом существе, — и все будет кончено.

Что было делать? Или неизбежная гибель припадочного или гибель рисунков, они были достаточно хрупкими. Медлить было невозможно... Я быстро нагнулся и подставил свою драгоценную ношу под голову несчастного. Он мягко ударился головой о плед и на мгновение замер. Кто-то догадался за-

крыть его глаза платком и он постепенно стал успокаиваться.

Не знаю, как судить мой поступок, — может быть, это была слабость с моей стороны. Но к счастью, рисунки нисколько не пострадали.

После смерти Чекрыгина все его рисунки, — около 1500, — находившиеся у его вдовы Веры Викторовны, — были мною зафиксированы и сейчас тонкая пыльца пресованного угля довольно крепко соединялась с бумагой.

Остаток пути до дома, где жил Флоренский, обошелся без каких-либо происшествий.

Флоренский предложил разложить рисунки по столу, а сам влез на табуретку и освещал рисунки электролампой, свешивающейся с потолка. Он был в своей всегдашней белой рясе с большим серебряным крестом на груди. Все вместе представляло зрелище довольно необычное.

От рисунков Ч. трудно оторваться — они засасывают — и вместе с тем хочется вырваться из этого плена — такое ощущение испытывал даже я, хотя видел их уже множество раз.

Наконец, Ф., по-видимому, утомился и слез вниз со своего возвышения.

Мы стали говорить о разных предметах, касающихся искусства.

Я спросил его — и сейчас каюсь в бестактности своего вопроса — известны ли ему Помпейские эротические изображения. Я их не знал и мне интересно было — каковы они по своим живописным качествам.

„Я их знаю, — сказал Ф. — по форме они очень слабы, как и следовало ожидать”.

От него никуда не скроешься! — он знает все —

и не было, казалось, предмета, оставленного им без внимания.

Ф. был универсален — это была, вероятно, одна из самых энциклопедических европейских голов — об этом можно судить, прочтя от доски до доски хотя бы его труд — „СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ”.

В некоторых вопросах, связанных с электричеством — он был единственным специалистом. Когда он был арестован, статьи по электричеству для Б. С. Э. пересылались к нему в тюрьму для редактирования — другого редактора по этим вопросам не удалось найти.

Это было вероятно в 1925—1926 годах.

Узнав, что Ф. взяли, я отправился в комитет „Политического Красного Креста”, к Пешковой, жене Горького; дождавшись очереди, просил ее передать Алексею Максимовичу, что Флоренский арестован — вот и все, что я прошу, сказал я.

„Горький это знает”, — был ответ. На этом разговор и закончился. Через некоторое время Ф. был на 3 месяца выслан в Горький — по-видимому, на работу на Автозаводе.

Вернувшись в Москву, Ф. сказал — „был в ссылке, вернулся на каторгу”.

Как-то раз мне удалось привезти Ф. к вдове Ч., чтобы познакомить его с творчеством Ч. во всем его охвате. Кроме Веры Викторовны и меня — никого не было. Мы долго пересматривали рисунки — целые мириады образов проходили перед нашими глазами. Вдруг Ф. обратился к нам обоим — „Вы слышали?” — мы сделали вид, что не заметили этого

вопроса и после недоумевающе спрашивали друг друга — что такое слышал Ф.?

Я не знал, что Ф., по-видимому, был подвержен слуховым галлюцинациям.

Вообще все тайное, сокрытое было для него так внятно и так близко.

Помню в этой связи его рассказ, как однажды в церкви он совершал таинство Евхаристии.

В руках у него была Чаша — что он дальше скажет? мелькнуло у меня в голове — „Чаша с кровью, — твердо продолжал он, — а над рукой у меня вьется пчела, и я боялся, что она меня ужалит и я расплескаю Чашу. Но пчела, напившись крови, — покрутилась немного и куда-то исчезла. Тогда я вспомнил, что это был день памяти моего друга Серапиона Машкина. Крылатое существо, пчела — заменившая здесь ангела — символа души — была мне напоминанием об этом”.

Совершенный идеализм и вместе с тем такие обширные познания в области точных наук! Флоренский умел синтетически соединять то и другое.

*

В те годы я был увлечен теорией относительности и спросил Ф., каково теперь отношение к Эйнштейну?

„Отношение двойственное, — ответил он. — Что Эйнштейн еврей — это хорошо, что теория его не совсем материалистична — это плохо”, — и опять стал смотреть куда-то своими глубокими темно-кариими глазами.

Мне запомнились несколько его высказываний по поводу живописи.

Он побывал на нашей маленькой выставке „ПУТЬ ЖИВОПИСИ”¹⁴, устроенной в частной квартире в Серебряном переулке. Это было в 1927 году.

Работы моего приятеля П. Бабичева¹⁵ Ф. не понравились, они показались ему слишком импрессионистическими — он стремился к большей конструктивности. „Здесь все плывет”, — заметил он.

С такой оценкой я никак не соглашался — Бабичев, по-моему, конечно был живописец и потому умел организовать форму.

Затем обратился к пастели В. Коротеева — женская фигура в рост — очень красивая по цвету. Он указал на своеобразие и мотивированность цветного решения — вся фигура была дана в очень легком охристо-розовом тоне, а голова — в светло-зеленоватых оттенках. Ф. объяснил: тело, как выражение пола, и голова — это две различные сферы и здесь это выражено в цвете. Зеленый цвет дематериализуется, это связывается с интеллектом, со сферой головы.

О моем портрете матери, сказал мне, что здесь, „равновесие материи и пространства и в этом перекличка со старыми мастерами”.

Чувствую, что не достоин такой оценки, но как они мне были дороги, эти слова!

Он никогда не отвечал сразу на вопрос. Как-то замкнется, уйдет в себя. И два-три сказанных слова, как тяжелые капли воды набухают, собираются и тяжело падают, оставляя в душе неизгладимый след. После всю жизнь будешь к ним возвращаться и все дальнейшее на них строить.

Другой разговор припоминается мне по поводу задуманного мной „ряда” — так в каталоге и значилось „Десятиобразный ряд”.

Тематически — это были перепевы „Деисусного чина”. Эскиз прессованным углем висел у меня в комнате.

„А в каких тонах будет фигура Иисуса?” — спросил Ф.

„В желтых и голубых — сама фигура на фоне высоких дверей или врат, но они имеют лишь формальное или декоративное значение”.

„Я это не думаю, — отвечал он. — Дверь или врата очень древний и сложный символ — символ женского начала, вечности и тайны. Попробуйте, — продолжал он, — некоторое время постоять у приоткрытой двери — Вам станет как-то не по себе и захочется заглянуть, что находится за дверью”.

В 1928 году вчерне была закончена моя работа о кривом пространстве живописного произведения. Вдохновителем работы был П. А. Флоренский и, конечно, ему первому она должна была быть показана.

Центральным пунктом этой работы был момент так называемой трансформации, т. е. преобразование кривой, динамической системы — в прямую, статическую. Я не математик и решал этот вопрос на основании особенностей живописной формы и поэтому больше всего волновался за эту часть.

Одна общая знакомая, проживавшая в Загорске, передала Ф. мою записку, где я вкратце излагал, в чем дело, и просил назначить мне свидание. Он ответил ей тоже запиской, которую я после имел в руках. Он писал, что „с Жегиным он всегда рад увидеться, но сейчас очень занят, а просмотр работы

может быть продолжительный и лучше свидание отложить до начала июня”.

С нетерпением ждал я назначенного срока. И, наконец, собрав весь свой материал, отправился в Загорск к Ф.

Выйдя из вагона, я сговорился с извозчиком — папка оказалась тяжелой и тащить ее было трудно. Назвал адрес — Пионерская — бывшая Дворянская. „А дом чей?” — „Флоренского”. — „Батюшки? Знаю, как не знать!”

Домик Флоренского одноэтажный, чистенький и необыкновенно приветливый. Крашеные полы. В комнатах разложены половички. На окнах растения.

Я застал Ф. в застекленной террасе. Он разбирал только что им собранные грибы и раскладывал по сортам.

Я начал извиняться, что не предупредил письмом о дне своего приезда, и если неудобно сегодня — то можно отложить до другого приезда.

Все это он выслушал, закрыл окно на террасе — „пойдемте”, сказал он.

Мы расположились в саду у маленького столика. Я раскрыл свою папку.

Только что я начал свое вступление, касавшееся его излюбленной темы — отношение *массы:про-странства* — как внезапно налетевший ветер разбросал мои чертежи и фото по дорожкам сада.

„Дурной признак”, — подумал я.

Собиралась гроза. Горизонт уже потемнел. Мы перешли опять на террасу. Я стал продолжать. Все шло как будто хорошо.

Наконец, подошел самый ответственный момент, — процесс трансформации — т. е. главный узел всей

зрительно-пространственной системы. Этот процесс выражался в обмене сторон — левой — правой, верха и низа.

Я решал этот вопрос без посторонней помощи, без математика, и был в полном неведении о верности своего решения.

Момент был напряженный. Как к моему решению отнесется Флоренский.

Одно его слово должно было решить все: если верно — работа оправдана, если нет — все труды были напрасны. Трусил я страшно...

Мне даже по малодушию хотелось как-нибудь скороговоркой пронестись через этот трудный и кардинальный вопрос.

„Позвольте, позвольте“, — сказал Ф. Сердце мое болезненно сжалось. Он еще раз просмотрел чертежи. „Ах, Вы так делаете“, — у него, по-видимому, возникли уже какие-то другие решения. — Ну, можно и так делать“.

„Ф. принял!“ мелькнуло у меня в голове. На сей раз дурная примета как будто не оправдалась...

Дальше было уже просто — шли выводы и в качестве результатов общего построения — форма „иконных горок“ и системы линейных композиций. Композиция складывалась из линий фразы (S) результат перехода из системы вогнутости в систему выпуклости.

„Но ведь о форме фр. (S) говорил Хогарт! — сказал мне Ф. — Что вы так удивленно на меня смотрите — разве вы не знаете Хогарта?“

Хогарт был одним из моих любимых старых мастеров, но при чем форма фр. (S)?

„Как же, — продолжал Ф. — Хогарт открыл эту линию еще в середине XVIII века“.

Мне это было неизвестно. — Я добрался до этой линии сам, так сказать, „собственным горбом”.

Приехав в Москву, я заглянул в энциклопедию и, действительно, нашел там, что Хогарт в 1753 г. написал книгу, где доказывал, что всякая организованная форма имеет в своей основе эту линию, которую он назвал прекрасной — „beautiful line”.

Ф. досматривал последние чертежи и репродукции. Я замолк и вопросительно посмотрел на Ф.

„Все это можно подсчитать, — сказал он мне, — но мне кажется, что это и не нужно. Новых математических мыслей у вас нет”. На это я отвечал, что меня радует и то, что не напутал и со старыми.

„Больше всего мне понравились ваши горки”, — как всегда он был прав — разумеется, объяснение „горок” — это центральная и наиболее убедительная часть работы.

Система линейных композиций ему понравилась меньше — он их как-то не видел — чтобы их различать, нужна была особая тренировка глаза, чего, вероятно, у него не было.

Он советовал мне, елико возможно, ограничить число иллюстраций — „Иначе никто не возьмется напечатать вашу работу”. Увы! — он и в этом был прав: с тех пор прошло уже 30 лет, а работа так и лежит мертвым грузом.

Печатать ее никто не собирается.

*

Его жена — добродушная голубоглазая женщина лет 40 — пригласила к столу.

В столовой на особом мольберте стояла большая прекрасная икона XV века, на которую Ф. обратил мое внимание.

„А это?“ — недоуменно обратился я к висящему тут же портрету — сочетание волнообразных линий в виде фр. S — не то стилизация, не то претензия на сверхреальную форму. — „Это — мой портрет, написанный Комаровским — предмет ненависти некоторых“, — и он посмотрел на свою жену.

Подобная живописная форма всегда казалась мне попыткой с негодными средствами, — в этом у меня было с Флоренским расхождение.

После обеда мы перешли в рабочий кабинет Ф. Это была небольшая комната, перегороденная книжным шкафом. На шкафу укреплено было большое фото с греческого барельефа. Это было изображение обнаженной девушки, играющей на свирели, с так называемого „алтаря Людовизи“. Вещь — редкой красоты.

Но это как-то мало вязалось с комнатой православного священника.

Ф. не ограничивал себя готовыми формулами. Он слишком многогранен и, как мне кажется, ощущал себя самого как апостола прекрасного — недаром он написал для „*Маковца*“ свою замечательную статью: „Храмовое действо, как синтез искусств“.

Все сводилось у Флоренского к „художеству“.

Он подошел к книжному шкафу и достал оттуда свою небольшую книжечку — „Амвросий, Троицкий резчик XV века“ и протянул ее мне. — „Не говорите только, что я это Вам дал“.

Я поблагодарил, стал прощаться и попросил разрешения через год, когда работа моя будет окончательно завершена, посетить его вновь.

„Если только буду жив“, — сказал он.

Это было последнее наше свидание. В 1933 году его выслали. В настоящее время, почти наверное можно сказать, что его нет в живых.

Но он еще долго будет жить в сердцах тех, кто его знал.

Приложение

ПИСЬМО П. А. ФЛОРЕНСКОГО В „МАКОВЕЦ”

В ДОСТОХВАЛЬНЫЙ „МАКОВЕЦ”

По мысли основателей, „Маковец” должен быть Маковцем — средоточною возвышенностью русской культуры, с которой стекают в разные стороны виды творчества. В р а з н ы е — во-первых, и из е д и н о г о органически выдвинувшегося водоисточка — во-вторых, „Маковец” — не геометрический центр и не среднее арифметическое разных течений, а живой узел, откуда тянутся нити.

Может ли быть такой узел? И, если может, то на чем основывается возможность его? И, даже, что обеспечивает „Маковцу” надежду быть маковцем? Отвечаю себе. На первый вопрос: м о ж е т, ибо все течения, каковы бы они ни были, все-таки рождаются в единой жизни, и следовательно по самой сути дела имеют общий исток, который требуется не изобрести, а лишь обрести.

На второй вопрос: на праведном отношении к жизни, т. е. на установке сознания, имеющей своим предметом самую реальность, а не вторичное отражение ее. Поскольку предметом любви и внимания,

точкою приложения всех сил признается (проп.), а не (проп.), постольку все (проп.), все виды (проп.) будут сознаваться и пониматься как истоки одного водоема*.

На третий вопрос: определенная устремленность „Маковца” — сознание необходимости праведного отношения к жизни, желание и решение пробиваться к реальности. Позиция „Маковца” обеспечивает ему его средоточность. Можно говорить о силе и слабости отдельных участников „Маковца”, но нельзя отрицать, что „Маковец” з а н я л маковец, стал на верную позицию и хочет ее. „Маковец” или ничто, ибо всякий другой, кто хочет единства культуры, должен провозгласить реализм, а тогда, будь он хотя бы величайший гений, ему необходимо будет присоединиться к „Маковцу”, ибо, повторяю, позиция праведного признания верховенства жизни уже занята.

Эти плохо выраженные здесь тезисы мне давно хотелось сказать „Маковцу”, но все нет времени. А сегодня решился наскоро написать их, толкаемый жизнью: нужда — мать изобретательности. А именно, считаю своим долгом обратить внимание „Маковца” на двух художников, шедших разными путями, пользующихся разными приемами, вообще разных, но, однако, пришедших к единому истоку, к Маковцу русской культуры.

Один из них Нина Яковлевна Ефимова¹⁶. Она (если искать исторических корней ее живописи) связана с течениями, которые в свое время боро-

* Поскольку предметом любви и внимания, точкою приложения всех сил признается вещь, а не понятие, жизнь, а не искусство, постольку все понятия, все виды искусства будут сознаваться и пониматься как истоки одного водоема.

лись за единство русского народа, уничтоженное реформами Петра Великого, хотя и плохо понимаемыми, куда они стремятся. В Н. Я. Ефимовой — любовь к России — к земле и бабам, к природе, уже освободившаяся от тенденциозного навязывания народу своих замыслов (передвижники), понимание русского человека не как этнографического материала для социальных экспериментов, его с а м о г о, собственной его жизни. Передвижники смотрели на народ сверху вниз, жалея, народники — снизу вверх, но только не признавая в нем его собственной жизни.

То, что я вижу в работах Н. Я. Е., внушает не сожаление о народе, а признание его как такового: Россия не нуждается в подкрашивании, чтобы ее любить.

Другой художник это Влад. Алексеев. Комаровский¹⁷. Он идет от французов и от русской иконы. Но, в противоположность стилизаторам (Стеллецкому и пр.), он живет не красками, а той реальностью, для передачи которой /лакуна/.

Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретного выражения в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, которым трудно поверить, не видя его работ.

Теперь моя мысль — о необходимости пригласить этих двух в „Маковец“, на выставку, это не только количественно увеличит „Маковец“, придав ему большую плотность, но и произведет ряд толчков к самопознанию и более глубокому самораскрытию. „Маковцу“ надлежит быть собирателем русской культуры, как был собирателем русской культуры, во всем ее объеме, основатель МАКОВЦА в XIV веке.

1925 г. III. 28/IV. 16

П. Флоренский

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лев Федорович Жегин (1892–1969) – живописец и график, автор религиозных и жанровых композиций, натюрмортов, портретов и пейзажей; педагог и теоретик искусства (см. „Язык живописного произведения”, М., „Искусство”, 1970). Родился в Москве в семье академика архитектуры Ф. О. Шехтеля (носил фамилию матери, которая оказала на него большое влияние). Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1911–1913). Выставлялся на выставках „Мир искусства”, „Искусство – жизнь” („Маковец”). В 1922 году становится одним из организаторов группы „Маковец” и сотрудником одноименного журнала (вышло всего два номера в 1922 году). П. А. Флоренский был привлечен к участию в работе группы и журнала „Маковец” в силу духовной и идейной близости их создателей и участников к его деятельности по духовному возрождению России. „Маковец” знаменателен своей попыткой соединить судьбы русского искусства с идеями этого возрождения. После того, как „Маковец” в начале 1926 года был распущен, Жегин пытался продолжить это дело другими путями и прежде всего всей своей последующей творческой жизнью.

2. Николай Михайлович Чернышев (1885–1973), монументальный живописец и график, профессор, заслуженный художник РСФСР, знаток древнерусской фресковой живописи, автор многочисленных исследований, в частности фресок Дионисия в Ферапонтово. В редакции „Маковца” был заведующим художественным отделом. Его брат, А. М. Чернышев, был издателем „Маковца”.

3. „Маковец” (название, данное художником С. Романовичем) – название журнала и группы художников, в которую вошли: А. фон Визен (Фонвизин), С. Герасимов, Н. Григорьев, Л. Жегин, К. Зефиров, К. Кадлубинский, Н. Ливкин, Е. Машкевич, В. Пестель, А. Решетов, М. Родионов, Н. Рудин, С. Романович, А. Тришатов, П. Флоренский, В. Чекрыгин, А. Чернышев, Н. Чернышев, А. Шевченко, Е. Шиллинг. Позднее (1924) присоединились Л. Бруни, К. Истомин, В. Рындин и др.

В первом выпуске журнала „Маковец” в ст. „Наш пролог”, имевшей программное значение, писалось: „Мы полагаем, что возрождение искусства возможно лишь при строгой преемственности с великими мастерами прошлого и при безусловном воскрешении в нем начала живого и вечного... Мы верим, что русское искусство, как и русская мысль, пройдя сквозь великое горнило испытаний, несут миру радость очищения”... В журнале сотрудничали: П. Антокольский, Н. Асеев, Н. Беляев, С. Бобров, К. Большаков, С. Буданцев, Н. Еленев, В. Ильина, Б. Лапин, Т. Левит, Н. Ливкин, Т. Мачтет, Е. Недзельский, Б. Пастернак, А. Решетов, Н. Гудин, С. Спасский, А. Тришатов, П. Флоренский, В. Хлебников, А. Чернышев, Е. Шиллинг, В. Шишов, зав. литературным отделом Амфиан Решетов.

Состоялись следующие выставки „Маковца”: Первая выставка художников и поэтов „Искусство – жизнь”, май 1922, Москва; Вторая выставка картин „Маковец” (искусство – жизнь), 20 января 1924, Москва; Выставка рисунков группы „Маковец”, 1 марта 1925, Москва; Третья выставка картин „Маковец” (последняя) 26 декабря 1925 по январь 1926, Москва.

4. Неол М/ихайлович/ Р у д и н – участник группы и журнала „Маковец”.

5. Михаил Семенович Р о д и о н о в (1885–1956), художник-график, иллюстратор, педагог, участник „Маковца”.

6. Вера Ефимовна П е с т е л ь (1894–1952), живописец, участник авангардных выставок 1910-х годов („0,10”) наряду с Л. Поповой, Н. Удалицевой, В. Татлиным. С 1923 года участница „Маковца”, отказывается от авангарда, близкий друг Л. Ф. Жегина.

7. Любовь Сергеевна П о п о в а (1886–1924), живописец, художник театра, дизайнер, участница авангардных выставок, педагог (ВХУТЕМАС), теоретик (ИНХУК), крупный представитель конструктивизма.

8. Александр Александрович В е с н и н (1883–1959), живописец, художник театра, архитектор („братья Веснины”), один из родоначальников конструктивизма в архитектуре.

9. Владимир Евграфович Т а т л и н (1885–1953), живописец, художник театра, дизайнер, конструктор, родоначальник конструктивизма в искусстве, педагог.

10. Александр Васильевич Грищенко (1883–1950), живописец, теоретик искусства, автор книг по вопросам живописи, представитель русского посткубизма.

11. Федор Августович Степун (1884–1965), философ, историк и социолог культуры, испытал влияние В. С. Соловьева и иенских романтиков (бр. Шлегели). Участник журналов „Логос“, „Труды и дни“ и др. С 1922 г. эмигрант.

12. Василий Николаевич Чекрыгин (1897–1922), живописец и график, автор сотен рисунков, исполненных под влиянием идеи Н. Ф. Федорова о „воскрешении предков“.

13. Сергей Павлович Бобров (1889–197?), поэт, переводчик, теоретик, в молодости представитель футуризма („Центрифуга“).

14. „Путь живописи“ – название творческой группы, возникшей после роспуска „Маковца“, в начале 1926 года, в которую вошли бывшие „маковчане“ – Жегин, Пестель, Александрова Т. Б. и несколько молодых художников, учеников Жегина. Утверждал преемственную связь с „Маковцем“, против формализма за „образность“. Состоялись выставки: 1927 г. в Москве, в 1928 г. в Париже (была организована М. Ф. Ларионовым, с которым Жегин поддерживал отношения с молодости и очень его ценил. (В 1930 г. в Москве состоялась третья и последняя выставка „Пути живописи“).)

15. П. П. Бабичев – живописец, участник „Маковца“ (1922–1926) и „Путь живописи“ (1926–1930).

16. Нина Яковлевна Симонович-Ефимова (1877–1948), живописец и график, художник-кукольник. Вместе с мужем, скульптором Иваном Семеновичем Ефимовым (1878–1959) выступала как создатель теневого и народного „петрушечного“ театра. Двоюродная сестра Валентина Александровича Серова и родная сестра его модели М. Я. Симонович – „Девушки, освещенной солнцем“. Была близким другом П. А. Флоренского (Ефимовы жили в Сергиевом Посаде.) Написала воспоминания об о. Павле Флоренском.

17. Владимир Алексеевич Комаровский, живописец и теоретик, автор работы об иконописи.

Т. И. Куприянова

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Татьяна Ивановна Куприянова была, по воспоминаниям знавших ее, человеком богато одаренным. Ученица Г. И. Челпанова, она была замечательным логопедом, серьезным психологом и философом. В ее рукописи, найденной нами в Самиздате, кроме автобиографических заметок, дневниковых записей и писем, есть богословская работа „Жизнь в Церкви как общение с Господом в богослужении” (публикуемая здесь же) о православном богослужении, достойная серьезного внимания к ней.

Мы печатаем рукопись Т. И. Куприяновой в сокращенном виде. — С о с т.

Из автобиографических записок

Еще в раннем детстве, совсем маленькой девочкой, я узнала внутренние душевные страдания. Вероятно это было оттого, что я была очень застенчива и замкнута. Я не задавала вопросов, а всегда старалась догадаться, сидела, прислушивалась, а если не удавалось узнать, то придумывала сама.

Я тяжело переживала то, что в жизни нет ничего постоянного, вечного: люди умирали, цветы увядали, радость уходила. Беспредметно это острое чувство утраты появлялось у меня при гудке паровоза — мы жили тогда недалеко от железной дороги, и эти гудки стали как бы символом разлуки, чего-то уходящего. И это осталось на всю жизнь. Помню, как

я говорила: „скорее бы умерла мама, папа, Женя и я. Господь даст нам домик с садом, и мы там будем жить, и это будет навсегда”, Мне хотелось скорее иметь что-то настоящее, вечное, что не умрет, не пропадет, что всегда будет, а в жизни я встречала все обратное, и душа моя страдала.

Несомненно большое влияние на меня имела М. А. В., которая была очень верующей, но несколько экзальтированной женщиной. Она приучила нас читать Евангелие, что мы и делали ежедневно, сидя все за большим столом, и каждый читал про себя, в том числе и англичанка. Ездили мы в Белград к мощам св. Иоасафа и привезли оттуда икону с частицей его одежды. В ночь на 8 июля праздновали явление иконы Казанской Божией Матери. Мар. Ал. уехала к своей двоюродной сестре, а ночью, когда мы, девочки, уже легли в постели, ворвалась банда солдат, ища убить хозяйку. Когда солдат, войдя к нам в комнату, приставил мне первой револьвер, я вдруг совершенно спокойно сказала: „Перекреститесь и ничего не бойтесь”. По милости Божией мы все остались живы, и, когда они ушли, зажгли большую свечу перед иконой св. Иоасафа и стали все вместе молиться. Когда начало рассветать, я вышла в сад и до сих пор отчетливо помню прекрасное, слегка розовеющее небо, кусты роз с большими каплями росы и огромное чувство любви к жизни, к природе, и радости, что я жива. С тех пор я больше никогда не говорила о том, что не хочу жить, и мысль о самоубийстве, которая меня иногда мучила, навсегда оставила меня.

В Университет на философское отделение я поступила, чтобы найти ответ на все эти вопросы, выработать свое мировоззрение. Но занятия филосо-

фией не давали того, что я ждала. Они давали знания тех или иных систем, но учения жизни, учения, которое изменило бы, преобразило жизнь, не было.

*

Мы возвращались с О. Ал. из Таганской тюрьмы, где имели свидание с митр. Кириллом*. Шли пешком, проходя по скверу, который поднимается от площади Ногина к Ильинским воротам. О. Ал. сказала: „Хочешь, зайдем, я тебя познакомлю с замечательным священником о. Алексеем Мечевым? Вон его церковь”. Я испугалась и отказалась. Среди высоких домов я увидела маленькую розовую церковь. Это был 20-й год. Следующей зимой я несколько раз слышала о Маросейском храме от Володи К. В то время я относилась очень скептически ко всем рассказам о хороших службах и хороших священниках. Я еще была вся потрясена переживанием борьбы с Красной церковью Путяты в Пензе, собраниями, которые кончались дракой и выстрелами, трагическими речами в темном соборе.

Летом 21 года, проходя недалеко от Маросейки, я решила зайти. Шла всенощная. Было еще светло, и храм был совсем пустой. Я стала сзади в главном приделе, где шла служба. Открылись царские врата, и священник вышел на литию. Он был молодой, черный, коротко остриженный и показался мне непохожим на русского. Я постояла и ушла. В начале зимы я заходила еще раз во время поздней обедни в воскресенье. Я стояла сзади, народу было много, все куда-то двигались, переходили,

* Митрополит Кирилл (Смирнов).

мне не было видно службы и священников: „Нет, это не для меня”, — подумала я и ушла.

*

В 21-м и начале 22 гг. мы ходили в храм Николы Явленного. Еще постом 22 г. я там исповедовалась. И вот в Великий Четверг я пришла к обедне на Маросейку и хотела причащаться, так как накануне исповедовалась на общей исповеди у о. Александра (Н. Явл.). Простояв обедню, я почувствовала, что не могу подойти к Причастию, не подойдя еще раз за разрешением к одному из здешних священников. Выбор был между о. Лазарем, Батюшкой и о. Сергием*. К Батюшке мне хотелось, но я слишком его боялась, мне и тогда и потом все казалось, что Батюшка видит меня насквозь, что это особенный, непонятный для меня человек. Отца Сергия я очень стеснялась, но поскольку он меня уже знал по беседам, решила идти к нему. Это было нелегко: исповедовал Батюшка, а о. Сергей стал у иконы св. Николы. Уже пели запричастный, меня торопили. Исповедоваться я вообще не умела, а тут почувствовала себя совсем растерянной. Исповедь была очень поспешная, и я ее не помню.

Это был первый раз, что я причащалась в нашем дорогом храме. С тех пор я всегда стала ходить сюда.

Но когда моя душа уже тянулась сюда и все больше утверждалась в том, что здесь нашла свое место, тогда начались всевозможные неприятные „случайности”, которые, казалось, были направле-

* Отец Сергей Мечев — сын Батюшки о. Алексея Мечева.

ны на то, чтобы меня отсюда изгнать. Во время службы было невероятно тесно и душно, меня толкали, кто-то из сестер сказал что-то обидное и т. д. и т. п. Но случилось дело и посерьезнее. В какой-то праздник я была у ранней обедни, а потом должна была, не возвращаясь домой, идти на вокзал, где работала в дружине Помгола, затем в столовую и в университет. Со мной был большой тяжелый портфель, который я попросила взять в свечной ящик. И вот, после обедни портфель исчез, его кто-то унес. Портфель был мне подарен, а в нем лежала моя зачетная книжка, пропуск в столовую, книги из университетской библиотеки, новая, заказанная для меня мамой, шапочка. Я растерялась от ужаса и стояла, не зная, что делать. Тут Ал. Ив., утешая меня, сказала: „Идем к Батюшке скорее, я ему скажу”. Я испугалась еще больше, но не успела ничего сообразить, как меня уже втолкнули на клирос, и я очутилась перед батюшкой. Он стоял строгий и огорченный и даже вздрогнул от этого сообщения. А я просила его: „Батюшка, я боюсь мамы, помолитесь за меня”. — „Не бойся, я помолюсь”. Батюшка меня благословил и я ушла из храма. Помню, как я бежала по Тверской. Страх не было, мне было весело, и я не понимала, что же случилось. Так первый раз батюшкина молитва отогнала от меня страх и все устроила: мне выдали легко другую зачетную книжку, мама не сердилась и у букиниста нашли взятую в библиотеке книгу.

*

На беседах о. Сергия я почувствовала, наконец, источник воды живой. Мне стали открываться сокровища церковной мудрости, ее учение о смысле

жизни человека, об устройении его души, о путях спасения. Слушая о. Сергия, душа звучала цельным чувством, утверждая: да, да, да. Казалось, что все это знакомое и родное, но почему-то бывшее скрытым для меня.

*

Весной 1922 года началась реформа университета, в результате чего нам было объявлено, что наше отделение уничтожается и, если кто хочет получить аттестат об окончании, должен сдать все экзамены к сентябрю. Многие из студентов решили сдавать и начали готовиться. Я считала это совершенно для себя невозможным: мне оставалось 19 серьезных экзаменов на 3 месяца. Уже летом, на св. Владимира, я вдруг решила спросить о. Сергия, и он без всяких сомнений посоветовал сдавать. Обещал молиться сам и просить об этом батюшку. Началось мое первое большое дело „за послушание”. Трудно себе представить, как могла бы я это выполнить без молитв за меня. Мне надо было сдать два древних языка, которые я совсем не знала, 4 курса истории философии, и т. д. Я занималась день и ночь и часто изнемогала. В храме я почти не бывала, иногда забежишь к концу, стоишь и смотришь, как подходят к батюшке под благословение. Иногда я думала, что нехорошо так делать, но уж очень было интересно смотреть на лицо батюшки и подходящих к нему людей. До сих пор у меня в глазах запечатлелось быстрое изменение выражения его лица — то ласковое, то строгое, взгляд, ищущий кого-то вдали. Когда я подходила к нему, он всегда говорил что-нибудь. Один раз помню он сказал: „ты что

спишь”, и я обиделась. Однажды он посмотрел радостно: „Ты растешь, расти, расти”. Я опять была недовольна — батюшка меня с кем-то путает, я же уже не расту.

Из вопросов, подготовленных Таней о. Сергию

В борьбе с „фантазиями”, с „головным христианством” я выработала себе приблизительно такую установку: „гони, пока не поздно, все попытки рационализирующего ума”. Я была уверена, что иначе нельзя. Что мне было терять некоторую ясность философских систем, когда только так я надеялась обрести чистоту сердца? Теперь я сомневаюсь, что это так. Отсутствие этого знания представляется мне как недостаток, как продукт лени, хотя старец о. Леонид говорит: „Не будет Бог о том послушника испытывать, почему он не богословствовал, но почему не внимал себе”. И я этому совершенно верю. Но ведь это говорится монаху, который не будет общаться с людьми неверующими и инаковерующими, а рациональное знание является существенным орудием именно того, кто идет христианским путем в „миру”.

Из автобиографических записок

Я была очень переутомлена занятиями, и к концу зимы 1923 г. у меня стала подниматься температура, стали думать об обострении туберкулеза и положили меня в санаторий в Болшево. Уже на пасхальной неделе я не выходила, и о. Сергей в первый

раз приезжал к нам навестить меня. Мне очень не хотелось уезжать из Москвы, и о. Сергей уговаривал меня, обещая мне устроить свидание с батюшкой, который в это время не служил, а лежал у себя в комнате.

Я опять вся трепетала, идя к батюшке. Он спросил меня, почему я не хочу ехать. Я сказала, что я боюсь надолго уезжать далеко от храма, от него, от о. Сергия. Он посмотрел на меня очень сосредоточенно и твердо сказал: „Мы еще раз увидимся”. Потом он долго выбирал иконку из пачки и благословил меня иконой Благовещения.

Я уехала. Была ранняя весна, в лесу еще кое-где лежал снег. Погода была прекрасная. Каждый день приносил новые цветы, новые краски. У меня были с собой книги, данные о. Сергием: жизнеописание первых оптинских старцев. Скоро я нашла выход в чердачное окно и уходила туда читать правило. В середине мая стали говорить, что ввиду ремонта нас всех отпустят на неделю домой. Я очень обрадовалась. Так и случилось, и я приехала домой и на другой день побежала на Маросейку. Батюшка служил раннюю, а я пришла между двумя обеднями. Стала в очередь, думала получить благословение. Но вскоре народ засуетился, и батюшку быстро-быстро вывели из алтаря. Меня оттеснили и батюшка уже был за мной. И вдруг он обернулся, сделал движение ко мне и благословил. Я вспомнила: „Мы увидимся еще раз”. Это было последнее благословение, последний раз я видела батюшку. Я вновь уехала в санаторий, немного скучала, хотелось в храм. Отец Сергей прислал мне с Лялей записочку.

9 июня я вдруг стала очень тосковать, не находи-

ла себе места, и все сочиняла письмо о. Сергию с просьбой разрешить мне уехать, но никак не могла найти — какая же причина для моего отъезда. Стало мне казаться, что завтра утром обязательно кто-нибудь ко мне приедет, и стала для этого собирать цветы. Несколько раз уходила из дома и все приносила — еще и еще. Комната, балкон — все было заставлено цветами. Уверенность была так велика, что я пошла даже купить бутылку молока, чтобы угостить того, кто приедет. Утром я пошла встречать по просеке. Но время прихода поезда прошло, и никого не было. Я продолжала волноваться, так как чувство ожидания было очень реально; только я вошла в лес, как раздался голос мамы, звавшей меня. Она приехала вместе с Лялей. Лялочка отвела меня в сторону и сказала, что о. Сергей прислал ее сообщить мне о смерти батюшки и разрешает мне приехать. Вскоре они с мамой уехали, увезя батюшке цветы, которые я набрала накануне. Я оформила свой отъезд и на другое утро на рассвете ушла на станцию. Идя полем, я набрала еще огромные букеты росистых васильков и ромашек и мне все казалось, что все цветы хотят послужить украшением батюшкиного гроба. Приехала я прямо в церковь, где уже стоял батюшкин гроб и шла обедня. Вечером за заупокойной всенощной я в первый раз получила благословение надеть косынку и стояла в цепи с другими сестрами, охраняя гроб и священнослужителей от напора громадной толпы. Домой мы не возвращались в эту ночь, а сидели в церкви на дворе и пили чай у Анны Ивановны.

В 5 часов утра в храм пришел о. Сергей. Остались только сестры, и он прочел батюшкино надгробное слово. Оно смутило меня, так как было написа-

но не по законам мира сего и не могло быть понято душой, не просвещенной благодатной жизнью. Оно показало мне все мое убожество, и я горько плакала не о батюшке, а о себе самой, о том, что вот все мы вместе, все понимают, оплакивают, любят батюшку, а я одна не способна понять, почувствовать. Помню, как постепенно в мою душу приходило утешение, что не все потеряно, что можно просить батюшку и меня принять в свою семью. Во время литургии и я, как и все, испытывала радостное чувство большого праздника. С этим чувством торжественной радости мы проводили батюшку на Лазаревское кладбище, где встретил Святейший; оно не покидало нас все последующие дни.

У меня сохранилось письмо того времени, в котором я описала кончину и погребение батюшки о. Алексея:

Дорогой Миша,

Батюшки о. Алексея нет больше... Он ушел от нас, но он еще больше пребывает с нами. Господь дал, Господь взял, да будет благословенно имя Его вовеки. Батюшкина кончина не смерть, а успение. Последнее время он жил на земле, уже сам совсем уйдя от нее. Батюшка, наш маленький, скромный батюшка — великий праведник, и Господь прославил его и паки прославит. То, что хочется сказать Вам о батюшке, то, что пережила я у его гроба и чем полна сейчас душа — безумие для мира. Но это безумие есть жизнь духа, благодатная жизнь Церкви Христовой.

Завтра две недели, как это случилось. Батюшка был в Верее у своей дочери. Три последние дня он

служил, скончался в пятницу 9/22 в 11 с половиной вечера. В среду к обедне привезли его на лошадях. Из Вереи пять верст шел крестный ход. В Москве у заставы уже ждал народ. Весь день церковь не запиралась. Почти все время служили панихиды разные священники. Заупокойную всенощную служил еп. Тихон Уральский. На дворе, наполненном народом, тоже шла всенощная. Братья и сестры и часть народа оставались у гроба батюшки. На дворе стоял аналой с иконой и лампадкой — вокруг спали. В 4 часа утра о. Сергей собрал сестер и братьев и читал батюшкино слово. За несколько дней, а, может быть, и в самый день смерти, батюшка написал себе надгробное слово. Оно начинается так: „Батюшки о. Алексея нет больше”. Не хочется своими словами искажать эти святые слова. В беспристрастных, прекрасных словах говорится там великая правда о батюшкиной жизни, о его любви, о его страданиях, о его завещаниях собранным им духовным детям. „На земле нужно жить только для неба”.

Миша, Вы знаете меня. Вы знаете мое сердце, испорченное рассудочностью, но я же ныне говорю Вам: батюшкино слово — страшное слово, оно безумие для мира, оно свет миру. Это говорил уже не наш батюшка маленький, скромный. Это говорил праведник, который „на суд не придет”. Господь прославил его его же устами: „Дивен Бог во святых своих”. Тихо было в нашей маленькой церковке. Батюшка лежал, окруженный склонившимися и плачущими сестрами. Отец Сергей плакал и читал. Для меня эти минуты были страшно тяжелыми, но и бесконечно радостными и незабвенными. „Духовная победа, душевное поражение”, — как говорит о. Сергей. После чтения мы опять стали в цепи и

начали пускать народ. В 8 часов началась обедня. Священников было более 12, отпевал еп. Феодор*. Опять весь двор был полон народа, и там шли панихиды. На улице все время стоял народ, едва давая проезжать трамваям. После отпевания все почувствовали необыкновенную радость. О. Сергей улыбался, и сестры также. Толпа двинулась, громадная, еле можно было устоять на ногах. Заходили в несколько церквей, и народ все прибывал. На кладбище ждал Святейший с народом. Батюшка, еще уезжая в Верею, говорил, что его встретит Святейший. И вдруг неожиданное освобождение Патриарха. По дороге нас насквозь промочил крупный дождик, но солнышко высушило. На кладбище не удалось подойти к могиле, так много было народу. Все это было в четверг, в субботу был уже девятый день, в воскресенье устроили агалу у о. Сергия. О. Сергей несколько раз и за службами и во время агалы говорил к сестрам и к народу, говорили и другие. Все это трудно передать. Знаем мы лишь одно, что потеряли великий светильник, потеряли ласкового Батюшку, стяжавшего Божественную любовь, всего себя отдавшего людям, несшего на своих плечах неисчислимое количество крестов. Батюшка исполнил свое дело на земле и оставил нам завет — продолжать его дело. И теперь каждый, по своей мере, должен нести ответственность за это дело, а батюшка своей помощью, молитвой и любовью всегда с нами. И это чувствует каждый. Миша, если бы Вы знали, как батюшка слышит, когда обращаешься к нему и как он помогает! На простом деревянном кресте начертали две заповеди, кото-

* Епископ Феодор (Поздеевский).

рые батюшка носил в своем сердце: „... сие завещаю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вас”. Батюшка Алексей Мечев. И внизу: „Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов”.

Каждый день в 5 часов о. Сергей с сестрами служил там панихиду. Когда ни придешь в другое время, всегда идут туда, говоря: „Когда батюшка был жив, не пускали к нему, теперь можно”. И идут, как к живому.

Маросейка осиротела, Маросейка плачет, но она и радуется, ибо велико ее духовное приобретение.

*

После 9-го дня о. Сергей благословил меня ехать в Дубки на хутор к Ч., куда они уже давно приглашали. Я поехала с мамой. Помню, как на полустанке встретили нас Володя с Шурой. Был чудесный день начала лета, только что прошел дождь и опять засияло солнце. Деревья, луга, тропинки, все было омыто, все сияло чистотой и свежестью. Володя и Шура, молодые и веселые, тоже сияли, шлепая по лужам босыми ногами.

В первый раз увидела я „Дубки” с их простой и трогательной природой; цветочные луга, березовая роща, опять луг, опять роща, и наконец дубовый лесок с маленькими прудами и домом. Так много хорошего было здесь пережито, передумано, что нежное чувство к этому месту осталось на всю жизнь. Здесь произошло первое знакомство с детьми, с которыми потом соединилась моя жизнь. Здесь мы узнали вскоре об аресте о. Сергия и затем через месяц об его освобождении. Сюда он приехал сам уже

осенью. Я жила наверху в небольшой комнате, которая была похожа на келейку. Направо угольник с иконами, у окна небольшой стол, справа полка с книгами и кровать. Окно выходило в березовую рощу, которая ночью напоминала колоннаду храма. Тут я прожила три лета подряд, здесь познала радость одиночества, радость новоначалия, радость уединения, занятий святыми Отцами. В это время у меня уже было маленькое молитвенное правило. Оно мне было дано еще весной 22 года. Сперва только несколько молитв из утреннего и вечернего правила для мирян, которые о. Сергей отметил карандашом в моем часослове, затем уже все без выпусков. Читала я в это время авву Дорофея и готовилась к занятиям с детьми.

Занимались мы с детьми с Женей еще до Маросейки, но когда пришли туда, то и детей приводили и уже делали это под руководством о. Сергия. Кроме того, предстояло теперь заниматься еще с новой младшей группой, которая состояла из Чер. и Р.

Помню, что я записывала особенно интересовавшие меня вопросы и, когда о. Сергей приезжал, я ему их читала. И он мне разъяснял. Эта тетрадь у меня сохранилась. Ответы о. Сергия помню только приблизительно.

Особенно запомнилось мне лето 24 года, проведенное в Дубках.

О. Сергей посылал в Дубки сестер на время их отпуска, или просто отдыхать, и поручал мне заботиться о них. Он сам приезжал несколько раз, очень близко принимал к сердцу все обстоятельства нашей жизни, не только отношения друг к другу, но и все мелочи питания, присылал деньги, продукты. Дело не всегда шло хорошо, народу было много,

люди были трудные, были обиды, недовольства.

Запутываясь в своих переживаниях и поступках, но горячо желая правильных отношений, я часто приходила в уныние, хотела на все иметь разрешение и совет о. Сергия, что было невозможно. В это время я писала дневник, и о. Сергей частями читал его и что нужно было, говорил мне. Это дало мне душевное равновесие.

В этом году после отъезда сестер я прожила в Дубках до глубокой осени. И на все мои просьбы вернуться в Москву о. Сергий отвечал отказом. Он знал, что это пребывание в одиночестве было накоплением сил для будущего. В это лето я прочла „Столп и утверждение истины” очень внимательно, по одной главе в день, затем Творения Макария Египетского и готовилась к занятиям с детьми по богослужению. В эту осень я много гуляла одна по лесам, даже в дождливую погоду, и сердце переполнялось иногда радостью жизни, благодарностью за то, что Господь привел меня на Маросейку, и ожиданием еще большей полноты жизни.

Из дневника

20.1.1924

О. Сергий начал с того, что *мы всегда забываем, что соделываем свое спасение не одни, что все мы вместе идем по этому пути, все связаны друг с другом, как члены одного тела — Церкви. Состояние моей души и спасение мое зависит от того, в каком состоянии окружающие меня люди, и в свою очередь я влияю и на них, на их спасение. Об этом всегда*

нужно помнить, а мы забываем, погружаясь исключительно в себя, занятые своими эгоистическими стремлениями. Мы должны помнить слова Апостола и завет, данный нам батюшкой: „Друг друга тяготы носите и тако исполните завет Христов”.

Иоанн Златоуст, толкуя это место из Апостола, говорит о том, что в точном переводе нужно сказать восполните, а не исполните, то есть закон Христов в целом никто исполнить не может, но по частям, каждый в меру своих сил и способностей может его исполнить. И так, восполняя друг друга, мы должны его исполнить. Каждый не может быть всем, если члены тела захотят каждый исполнять все, то ничего не получится. Если ты ленив и медлителен, а брат твой горяч, то потерпи его горячность, чтобы он потерпел твою медлительность. Надо терпеть недостатки друг друга, помогать другим и, если мы видим, что кто-нибудь помогает другому, несет его тяготу, мы не должны завидовать, а радоваться, ибо, помогая ему, помогает и тебе, потому что все мы связаны неразрывной цепью, особенно это относится к духовному отцу. Мы должны сами подойти к тому человеку, которому помогают, который нуждается в помощи, и тоже постараться помочь ему, и этим мы принесем главным образом пользу себе. Особенно все это относится к тем, кто знал батюшку, батюшку, который говорил всегда: „любите людей, разгружайте их”.

Слова Апостола „Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов” не должны быть для нас только словами, которые мы читаем, открывая послание Галатам или придя к батюшке на могилу, нет, мы должны это исполнять, ибо св. Отцы

говорят, что Евангелие нужно читать не словами, а делами.

24 января

Сегодня служба Божьей Матери в честь иконы „Утоли мои печали“, поэтому я застала конец все-нощной, хотя пришла в 10 час. Три дня не видела о. Сергия, а кажется по крайней мере месяц. По-моему вид у него лучше и голос крепче. Думала, что, может быть, удастся снять свой груз насчет пи-сем, но не удалось, так как после всенощной была свадьба Лидии. Во время венчания я поняла, как изменился мой взгляд на брак за это время, хотя бы с Роминой свадьбы. Трудно определить, в чем здесь дело, но как-то многое по-другому представляется.

26 января

Сегодня исповедовалась и причастилась. Сдав груз, захотелось сдать и все тяжести, то есть разрешить те маленькие вопросы, которые, взятые вместе, становятся большими, но после обедни о. Сергей торопился и говорить не пришлось.

Отправилась к Тане заниматься. Рома* опоздал и начали мы около четырех. Читали лениво. Роме и Тане не хотелось заниматься. Около 6-ти совсем бросили. Меня мучало потерянное время, да еще в день Причастия, когда хочется все делать лучше. Под конец говорили о секции. Они упрекали меня в пассивности, я же просила на меня не рассчитывать. Это продолжалось долго. Таня просто меня

* Соученик Т. И. Куприяновой. Впоследствии стал священником о. Романом.

бранила. Мне не было обидно, но я чувствовала, что вдохновиться работой секции не могу и дать себя понять им также не могу.

Потом Рома стал говорить, что надо устроить вечер со стихами, пением и т. д. и спросил, как я на это смотрю. Я промычала что-то вроде: „ну что ж, ничего”, на что получила от Ромы „это возмутительно”, „у меня желание схватить вас за плечи и потрясти”, а от Тани: „ты дерево, ты дубина”. Мне было смешно, нисколько не обидно, только хотелось уйти, потому что душно от таких разговоров.

Для о. Сергия я приготовила 11 вопросов. Попала к нему только после „Хвалите”, но я знала, что он торопится и поэтому трудно было что-нибудь сказать. Все то, что так жизненно и важно, когда переживается, становится каким-то почти меня не касающимся, отвлеченными предложениями, когда стоишь перед о. Сергием.

Конец всенощной я проревела, и не потому, что не поговорила с о. Сергием, хотя, может быть, отчасти и потому. Мне вдруг так больно стало все, что говорили мне Рома и Таня Ф. Удивительное совпадение: и представители мира — Таня и Рома и представитель (для меня) неба уподобляют меня одному предмету — дереву. Ни миру, ни Богу нет жизни во мне, твердят все. Не хочу я той жизни мирской и не могу иметь Божьей жизни. Ну что же у меня тогда останется! Если бы не было жизни только для мира, для секции, для Ромы и Тани: ну, что же, я сама не хочу этой жизни, потому что она мне чужая. Эти вечеринки, я их совсем, совсем не хочу и буду просить о. Сергия позволить не ходить, пускай говорят, что им нравится, я ведь сегодня получила и „ханжу”. Но когда о. Сергей говорит то же самое,

но с другой стороны — что я дерево для духовной жизни, тогда уж слишком тяжело. И вот уедет о. Сергей на неделю, а там пройдет еще сколько времени, а пока каждый день делать то, что, может быть, не надо, что, может быть, вовсе и не есть труд. Изгой там, изгой здесь. Я так просила сегодня Господа, чтобы Он меня не оставил, ведь могу же я хоть немного жить Им, когда так хочу. Ведь Батюшка сказал мне: „растешь, расти, расти” — как сейчас вижу и слышу его; значит, не совсем дубина.

8 июля

В Москве я как-то внутренне и твердо решила лечиться по-настоящему, и помог мне Борис Александрович*. Он как-то очень просто без всякой напускной убедительности, показал мне, что это действительно необходимо. Не помню точно, что он сказал, но что-то вроде того, что и так мы немощны и слабы, а если не лечимся, то еще нагружаем себя, и нам не по силам, и портим себе все сами и о. Сергию доставляем излишние неприятности. Я почувствовала, что в этом большая правда и что это, как всякая правда, очень просто, но что до глубины души это у меня не доходило. Вот я два дня и лечусь вовсю, только пилюли сегодня забыла.

Из автобиографических записок

Как я уже говорила, одной из самых существенных сторон для всех собравшихся вокруг о. Алексея духовных его детей было устройство своей души,

* Борис Александрович — будущий муж Татьяны Ивановны.

уподобление ее первообразу, стяжание Духа Святого. Это делание жизни было так реально, так увлекательно. Красота человеческой души! Красота внешнего мира, природа, небо, цветы — все, что заставляло меня всегда и трепетать от радости и страдать, все это восполнялось теперь неведомой красотой и радостью. Я чувствовала, что эта красота возможна, и была уверена в этом, я уже реально с ней соприкоснулась. И эта красота была святость, и она была возможна для меня.

Помню, в это время меня как-то укорили и надо мной посмеялись за то, что я сказала: „Я хочу быть святой”. Но тогда это было так просто, так логично, и в этом не было гордости. Не прославления я хотела и чудес, а в этом выразилось мое чувство, постигшее, „что образ есмь неизреченныя Твоя Славы”. Мне казалось тогда, что человек, работающий над своей душой, ощущает нечто подобное ваятелю, создавшему прекрасное произведение искусства. И казалось мне, — почему же эта форма красоты — красота поведения, отношения к людям, чистоты мысли, добрых чувств — не увлекает людей, почему они ее не чувствуют?

Прочтя как-то мой дневник этой осенью, о. Сергий мне написал:

Письмо № 1

Посылаю Вам, Т., Ваш дневник.

Радуюсь за Вас всей душой. Из „разговорного” христианства Вы, хотя и с величайшим трудом, хотя и чуть-чуть еще, но определенно переходите к христианскому деланию.

Я за Вас теперь буду особенно молиться.

Возьмите все, что дало Вам пребывание совместно с сестрами. *Не потеряйте этого.*

*

Это был первый этап, по которому повел меня о. Сергей, — деятельная работа над собой в тесном соприкосновении с людьми, в служении им. О. Сергей знал, как опасно для души, когда без внутреннего собственного делания возгорается интерес к творениям св. Отцов, как легко, увлекшись поражающей ум правдой их мыслей и красотой и стройностью их душ, принять читаемое и понимаемое как свое собственное, сделать все это предметом ума, предметом эстетического чувства. Он часто напоминал нам, что творения Отцов „деяньми” читают, то есть без собственного делания нельзя ни читать, ни понимать эти творения. Поэтому их надо читать по мере собственного возрастания и не браться за чтение тех отцов Добротолюбия, которые говорят о таком делании, до которого мы еще не доросли.

В 1924 и 1925 гг. у меня не было регулярной службы и я ходила к литургии еще и по средам. Любовь к нашему маленькому храму все возрастала. Поднимешься, бывало, по высокой лестнице, приложишься к святителю Николаю у входа — к нашему „хозяину”, как говорил Батюшка, и так сразу хорошо становится: тепло, уютно, точно вот пришла в свой настоящий, родной дом. Знакомые иконы, знакомые, родные лица, все на своих местах. Вот быстрые шаги, какое-то замечание у свечного ящика, и немного сжавшаяся фигура о. Сергия мелькает у Феодоровской, затем на клиросе.

Богослужение, совершаемое духовным отцом, имеет громадное значение. В общей богослужебной молитве рождается и укрепляется правильное отношение к духовному отцу. Это совместная жизнь и совместное предстояние. Постепенно в проповедях и беседах о. Сергей открывал нам истинное понимание и сущность богослужения. О. Сергей подходил к богослужению как к величайшему деланию. Для него это было всегда возможное в нашей мере предстояние событиям жизни Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и Святых. Батюшка утвердил начало своего старческого служения на богослужении, о. Сергей продолжал его дело, раскрывая нам постепенно и внешний строй богослужения и его внутренний смысл. Не все могли ходить ежедневно в храм, но все знали, что утром и вечером там совершается служба. Все мы в то время рвались как можно чаще приходить в храм, но о. Сергей не позволял, каждый имел свой день. Духовный отец знал меру каждого, его духовные и физические силы и домашние обстоятельства. Первые годы Маросейки многим из нас пришлось вести большую борьбу дома за возможность посещать такой далекий храм. Наша новая жизнь и стремление в „свой храм” была непонятна родителям, и они часто искренне болели душой за своих детей, которые совсем переставали бывать дома. О. Сергей часто уговаривал считаться с домашними, не раздражать их и лучше уступить, не пойдя в церковь. „Лучше не сделать дела, — говорил он словами отцов, — а сохранить устройство”.

Прочтя уже много жизнеописаний Оптинских старцев, а также еп. Феофана Затворника „Что полезно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения”, я чувствовала необходимость духовного руководства, я его желала всей душой, и уже не сомневалась в том, что это правильный путь, и я не хотела другого духовного отца, кроме о. Сергия. И, оказывается, всего этого было еще недостаточно. Для получения этого, надо было пролить еще потоки слез. Я хотела быть откровенной, я хотела открыть о. Сергию всю свою душу, а, приходя к нему, я молчала. Я молчала сперва со смущением, потом оттого, что я уже не знала, что сказать, все становилось ничтожным и пустым и, наконец, от ужаса, что я сама все разрушаю и вот я сейчас уйду и всему хорошему будет конец. Отец Сергей ждал, успокаивал, спрашивал, опять ждал. Какая это была мука! Я уходила, спросив какие-нибудь пустяки, с тяжелым сердцем и горькими слезами; время шло, я научилась писать о своих переживаниях, писать исповеди; о. Сергей читал их при мне, я добавляла, он отвечал. Это мне во многом помогало. Это была форма, которая мне облегчила общение, но настоящее отношение к духовному отцу выработалось иначе. Отец Сергей вводил меня постепенно в свое дело, в дело служения маросейской семье... Когда надо было говорить о ком-то, решать то или иное дело, подходить, разговаривать было легче. На этом деле мы все больше понимали друг друга, я привыкла, и все легче становилось говорить о себе. Росло доверие и любовь. Послушание о. Сергию мне не было трудно. Я радова-

лась, когда делала то, что он хочет. А он был так осторожен. Раньше чем решить какие-нибудь дела, он всегда спросит, а как смотрят на это дело мама и папа, что я думаю сама, заставлял высказывать все свои мысли и сомнения.

*

И Батюшка и о. Сергей часто напоминали своим детям о необходимости постоянной молитвы. Нельзя молиться только во время чтения утреннего и вечернего правила, нужно в течение дня постоянно возвращаться к Богу, предстоять пред Ним. Отец Сергей благословил читать молитву Иисусову, просто, внимательно повторяя ее слова. Помню, как я это делала всегда, идя по длинной Донской улице к сестре в больницу. Скоро я к этому привыкла, но, по-видимому, неправильно взялась за это дело и пришлось признаться о. Сергию, что у меня очень разбалывается голова. Когда я пришла к нему, он взял письма старца Анатолия и прочел мне одно письмо:

„Письмо я твое читал, читал и не мог надивиться: как это девочка мне показалось умная, внимательная, а какие глупости плетет. Она верит помыслам, что творить Иисусову молитву есть нечто важное. Глупенькая ты, преглупенькая. Я же тебе говорил, что эту молитву, как не требующую ни книг, ни поклонов, ни других тяжелых подвигов, дают старухам, больным и окаменелым сердцем. Конечно, кто ужасно любит ходить в церковь — придет прежде всех, не пропустит ни одного слова в Церкви, придет домой, обливается слезами, зря свою нищету и

недостойнство, такому, конечно, молитву Иисусову не стали бы навязывать. А ты глупенькая, во всем повинная: ни молиться, ни смиряться, ни любить оскорбляющих, ни слова Божия слушать, ничего подобного не умеешь. А хочешь спастись. Что же нам оставалось с тобой делать? Вот мы и дали тебе легонькую, прелегонькую молитву — всего 5 слов. А ты и тут ухитрилась отыскать что-то особенно великое, отличающее тебя от других, то есть: что собственно тебя должно бы смирять, то в безумии думаешь этим гордиться. Врагу, разумеется, страшно, что такая девчонка, ни на что не годная, вдруг спасется, и потому всячески тебя уловляет и внушает такие лживые и глупые мысли, что ты будто бы должна гордиться тем, что именно должно смирять тебя. Оставь же глупости, притекай к Иисусу, а не дьяволу. Иисус умер за тебя, значит, тебя любит. А дьявол не умер, а скорее тебя хочет умертвить. Так и не слушай его. Я и батюшку Амвросия спрашивал о тебе; он тоже сказал: „пусть продолжает, а дьявола не слушает. А горло и грудь болит за недостойнство”. Ибо и всякая, и особенно эта старушечья молитва, назначается только для больных и непотребных, хуже которых всех я непотребный”.

*

В течение зимы 1924—25 гг. о. Сергей собирал нас несколько раз до ранней обедни в будни для того, чтобы провести общую беседу о нашем поведении, об отношении к духовному отцу и друг к другу. Мы сидели на полу, на коврах, а о. Сергей стоял у аналоя на солее. Не могу теперь точно воспроиз-

вести этих бесед, так как они не были записаны, но помню общее содержание трех из них.

На одной о. Сергей познакомил нас с некоторыми обстоятельствами из жизнеописания митроп. Киевского. В бытность свою ректором Севской семинарии арх. Филарет много потерпел скорбей от своего епископа Орловского Досифея. Арх. Филарет, хотя и был от юности настоящим подвижником, но по характеру был горяч и по молодости самонадеян. Ревнуя о пользе семинарии и не находя сочувствия у своего епископа, он написал прямо в Петербург прошение о переводе семинарии в Орел. Письмо было переслано епископу и с этих пор началось гонение. Сам святитель Филарет смотрел впоследствии на свой поступок, как на выдающееся нарушение иноческого послушания. Он говорил: „Да, и я когда-то был больно боек, — думал было тягаться с архипастырем. Но Господь научил меня смирению”. Гнев еп. Досифея был настолько силен, что он даже собирался бить его батогами, посадив в заключение. Затем он написал о нем митрополиту письмо, очень дурно охарактеризовав его, и просил перевести его в какой-нибудь плохой город. Когда арх. Филарет был переведен в Уфу, то преосв. Досифей вновь написал местному архиеп. Августину, и тот в свою очередь всячески притеснял его в течение многих лет. Он запрещал ему служение, ставил перед местными иконами перед всеми в церкви, делал ему разные выговоры, сделал у него обыск и конфисковал имущество и т. д. Филарет не возражал, он только стоял и тихо плакал...

Много он передумал, и сердце его было полно злобией к гнавшим его. Подавленный выпавшими на его долю скорбями, *арх. Филарет себя винил*. В

конце концов архиеп. Августин добивается того, что арх. Филарета отправляют в Тобольск.

Что же представлял собою преосв. Августин? Оказывается, что он был строгий подвижник, обладал даром прозрения и вел жизнь несколько юродивую. Почему же он так гнал юного подвижника? Это знает лишь Господь. Известно, что сам преосв. Августин впоследствии с большой похвалой отзывался о еп. Филарете, ставил его быстрое возвышение в связь с перенесенными от него невзгодами, со слезами в голосе винил свой характер. Умер он на покое в суровых подвигах, молитве и посте в Троице-Варнецком монастыре. А еп. Филарет впоследствии заезжал в эту обитель и во время панихиды теплыми слезами оросил могилу того, кого он всю жизнь называл своим благодетелем, открывшим ему все слабые стороны его души.

Строгие подвижники, избранники благодати Божией, они тем и отличаются, что в случае своих ошибок сами первые в них каются, а встречая злое в других, первые прощают.

Интересен еще один факт из жизни арх. Филарета, происшедший через много лет, когда он был уже в Московской Академии, всеми почитаемый и награждаемый. Этот факт указывает на ту внутреннюю борьбу, которую ведут с собой даже величайшие подвижники. Застав однажды человек 40 студентов, праздновавших именины, и видя, что они, увлекшись игрой и пением, даже не видят его, он ударил палкой стоявшего у двери ряженого студента, а затем переколотил этой тростью и всю приготовленную чайную посуду. За быстрым гневным напряжением последовало и немедленное отрезвление. Но праведные тем и отличаются от грешников,

что сейчас же видят свое падение и спешат с раскаянием. А раскаяние имеет великую силу. Сам Христос, Которому приносится покаяние, уже утишает ту бурю, которую делает грех. Так и в данном случае арх. Филарет сейчас же смирился и принес Господу покаяние.

Когда студенты пришли утром к ректору с жалобой, то он первый обратился к ним: „Господа, вы меня ввели в искушение, я поступил дерзко, будете начальниками, не берите с меня пример, кажется, я ударил какого-то студента, прошу у него извинения”. О чашках он сказал: „Это ничего, я заплачу, но мне больно, что я повредил вашему дружескому общению, о чем я забочусь и что для будущей вашей жизни очень дорого. Если у вас опять будет собрание, подобное, скажите мне, я приду сам, а теперь извините меня, неосторожного, забудьте неприятный случай и скажите товарищам, чтобы и они его не помнили”. Смириться так, как смирился арх. Филарет, может не всякий.

*

После поздней обедни я стала в очередь к о. Сергию, так как мне надо было исполнить поручение Ан. Ев. В это время я, по благословению о. Сергия, ходила к ней каждый четверг ради больной Нины. Мне не хотелось стоять, а время шло долго. Передо мной о. Сергей очень волновался, разговаривая с одной сестрой*. Я стояла с сознанием самопожерт-

*В общине на Маросейке были моменты монашеского устройства (поэтому „мечевцы” называли друг друга „сестрами”, „братьями”), хотя большинство членов общины были семейными.

вования. Когда я подошла к нему, о. Сергей посмотрел на меня темными гневными глазами и сказал одно слово: „артистка”. Сила этого слова была невероятна. Все рушилось, мне казалось, что я теряю реальность. С тех пор прошло 25 лет, и сердце мое все еще сжимается при воспоминании, а несколько лет оно заставляло меня трепетать. Я омертвела и ушла. Помню, как я вышла, как села на трамвай. Весь мир был боль, вся жизнь была боль. И вдруг, проезжая мимо памятника Печатнику, я почувствовала облегчение, какой-то свет проник в душу, и я смогла произнести молитву. Какой-то голос говорил во мне: „Ну что случилось, ну что такое, ничего ужасного”, и душа точно стала выходить из состояния мрака, и боль и ужас были уже около нее, а не в ней. Так я приехала домой, так прошел день, другой. Вечером я пошла на Маросейку и после всенощной стала подходить под благословение. Я трепетала, но, подойдя вплотную, очень обрадовалась и не могла удержаться от улыбки. Отец Сергей смотрел с удивлением. „Пришла? пришла? а я так молился за вас Преподобному...” Я это чувствовала. Темная сила была отогнана и не разрушила наших отношений. Но много, много лет воспоминание об этом было острым ножом. Уже позже о. Сергей объяснил мне, как вредны в духовной жизни всякие „позы” и как они часто у нас бывают. Мне это было свойственно. Нельзя останавливаться, нельзя углубляться в те или иные состояния, иначе получается поза. Мы обижаемся, а потом пребываем в этой позе обиженного и даже не желаем из нее выходить. В случае, о котором я говорила, я тоже находилась в „позе” жертвы, чего на самом деле не было. Но и этого урока было недостаточно.

Уж теперь вспоминаю, сколько раз я хотела, чтобы духовный отец увидел мою печаль или уныние и еще что-нибудь, и носилась с этим состоянием. Только действительно серьезные и тяжелые переживания учили простоте.

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ КАК ОБЩЕНИЕ С ГОСПОДОМ В БОГОСЛУЖЕНИИ

*„Коль возлюбленна селения Твоя,
Господи сил. Желает и скончается
душа моя во дворы Господни”.*

Пс. 83, 1

*„Исполни, Господи, сердце мое
жизни вечной”.*

Исаак Сирский

I

Ничто в мире не может утолить палящей, мучительной жажды души, стремящейся к вечному, к нетленному и небесному. Не находит она здесь своей родной стихии — царства вечной правды, любви и мира. Грех, суета, обман и рабство, прозрачность красоты и блага, власть тления и смерти — все, чем окружает человека вихрь современной жизни, мучительно придавливает, заражает и уязвляет человеческую душу. И все больше и больше растет эта жажда по иному миру: хоть только изредка, на мгновение, но еще здесь на земле приобретаться вечной жизни, сбрасывать гнетущую тяжесть суеты и греха, утверждать сердце свое в том, что неизменно, чего никто и никогда не отнимет, над чем не властны ни люди, ни время, ни смерть.

По милости Божией эта жажда утоляется и Господь открывает нам, недостойным, грешным и немощным, Свои небесные селения и дает возможность приобщиться вечной жизни.

„Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа” (Иоан. 17, 3).

*

Все таинство Богослужения, как и вся жизнь Церкви Христовой, имеет своей целью очищение, освящение, обожение человека, соединение его с Господом еще здесь на земле и дарование ему вечной жизни в будущем веке.

В Богослужении с необычайной силой сочетается и выявляется, с одной стороны, стремление души человеческой соединиться с Господом, в Нем Едином найти свой покой, в Нем утвердиться, стяжать Его в свое сердце, а с другой, снисхождение Господа, Его любовь к Своему падшему созданию, Его желание восстановить нарушенное общение, Его молитва ко Отцу: „Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут... Аз в них, и Ты во Мне: да будут совершени во едино...” (Иоан. 17, 21 и 23). Ибо:

„Ради сего Он и воплотился от Девы, чтобы соединиться с нами. Ради того Он и распялся, и пролил за нас Свою кровь, чтобы мы соделались причастниками Его. И Св. Тайны в священнодействии преподавал прежде креста для того, чтобы быть с нами и чтобы мы были причастниками Его как теперь, так и в будущем (веке), и чтобы все мы соделались общниками благ Его, чего Он восхотел. И Отец Его „также возлюбил мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот

вечный” (Иоан. 3, 16). И Он ради сего то именно „преискренне приобщися” „плоти и крови” (Евр. 2, 14)), чтобы мы имели общение с Ним, так как Он „есть истинный Бог” и „живот вечный” (Блаж. Симеон Сол., Писания св. отцов и учителей Церкви, т. II, сс. 73–74).

Пути Господни неисповедимы и различными способами открывал Себя людям Господь и давал им возможность познавать Себя и приобщаться к Нему. История Церкви, а также и современная ее жизнь говорят нам о различных видах Богообщения, премудро изменяющихся в зависимости от времени и места, от свойств души человеческой и ее духовного роста. Но один путь в Церкви Христовой — Богообщение в таинстве Богослужения — является как бы „царским” путем Богообщения, путем, возможным для большинства и вместе с тем легчайшим, ибо здесь Церковь идет во всем навстречу человеку, входит в его жизнь, во все ее события, начиная с младенчества и никогда не кончая, ибо смерть человека не отрывает его от жизни Церкви и не прекращает ее забот о достижении им Богообщения.

В некоторые моменты исторической жизни Церкви Богослужение приобретает исключительное значение в духовной жизни человека и тогда познается и раскрывается с особой силой его значение в жизни всего мира. Наше время дало нам в этом отношении неоцененное сокровище: жизнь и духовный опыт таких подвижников, как отец Иоанн Кронштадтский и Батюшка отец Алексей Мечев. Душа их жила неразрывно с Богослужением, в нем она возрастала, оно было для них тем возлюбленным селением, где они предошущали вечную жизнь на своей небесной родине.

„Люди забыли, что на земле нужно жить только для неба”, — сказал нам батюшка о. Алексей в своем прощальном слове. Он сам жил не только для неба, но и на небе, во время совершения Богослужения. Для Батюшки в храме, в Богослужении был Живой Бог, он молился действительно перед Лицом Божиим, Божией Матери, Святых, и это непосредственное общение давало необычайную силу его молитве. Батюшка понимал, какое он имеет сокровище, и потому говорил всем: „Приходите и берите у меня все, чем я богат, а я богат службой церковной и слезами”. Батюшка клал Богослужение в основу духовной жизни, как своей, так и своих духовных детей; на этой основе он начал и свое старческое руководство. В Богослужении начинается приобщение к вечности, начинается жизнь премирная в условиях современной жизни. Этому учил Батюшка, говоря: „Ты должен помнить о своих обязанностях по дому, по службе, ты должен за послушание делать то, что требует от тебя служба или семья. В каком бы положении ты ни находился, ты должен помнить, что ты работаешь для вечности, для Христа, для Бога. Им, Иисусом Христом, Сыном Божиим, должно освещаться каждое твое дело. А вот когда ты приходишь в храм иходишь в молитву святых, тогда ты получаешь великую силу, достигаешь высшей премудрости, в мире живя”. В Богослужении клал он начало Богообщения, которое потом наполняло всю жизнь, поэтому с такой любовью говорил он и нам: „Ходите в храм, ходите в церковь, сколько можете”.

Откровение Божие в Богослужении, общение с Ним возможно, как и вообще всякое познание Его в пределах земной жизни, только через образ, через символ. Образы явления Божия бесконечно разнообразны, но способ познания его всегда остается неизменным по существу, всегда образ возводит к Первообразу, телесное доказует духовное, тварь служит явлению Творца. „Несмотря на большое старание отрешиться от телесного, ум наш, — говорит св. Григорий Богослов, — совершенно неспособен на это; но невидимая Бога от создания мира твореньми помышляема видима суть; ибо видим в тварях образы, показывающие нам тускло Божественные Откровения” (1-е Защит. слово Иоанна Дамаскина). Мы не можем познать Господа по существу благодаря ограниченности нашей собственной природы; она есть именно причина того, что „Божественный луч не иначе может нам воссиять, как под многоразличными и таинственными покровами” (Дионисий Ареопагит „О небесной иерархии”, § 2). Благодаря тому, что мы двойственны, что „составлены из души и тела, и душа наша не нага, но как бы прикрыта завесою, то для нас невозможно помимо телесного посредства достигнуть мысленного” (Иоанн Дамаскин, 3-е Защит. слово) и „Господь установил и таинства двойственные, — с одной стороны, видимые и сложенные из стихий, — ради нашего тела, а с другой — мысленные, таинственные, исполненные невидимой благодати — ради нашего духа: потому что в этих таинствах мы и телами и душами очищаемся и просвещаемся и делаемся причастниками и исцеления, и вместе освя-

щения” (Блаж. Симеон Солунский, „Писания отцов и учителей Церкви”, т. II).

Все таинства православного Богослужения, все его обряды, действия, предметы, все это имеет глубочайшее символическое значение, все служит явлению Божию: „Так через таинства и невидимо Он будет с нами дотолы, пока не явится, якоже есть” (Симеон Солунский).

*

Богослужебные символы, возводящие нас к познанию духовных предметов, имеют некоторое существенное отличие от символов научных и художественных, почему и необходимо их разграничение.

Символ научный есть условный знак, мысленная подстановка того или иного явления, не претендующая вовсе на выражение его сущности. Он употребляется, как целесообразное описание действительности и допускает наряду с собою иные образы, такие же условные и призрачные, если они хоть частично раскрывают нашему уму явления действительности.

В отличие от символа научного, символ художественный не условен; он есть определенная реальность, он слит нераздельно со своим первообразом и последний, оторванный от него, теряет свою конкретную жизнь и становится отвлеченной идеей.

Живой богослужебный символ в отличие от научного не безразличен, не условен, но он и не ограничен сам в себе, как символ художественный. В нем Первообраз всегда больше образа и бытие Его не обусловлено существованием образа. Богослужеб-

ный символ имеет всегда совершенно определенный предмет и направленность на этот предмет, ему присуща реальность и глубина. Через богослужебный символ человек становится не только зрителем, но и участником реального действия, восхождения и общения с Первообразом. Первообраз живет в символе, открывает себя в нем, действует в нем и, изливая через него на человека свою благодатную силу, приобщает к себе в меру его духовного возраста.

Отец Иоанн Кронштадтский говорит:

„По нашей телесности, Господь привязывает, так сказать, Свое присутствие и Себя Самого к вещественности, к какому-нибудь видимому знаменю, — например, в таинстве причащения Он Сам весь вселяется в Тело и Кровь; в покаянии — действует через видимое лицо священника; в крещении — через воду; в миропомазании — через миро; в священстве — через архиерея; в браке — через священника и венцы венчает Сам; в елеосвящении — через елей; привязывает Свое присутствие к храму, к иконам, к кресту, к крестному знаменю, к имени Своему, состоящему из членораздельных звуков, к Св. воле, к освященным хлебам, пшенице, вину” (Отец Иоанн Кронштадтский. „Мысли христианина”, гл. 3, § 2).

Если фимиам, распространяющийся во время каждения по всему храму от святого алтаря, знаменует собою благодать Св. Духа, снисшедшую с неба на землю и облагоухавшую всю Церковь, то вместе с тем этот самый фимиам таинственно несет в себе благодатную силу Духа Святого, освящающую предстоящих верующих. Всякий крест является образом того треплаженного древа, на котором Господь совершил наше искупление, но этот же крест по милости Божией, как видно из чина благословения, получает и силу своего первообраза:

„Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, иже крестом Его диавола победив и смерть умертвив, род человеческий от лести и мучительства его свободил еси: призри ныне на молитву нашу и на знамение сие крестное, в славу Тебе Бога Отца и Единосущного Твоего Сына и соестественного Твоего Духа, и в воспоминание оныя бывшия преславныя над диаволом, смерти же и ада победы, и нашего избавления сооруженное, Духом Твоим Святым, в окроплении воды сея священныя благослови и освяти, и излей на не /него/ благословение Твое святое и силу, юже окроплением крове и пригвождением тела возлюбленного Сына Твоего оно, преблагословенное древо, стяжало есть; и тому подаждь, во еже быти верным человеком Твоим в стену и покров, и в столп крепости от лица вражия, во отгнание же всякого зла сопротивнаго, и во исцеление душевных и телесных недугов, и во еже услышанным быти мольбам и молениям всех верно пред сим знамением молящих ти ся” (Тайная молитва иерея из чина благословения новосооруженного креста).

Об этом же говорят и другие чины благословения св. икон,

„Небо отвечает нам в иконах, множество из них сияет чудесами”, — говорит о. Иоанн Кронштадтский, то есть видимо и ощутительно проявляется присущая им благодатная сила Первообраза. Примеры таких действий бесчисленны. Достаточно вспомнить все наши прославленные чудотворные иконы Божией Матери. Особенно ярок в этом отношении рассказ преп. Марии Египетской о ее общении с Божией Матерью через св. Ее икону, висевшую в притворе Иерусалимского храма.

„Итак, плача, я вижу помещенное над местом, на котором я стояла, изображение св. Богородицы и говорю ей: „Дева, Владычица Богородица, родившая Бога Слова по плоти, знаю, что неприлично, неблагоразумно мне, такой нечистой, такой распутной, взирать на икону Твою, Приснодева; но спра-

ведливо, чтобы Твоя чистота возненавидела и возгнушалась меня. Но так как Бог, рожденный из Тебя, для того сделался человеком, чтобы призвать грешных к покаянию, то помоги мне одинокой, не имеющей никакой помощи. Повели, чтобы и мне можно было войти; не лишай меня созерцания древа, на котором Бог Слово, Которого ты родила, был пригвожден плотию, Который собственную кровь дал в искупление за меня. Повели, Владычица, чтобы и передо мной открылась дверь для божественного поклонения кресту. И я даю Тебе в качестве надежной поруки рожденному из Тебя Богу, что я больше не буду осквернять эту плоть через какую-нибудь постыдную связь; но когда увижу древо креста Сына Твоего, тотчас прощусь с миром и всем, что в мире; и немедленно пойду, куда Ты Сама, как поручительница, прикажешь и поведешь меня". Сказавши это, и получивши, как какое-то полное одобрение, огненную веру, положившись на милосердие Богородицы, я двинулась с того места, стоя на котором творила молитву; иду опять; присоединилась к входящим; и больше не было отталкивающего меня, которому я сопротивлялась бы; и никто не препятствовал мне приблизиться к двери, чрез которую входили в храм. И объят меня страх и иступление и я вся в смятении волновалась и дрожала; и упавши на землю и поклонившись святой той почве, я бросилась к выходу, спеша к Той, Которая поручилась за меня. Вот я на том месте, на котором было подписано рукописание обещания и, преклонивши колена пред Приснодевой и Богородицей, произнесла следующие слова: „Ты, благая Владычица, показала на мне Свое человеколюбие; Ты не возгнушалась молитвою не-

достойной. Я видела славу, которой по справедливости не видим мы, — распутные. Слава Богу, принимающему чрез Тебя покаяние грешников” (Полн. собр. Творений Св. Иоанна Дамаскина, т. I, сс. 339, 340).

II

„Храм небо земное: здесь престол Царя Неба и земли, здесь совершается страшная пренебесная жертва — Тело и Кровь Владычня — и верные соединяются с Господом и обожаются обожением чудным” (Отец Иоанн Кронштадтский „Мысли христианина”, с. 231).

Храм — земное небо. Так называет его о. Иоанн Кронштадтский, так называли его св. отцы и подвижники, так чувствуют и православные люди. И все они употребляют это выражение не как словесное украшение или пустое сравнение, не имеющее за собой реального значения; не потому храм является для них земным небом, что в нем из века в век хранилось все лучшее, что создавал человек в области искусства — архитектуры, иконописи, шитья, пения, чтения, движения и света, сочетавшихся здесь в единое целое храмовое действо. Все это могло бы остаться лишь человеческим делом, одним только даром земли, одним лишь устремлением к небу.

Весь богатый опыт Церкви, преимущественно богослужебный, говорит об иных внутренних существенных признаках, дающих этому уподоблению всю его действенность и жизнь. Этот опыт свидетельствует изо дня в день о том, что здесь, в храме,

раскрывается вечность, что здесь присутствует не только сонм святых и небесных сил бесплотных, но Сам Господь Предвечный и конца не имеющий. Этот опыт говорит о том, что храм является совершенно особой точкой во вселенной; пребывая в определенном пространстве и времени, он вместе с тем в известном смысле освобождается от этих категорий и живет вне их, ибо здесь раскрывается вечность, и является, и зрится, и приемлется Бесконечный.

„Вступив в храм Предвечного и конца не имеющего Творца твари, во время богослужения, — вы как бы „преступаете через порог времени”, — говорит о. Иоанн Кронштадтский.

Храм сам в себе и во всем богослужении таинственно несет небесную жизнь. Здесь небо преклоняется к земле и земля приемлет небесную жизнь. Храм является источником нетления, отсюда истекают во всю вселенную новые благодатные силы, освещающие все стихии, всю тварь одушевленную и неодушевленную. Через храм, через таинство богослужения, „как бы посредством оконцев в мрачный сей мир, проникает Солнце Правды и умерщвляет жизнь, сообразную с сим миром, и восставляет жизнь премирную”. Тленное естество мира обновляется и возвращается к „первозданной красоте”.

*

„Христос явился, всю тварь хотя обновити” и ничто в мире не лишено благодатного воздействия и освящения.

„Днесь Владыка прииде освятити естество водное”, — говорит Церковь каждый год в день Св. Бо-

гоявления и чрез водное естество, через этот „нетления источник” освящается все, живущее на земле, всякая тварь, всякая вещь. Водное естество есть та стихия, которая проникает всюду, без которой не может существовать ничто живое и которая является, таким образом, проводником благодатного освящения. Св. Церковь молится в ектении перед великим освящением:

„О еже снизходити на воды сия очистительному Пресуц-
ных Троицы действу”,

„О еже дароватися им благодати избавления, благосло-
вению Иорданову”,

„О еже быти воде сей освящения дару, грехов избавле-
нию, во исцеление души и тела, и на всякую пользу изряд-
ную”,

„О еже сподобитися нам исполнитися освящения вод
сих причащением, невидимым явлением Святаго Духа”.

И затем в иерейской молитве:

„И даждь ей благодать избавления, благословение Иор-
даново: сотвори ю нетления источник, освящения дар,
грехов разрешение, недугов исцеление, демонов губитель-
ну, сопротивным силам непреступну, ангельски крепости
исполнену: да вси почерпающи и причащающися имеют
ю ко очищению душ и телес, ко исцелению страстей, ко ос-
вящению домов и ко всякой пользе изрядну... Даждь же
всем прикасающимся ей и причащающимся, и мажущимся
ею, освящение, здравие, очищение и благословение”.

С уверенностью свидетельствует Церковь о бла-
годатной силе, полученной этой водой, в стихирах
самогласных по окончании освящения:

„Почерпем убо воду с веселием, братие, благодать бо
Духа верно почерпающим невидимо подавается от Христа
Бога и Спаса душ наших”.

В уставе своем она говорит об этой воде:

„Благодати ради Божия дана бысть на освящение мира и
всей твари”.

Кроме великого освящения, Церковь знает еще малое освящение воды, которое может совершаться в любое время, на всяком месте.

Освящается Церковью изо дня в день и воздушное естество. Не только молитвами „о благорастворении воздуха”, но, главным образом, через благовест, через звон, через исполненные молитвы звук сообщается благодатное освящение всем силам природы, живущим и действующим в воздушном пространстве, и всем слышавшим его, живущим на земле. Вот как молится Церковь на освящение кампана (колокола):

„О еже гласом звенения его утолитися и утишитися и престати всем ветром зельным, бурям же, громом и молниям, и всем вредным безведриям и злорастворенным воздухом”.

„О еже отгнати всю силу, коварства же и наветы невидимых врагов, от всех верных своих, глас звука его слышащих и к деланию заповедей своих возбудити я”.

И дальше в молитве иерея:

„Да утолятся же и утишатся, и престанут нападающия бури ветренныя, грады же и вихри и громы страшнии и молния, и злораствореннии и вреднии воздухи гласом его”.

Не ограничиваясь сообщением самому веществу кампана благодатной силы, Церковь через иерея благословляет начало каждого благовеста, считая его некоторым священнодействием, богослужением в звуках и предписывает совершителю его пение Непорочных или 50-го псалма (12 раз), усугубляя этим молитвенную силу звука.

Св. Церковь дает освящение земле и плодам ее. Об этом говорят молитвы о сеянии, о гумне, об освящении плодов и винограда. Затем она дает нам освящение одушевленной природы — пчел, стада и,

наконец, благословляет произведения рук человеческих: жилище, мрежи, кладези и всякую вещь.

*

Человек, как венец творения, как существо, соединяющее в себе два мира — мир горный и мир дольний — получает благодатное освящение, приобщение нетленной жизни через все свои чувства. Зрение, это „первое чувство человека” (по словам Иоанна Дамаскина) освящается через архитектурные линии храма, через его молитвенное построение и сочетание отдельных частей в целое, через собранность и простоту стиля. Иконопись стенная и станковая встречает человека прежде всего как молящегося, она вся построена на том, чтобы не развлекать, не задерживать души предстоящего в пределах плоскости и материи, а возводить его от дольного к горнему, приобщая молитве того, кто, создавая икону, предстоял пред лицом Первообраза. Слух человека освящается, как мы уже упоминали, через благовест:

„Яко да услышавше вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем диавольским наветом сопротивостанут, и молитвами и всегдашним славословием Тебе Истинного Бога сия победят, к церкви же на молитву и славословие святого имени Твоего, во дни и в нощи спешно, яко ведоми, да ведутся” (Иерейская молитва на благословение кампана).

Напевы церковные, чуждые страстности человеческой, несущие в себе образ херувимского славословия и чистые переживания покаяния и умиления своих „премирно поживших” творцов, исцеляют и утишают греховные и больные души человеческие. Строгость и соразмерность в чтении и произнесении

молитв собирает рассеянные силы душевные. Самое имя Божие, особенно в иерейском благословении, несет в себе благодатную силу: „Возложите имя Мое на сыны Израилевы: и Аз Господь благословлю и” (Числ. 6, 27). Лобызание св. икон, св. креста, освященных предметов не является лишь отвлеченным символом радостной встречи, но освящает нас через чувство осязания, через прикосновение к освященной материи так же, как и помазание св. елеем. Обоняние наше освящается через фимиам, благоухание ладана и благовонное масло. Вкушению, которое рассматривается Церковью как новотворение плоти, как приобщение человека веществу мира, придается большое значение и потому освящение его постоянно и многообразно: святая вода, о которой мы уже говорили, освященный хлеб, артос и всякая благословенная трапеза.

В св. таинствах крещения, миропомазания, покаяния, елеосвящения, брака, священства верующие получают уже не только освящение и приобщение нетленной жизни, но и особые качественно различные дары Св. Духа. И, наконец, в таинстве Св. Евхаристии, в приобщении Св. Тайнам, человек получает высшую степень освящения, обожения, соединения с Самим Господом. Ибо — „причащение”, по словам Блаженного Симеона, „есть соединение Бога с нами, обожение наше, освящение, исполнение благодати, просвещение, отражение всего противного, подавание всякого блага и теснейшее единение и общение с Богом. Оно — таинство таинств, освящение святых и, поистине, святое святых, священнодействие, высшее всех священнодействий, священноначальственное и священносовершительное”.

III

Богослужение и св. Храм, кроме непосредственного благодатного воздействия через таинства и обряды приобщающее нас небесной жизни, дает нам еще постоянно и образ восхождения. Изменяя, преобразая человеческую душу, исцеляя ее чувства и укрепляя ее силы, оно постепенно раскрывает перед ней путь христианского делания, творческий путь восхождения к Богу, являясь в истинном смысле этого слова школой духовной жизни. Это не значит, что здесь человек получает только правила поведения и советы, что открывается ему христианское учение о Боге, о человеке, и даются те или иные знания из истории Церкви и житий святых. Все это есть, конечно, но не в этом главное. Человек приходит в храм не учиться, он приходит прежде всего жить со святыми, с небесными силами, с Божией Матерью, с Господом. Он входит в жизнь св. подвижников, он с ними молится, с ними кается, с ними празднует и радуется. Они поднимают человека через свою молитву, приобщая его своему опыту, ибо они принадлежат к тем, которые не только шли путем восхождения к Богу, каким мы хотим идти, но и дошли.

О том, что не одни мы совершаем богослужение, о том, что горня сликовствуют земным, свидетельствует весь богослужебный опыт. Не только в дни Великого поста Церковь открывает нам, что „ныне силы небесные с нами невидимо служат“, но за каждой литургией во время малого входа иерей молится:

„Владыко Господи Боже наш, уставивый на небесех чины и воинства ангел и архангел в служение Твоея славы: сотвори со входом нашим входу святых ангелом быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодсть”.

О том же говорят нам службы праздников и памятей святых. Необычайно сильным в этом отношении является одно место в богослужении дня Св. Богоявления, где мы обращаемся к Крестителю Господню:

„Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с нею же и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много: ибо болий пророк всех, от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай, и прииди, стани с нами, запечатай пение и предначинай торжество”.

Или в праздник Сретения мы обращаемся к Анне Пророчице:

„О дщи Фануилова, прииди стани с нами”.

Или в дни памяти святых:

„Днесь с нами собор постников и преподобных веселится патриархов и пророков, в памяти твоей блаженне спразднуют нам апостолы и мученицы, с ними же помилуй чтущих тя верно” (памяти Григория Декаполита).

Итак, входя в жизнь святых, с ними молясь, человек усваивает начала истинной духовной жизни и восходит от силы в силу. Ему не преподаются в храме те или иные приемы покаяния, а дается само покаяние, раскрывается кающаяся душа, особенно во дни Великого поста. Кается и плачет преп. Андрей Критский, и душа человека сперва предстоит этому покаянию, потом постепенно приобщается ему. Все здесь получает душа как жизнь, а не как правило. Человек не умеет скорбеть в Боге, его

скорбь приводит к отчаянию, вводит во тьму и отнимает все силы, его душа скорбит смертельно и не умеет сказать „не моя воля, но Твоя, да будет”. И вот в дни Страстной Седмицы открывается иная жизнь, открывается путь к Богу скорбящей человеческой души. „Плач” Пресвятой Богородицы (повечерие Вел. Пятка) утишает и усмиряет душу и вводит ее в устроение преосветленной души, скорбящей в Боге. Если в дни Страстной Седмицы этот путь открывается с особой силой, то в течение года Церковь постоянно об этом напоминает. Достаточно вспомнить все заукойные службы, особенно отпевание младенца, когда душа человеческая борется, как она есть, со всею горечью, причиненной ей утратой, и постепенно ведется к Богу, утишается в Нем, получая выход в своей непосильной тяготе. Из дня в день за каждой службой Церковь вводит человека в устроение мира, тишины и преданности воле Божией: „се раб Твой, буди ми по глаголу Твоему”. Эти постоянные „сами себе и весь живот наш Христу Богу предадим” и „мир всем” придают особый внутренний глубокий ритм всему богослужению.

*

Богослужение всегда обращается к живой человеческой душе, всегда исходит от этой души, немощной и грешной, и с любовью и вниманием дает каждой в меру возраста.

Самым внешним видом храма, самым его построением, имеющим глубочайшее символическое значение, Церковь уже обращается к входящему и указывает ему признаки истинного восхождения.

Первая часть храма — притвор — место оглашенных и кающихся, где в древности помещалось изображение Страшного Суда, говорит нам о покаянии, о том, что только через зрение своих грехов, через сокрушение сердечное, через примирение с самой собой получаем мы возможность идти к Господу. Небо открывает милость Божию, а милость даруется взыскующим ее, признавшим себя нерадивыми рабами, недостойными войти в чертог украшенный. Прохождение притвора дает нам, хотя в малой степени, если не само покаяние, то произволение к стяжанию его и сознание того, что входим мы в святилище и предстаем пред лицом Живого Бога. Только на этом пути открывается небо, открывается для каждого в его меру; другого пути нет, иначе небо остается запечатанным: и Господь, и Божья Мать, и Святые, и Ангелы все как всегда присутствуют в храме, но мы не с ними, мы остаемся одни, так как не положили благого начала восхождения — покаяния. В притвор исходят священнослужители на праздничной литии для совершения сугубого моления, принимая на себя образ покаяния и молятся здесь со всеми, не имеющими возможности войти в храм.

Из притвора „мы входим, — как говорит блаж. Симеон Солунский, — в божественный храм, как бы в рай или небо. Это действие означает, что нам отверзлись селения небесные и мы уже получили доступ во святое Святых, восходим ко свету и, приближаясь, приступаем к Престолу Господню. Ибо мы идем к востоку и алтарю, и возносимся, как бы облаками, божественными вещаниями и песнопениями, во внутреннейший храм, как бы на воздух во сретение Господа, Который, восшедши на небо,

возвел и нас горе и уготовал нам путь — Себя Самого, дабы нам всегда пребывать с Самим Господом, священнодействуемым за нас. Потому и врата отверзаются, и завесы отъемлются (дабы выразить), что селения горния отверзаются и вводятся в единение с насельниками земли” (Блаж. Симеон Солунский. Писание св. Отцов и учит. Церкви, т. II, с. 205).

В храме предстоим мы уже лицом к лицу перед св. угодниками Божиими. Поднимая взоры к Престолу Божию, к св. алтарю, мы видим иконостас — сонмы Апостолов, Мучеников, Пророков, Святителей, Преподобных и Праведных, тех, кто действительно окружает Господа, кого увидели бы мы духовными очами, если бы были этого достойны, встреча с которыми для нас неизбежна, тех, кто принимает и возносит наши молитвы.

За иконостасом мы видим Престол, а на Престоле Св. Чашу со Св. Тайнами Тела и Крови. Итак, постепенно восходя, открывается человеку истинный путь Богообщения, ибо через Св. Тайны он соединяется со Христом и в Нем познает Единого в Троице славимого Бога.

Постепенное восхождение души, нарастание силы молитвы совершается в пределах каждой отдельной службы как в изменяемой, так и в неизменяемой ее частях. Рассмотрим, например, вечерню. Начинается она вне алтаря и так совершается до входа, когда иерей приносит к престолу Божию молитву верующих, стоящих во храме, кратко повторяя в тайной молитве входа моления предшествующей части вечерни. Ектении расположены так, что постепенно сообщают молитве более духовное и глубокое значение. Великая ектения есть преимуществен-

но прошение о лицах и земных нуждах, за ней следует ектения сугубая, затем просительная, которая собственно начинается с того, на чем окончена была великая: „Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею Благодатию”. Здесь прошение исключительно о нуждах духовных, особенно о мире, получить который готовятся верующие с первого прошения великой ектении. У Господа просим мы „вечера сего совершенна, свята, мирна и безгрешна”, „Ангела мирна”... „мира мирови”...; „Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати”...; „Христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны”... и вслед за возгласом иерей преподает наконец предстоящим то, чего жаждут получить их души: „Мир всем”, что и составляет высшую точку в неизменяемой части вечерни. В изменяемой части мы можем проследить то же молитвенное нарастание, особенно в праздничных службах. Стихиры на Господи воззвах, стихиры на литии, стихиры на стиховне и, наконец, тропарь — вот ступени восхождения этой части вечерни.

Возьмем, например, службу на Рождество Христово; вот стихиры на Господи воззвах:

„Приидите возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: средостение градежа разрушися, пламенное оружие плещи дает, и херувим отступает от древа жизни и аз райския пищи причащаюся, от него же произгнан бых преслушания ради”...

„Царство Твое Христе Боже, царство всех веков, и владычество Твое во всяком роде и роде. Воплотивыйся от Духа Святаго и от Приснодевы Марии вочеловечивыйся, свет нам возсия, Христе Боже, Твое пришествие...”

Они носят преимущественно повествовательный характер, в них еще не чувствуется праздничного

ликования, они как будто еще только подводят человека к великой тайне, светлому торжеству. А вот стихира на литии:

„Небо и земля днесь пророчески да возвеселятся, ангели и человецы духовно да торжествуют, яко Бог во плоти явися сущим во тьме и сени седящим...”

И, наконец, стихира на стиховне:

„Велие и преславное чудо совершися днесь: „Дева рождает и утроба не истлеает; Слово воплощается и Отца не отлучается. Ангели с пастырьми славят, и мы с ними вошем: слава в вышних Богу и на земли мир”.

Они непосредственно приводят нас к участию в великом событии Рождества Христова. Далее следует тропарь, как высшая точка торжества и духовного участия в празднуемом событии.

То же самое мы можем проследить и в некоторых других службах праздников и памятей святых. Так, например, на рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, а также в память первоверховных Апостолов Петра и Павла. Здесь опять стихиры на Господи возвах спокойно рассказывают о событии; а стихиры на стиховне ставят пред лицом самих участников события и непосредственно к ним обращены.

*

Подобное же восхождение можно проследить и во всем суточном богослужебном круге и, далее в седмичном и годовом. Все службы суточного круга тяготеют к литургии, все в известном смысле являются подготовлением к этому единственному и величайшему священнодействию, „конечной цели вочеловечения Божия” (Бл. Симеон Сол.). Возьмем наиболее известные нам службы — праздничную

вечерню и утреню в их отношении к литургии. Мы уже видели, что центральным местом вечерни является тропарь; на утрени же он служит одной из ступеней восхождения, а не завершением его. Здесь молитвенное нарастание и углубление идет дальше и приводит нас к полиелею, к чтению Евангелия и изнесению его на середину храма, на поклонение и целование народом. Во время полиелея мы непосредственно предстоим празднуемому событию или святому, память которого совершаем. — На литургии мы имеем и тропарь и чтение Евангелия, но эти моменты, центральные для предшествующих служб, здесь лишь подводят и готовят к таинству св. Евхаристии. Седмичный круг, начинаясь двумя покаянными днями (особенно вторником, посвященным учителю покаяния Иоанну Крестителю), ведет нас через малые среду и пяток, дни, посвященные воспоминанию страданий Спасителя, отмеченный к тому же и постом, к субботе и Воскресению, этой малой Пасхе. Седмичный круг является малым кругом, отражающим Великий круг, имеющий свое завершение в торжестве Св. Пасхи.

Годичный круг, имея очень сложное построение, не дает нам образа простого восхождения, но тем не менее мы можем отметить чередование священных времен более и менее значительных. К каждому празднику подводит нас служба предпразднства, а за ним следует несколько дней попразднства. От одного события человек восходит к другому и каждое по-новому раскрывает перед ним его духовное делание.

Все священные времена православного Богослужения, пост ли это или праздник, несут в себе для

христианина возможность благого начала, являясь в то же время неоторванными от предыдущих дней и в этом смысле давая новую ступень возрастания. Если праздник Преображения приводит нас к концу года, говорит о плодах земли и о плодах, принесенных нашими душами после годичного возрастания, и тем самым является завершением известного пути, то вместе с тем душа, озаренная светом Фаворским, ощущает начало новой жизни, видит перед собою новый путь. Так же и Рождество Христово, являясь осуществлением долгих ветхозаветных чаяний и венцом зимнего поста, начинает новую эпоху в жизни всего человечества и каждой отдельной души.

Совершенно исключительное место во всем годичном круге занимает праздник из праздников и торжество из торжеств — Св. Пасха с предшествующими ей Великим постом и Страстной Седмицей и последующими днями служб Цветной Триоди. Настолько велико торжество, настолько безгранична радость, что нарушается даже неизменяемый строй суточных служб и немолчно звучат победные песни Воскресения; отверзаются райские двери, весь храм становится небом: „вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя”. Так продолжается целую седмицу, а затем радость начинает понемногу убывать, служба возвращается к прежнему строю, но еще долго звучат пасхальные песнопения, пока, наконец, и они не замолкают, оставляя нам еженедельную воскресную службу, эту малую Пасху, образ вечного радования в обителях Отца Небесного.

Постепенное вхождение в жизнь православного Богослужения открывает человеку все больше и больше его мудрое построение. Последовательность годовичного богослужебного круга, его связь с недельным и суточным, построение каждой отдельной службы, наконец, непосредственная связь его с жизнью человеческой души и всего мира свидетельствуют о глубочайшем внутреннем смысле Богослужения. Об этом же говорит и построение сочетания отдельных частей Богослужения, согласие напевов с содержанием песнопений, способа чтения со смыслом и характером читаемого богослужебного текста, передающего празднуемое событие, с иконописным его изображением. Все свидетельствует о том, что это не дело рук человеческих, „что Сам Утешитель учредил сие служение, а не человек, не ангел, не архангел и не другой кто-либо из сотворенных” (Иоанн Златоуст), что „священнослужение земное совершается по чиноположению небесному” и устрояется Духом Святым через соборный опыт всей Церкви. Мы знаем, что богослужебный Устав не сразу получил свой нынешний вид, но на творение его потребовалось полтора тысячелетия:

„Благодаря такому длинному периоду развития нашего богослужебного устава, в развитии этом могла принимать участие Церковь разных эпох, а каждая из этих эпох имела свою силу и красоту и отразила и их на нашем многовековом Типиконе. И не только Церковь разных времен создавала нынешний устав, но и Церковь разных местностей и стран; следовательно, выработала его Церковь не только апостольская, но соборная как по месту,

так и по времени. Со страниц устава и веет умиленным духом древней церковной жизни то благочестивого Константинополя, то подвижнического Египта и Фиваиды. Если же принять во внимание множество ветхозаветного материала, привзошедшего в наше богослужение, то в минуты последнего мы духовно переживаем и священную библейскую древность, „ходим единомышлением” в Церкви патриархов и пророков. Будучи соборным творением Церкви, богослужебный устав однако разрабатывался по преимуществу лишь достойнейшими сынами ее. Непосредственными авторами его были люди, не имевшие другой жизни, кроме молитвы и поста, которым „сладость богослужения” позволяла принимать пищу раз в 5 дней и спать не иначе, как стоя или сидя, доканчивавшие свои всеобщные бдения в подоженных запертых снаружи язычниками храмах, люди, мученическая кровь которых смешивалась иногда с Евхаристической Кровью. Страницы составлявшегося ими устава не могли не оказаться политыми слезами умиления и Богожертвенною кровью исповедничества, которые не могут не чувствоваться оттуда и не сообщать книге духа особенной святости и чистоты. В этом и тайна глубокого действия на душу православного Богослужения, что участвующий в нем воспринимает влияние Церкви всех времен, и это влияние исходит не только от поэзии и музыки Богослужения, но и от самой архитектоники его, от этих сорокакратных „Господи помилуй”, безмолвных поклонов, вторгающихся долгой паузой в пение и чтение, от антифонного способа пения и т. п. (Скабаланович, „Толковый Типикон”, вып. 1, сс. 1, 2).

Св. отцы всегда считали Божественным установление таинств, священнодействий и всего православного устава. Об этом свидетельствует св. Софроний, патриарх Иерусалимский:

„После сошествия Утешителя, по обетованию и слову Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, егда же придет Утешитель, его же Аз послю вам от Отца, Той научит вы и вспомянет вся, яже рех вам, возвестит вам, чего ныне не можете слушать и вместить (Иоан. 16, 13, 14, 12). Апостолы восприяли чин архиерейства, быв научаемы Духом Святым, нисшедшим на них в виде огненных языков и пророчествовавших их во епископов для каждого из народов, языком которых научил их говорить. Они составляли молитвы таинств божественного священнодействия, соображаясь и с мерою усердия народа, и с временами гонений, и с коварством гонителей. И хотя в молитвах и возношениях они, естественно, различествовали друг от друга, но чин предания таинств у всех соблюдался неизменно тот самый, какой предал и Господь Иисус Христос. А после благоглаголивых Апостолов некоторые из божественных Отцов слагали молитвы и возношения, и полное последование священных служб, как, например, славный во святых Епифаний, и великий Василий и божественный Златоуст. И они, хотя каждый писал сам по себе, все одинаково из вод животочного источника Утешителя почерпали установления, которые Церковь православная принимала так, как бы их изрек и сделал Сам Христос” (Слово св. Софрония о божественном Священнодействии. Т. 1, Писания св. отцов, с. 265).

IV

Если мы возьмем службу какого-нибудь праздника или Страстной Седмицы, или памяти святого, то увидим в ней сочетание различных элементов. Здесь всегда наряду с повествованием о совершившемся событии или с житийным сказанием встречается переживание живой души, воспринимающей это событие, и непосредственное обращение к участникам его. Непосредственное переживание и живое участие врываются иногда неожиданно в общий ход службы, особенно в радостные минуты праздничного ликования или в торжественные и скорбные службы Страстной Седмицы. Вот, например, в Великий Четверток, повествуя о предательстве Иуды и злобе иудеев, душа как бы не выдерживает и изливает в кратких словах и свой ужас, и сожаление и молитву к своему осужденному Спасителю:

„Стекается прочее соборище иудейское, да Содетеля и Зиждителя всяческих Пилату предаст. О беззаконных, о неверных! Яко грядущего судити живым и мертвым на суд готовят: исцеляющего страсти ко страстям уготовляют. Господи, долготерпеливе, велия милость, слава Тебе”.

Кроме указанных элементов, нетрудно вскрыть в службах Минеи и Триоди еще более значительный момент, то, что собственно указывает нам на величайший смысл Богослужения и приоткрывает его тайну. Каждая служба говорит нам совершенно определенно, многократно и сильно о том, что событие, нами празднуемое, совершается „днесь” и „ныне”.

„От Анны днесь цвет, сад богоданный, Богородица прозябе спасение человеков...” (Рождество Богородицы,

мал. вечерня, стихира на Господи воззвах). „Днесь храм одушевленный святых славы Христа Бога нашего, едина в женах благословенная, чистая приводится в храм законный жити во святых” (Введение во храм Пресв. Богородицы, стихира на Господи воззвах). „Днесь Христос в Вифлееме раждается от Девы, днесь безначальный начинается и слово воплощается” (Рождество Христово, стихира на Хвалитех).

Примеры эти бесчисленны, достаточно взять любую службу Минеи и Триоди.

„Днесь Владыка твари предстоит Пилату и кресту предается Зиждитель всех: яко агнец приводим Своєю волею, гвоздьми пригвождается и в ребра прободается, и губою напояется, манну одождивый, по ланите заушается Избавитель мира и от Своих раб поругается Создатель всех” (Вел. пяток, стихира на Господи воззвах).

„Днесь церковная завеса на обличение незаконных раздирается и солнце лучи свои скрывает, Владыку зря распинаема” (Вел. пяток, утро, антифон 12).

„Днесь зрящи Тя, непорочная Дева на кресте Слове вышшаема, рыдаючи Матернею утробою, уязвляешся сердцем горце и стеляще болезненно из глубины души, лице со власы терзаючи...” (Вел. пяток, стихира, на Господи воззвах).

Можно было бы думать, что выражение „днесь” имеет значение поэтического украшения и употребляется для большей живости изображаемого, как делается иногда в светской литературе (употребление настоящего времени вместо прошедшего). Для того, чтобы убедиться, что это не так, достаточно познакомиться еще со службами предпразднеств, где те же события раскрываются не только не как прошедшие, но и не как настоящие, а как будущие, имеющие совершиться, близкие к совершению (такие выражения, как „уготовися”, „чающе”, „грядет”).

„Светоносная палата уготовися Тебе, Владыко, утроба чистая Богоотковицы, гряди к сей и сними, ущедри созда-

ние Твое, завистно брань приемшее и работою удержанное лъстиваго и доброту первую погубившее, и Твоего спасительнаго чающее сошествия” (Предпразд. Благовещения Пресв. Богородицы. Стихира на Господи воззвах).

„Во утробу Твою чистую вселится хочет Господь, Живый присно на небеси: онебесити бо грядет земнородных смешение, в сие мудре оболкся”.

„Земля, яже терние страстей печальне израстившая възгряя ликуй: се бо земледелатель бессмертный клятвы изимая Тя, ныне приходит” (Предпразд. Благовещения Пресв. Богородицы. Канон).

„Предпразднственная, вернии, Рождества песни приидите принесем вси: грядет уже Христос в Вифлеем родитися, спасти вселенную, яко Един Человеколюбец” (21 декабря, светилен).

„Грядет Христос лукаваго сокрушити, сущия во тьме просветити, и разрешити связанныя, предусрящим Того” (22 дек., стиховны).

„Ликуй Сионе, вертепе благоукрасися, Вифлееме готовися: се бо Дева родити Христа грядет” (22 дек.).

Вся служба шестой седмицы Великого поста полна ожиданием и приуготовлением ко встрече Господа, грядущего ко Иерусалиму:

„Грядет Господь, отверзи твоя двери, Вифание, прими верою Владыку: ибо грядет воскресити от гроба Лазаря, яко Един всемогущ”. (Пяток Ваий, утро, канон).

Что значит это „днесь” что дает оно нам для понимания таинства Богослужения?

Служба, посвященная празднику, святому или тому или иному событию, не есть лишь простое воспоминание, но таинственное участие нас, людей, живущих в XX веке в событиях, совершившихся много лет тому назад. Не возвращается, конечно, к нам то время, когда эти события совершились видимо, когда они были явлены всему миру. Мы заключены в пределах своего времени и только в нем может протекать наша жизнь, ибо временное

исчезает и никогда не возвращается. Но такие события, как крестные страдания и смерть Господа, искупление Им грехов всего человечества пребывают в вечности, превыше всякого времени и неизменно, ибо, по словам Иоанна Богослова, Агнец заклан от сложения мира (Отк. 13, 8). То же можно сказать и о других событиях жизни Господа. Если Рождество Христово совершилось когда-то в определенный исторический момент „в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода”, совершилось во времени, то вместе с тем оно пребывает, как неизменное и вечное, и через Богослужение в день праздника раскрывается нам опять во времени, но уже как вечное. И мы получаем возможность духовно участвовать во всех событиях жизни Господа и озаряемся тем благодатным и вечно пребывающим духовным светом, который изливался и на пастырей и волхвов при рождении Господа, и на Симеона Богоприимца и на Апостолов, предстоявших Преображению. Мы видим, таким образом, что все, с чем встречаемся мы в Богослуженном круге, может рассматриваться в трех планах: как в вечности пребывающее, во времени совершившееся и в Богослужении являемое.

Каждое ныне празднуемое событие земной жизни Спасителя было некогда новым явлением Его миру, новой встречей с Ним, новым вхождением человека в Его жизнь. И теперь все так же — изменилась лишь форма, но действительность все та же и все та же реальность Богообщения и плоды его.

Не вдали от человека, от его внутренней жизни проходит круг годовых праздников. Он в них участвует, он по милости Божией может через них

все более приближаться к Господу, все более входить в Его жизнь.

И так, через освящение, приобщение нетленной жизни, через деятельное восхождение в тесном общении со святыми, через соединение со Христом, входит человек в вечность, предощущает небесные селения и начинает жить в мире премирно. Таков в общих чертах путь Богообщения, дарованный людям в таинстве Богослужения.

Из писем о. Сергия Татьяне и Борису

Зима 1930 г.

Спасибо, сердечное спасибо Вам, родная моя Т., за Ваши письма. Вы, наверное, не зная, много принесли мне радости в эти исключительно скорбные дни. Сейчас выявляются люди, особенно мне близкие. Вы в числе их. Когда я читал Ваше последнее письмо о том, как Вы чувствуете наши дела, в чем Вы видите смысл М/аросейки/, я замечаю, как сердце мое бьется в унисон с Вашим. С какой радостью читал я (не Ваше) письмо о вт., о Вас, о Вашей перемене, о том, какая Вы теперь простая, как с Вами легко.

Т., хорошая моя, как радостно сознавать, что Вы меня понимаете, как радостно чувствовать, что мое становится Вашим, а Ваше моим. Зачем же это: „в деле с Борисом я не надеюсь услышать Вашего сердца... Я уже ошиблась в К.“. Дочка моя, не отказываюсь, ни на одну минуту не отказываюсь. Как бы мне ни было трудно сказать свое слово, я попрошу у Господа разумения и скажу. Ну, как я не сказал бы, если бы пришла ко мне моя Ирина. Верь-

те мне, что скажу. Сейчас же дело в Вас. Вам надо прийти в себя и успокоиться о Господе. Все доверьте Ему. Вот Вас потянуло на Октоих. Слава Богу. Не думайте много о Б., совсем постарайтесь не думать. Займитесь Господом. В возможной при совр/емен-ных/ условиях для Вас тишине, мало по малу Вы почувствуете ясно все свое состояние в связи с браком. Вот я тогда и помогу. Обязательно помогу, если обратитесь. У Вас все было сразу решено внутренне, я слушал и не мешал. Мне хотелось послушать до конца Т/атьяну/, а не себя. На частности о венч/ании/ и т. д. я и отвечал безотносительно, как я бы сделал и для Вас и для Б/ориса/.

Не волнуйтесь есть страдания и у духовного отца, есть страдания и у вступающей в чужую жизнь. Не пугайтесь того, что Вам было тяжело это время. Даром перемена жизни вообще не совершается.

Вот, что я Вам скажу.

Я Б. люблю, знаю его трудности, его жизнь. Знаю, что его путь — путь брака, путь личной жизни.

Я Вас еще больше люблю, потому что с Вами говорю одним языком. Я хочу узнать Вас вполне, не сгоряча и неожиданно быстро, как в К/адникове/, когда для Вас только что предстал новый путь жизни, который, быть может, раньше лишь временно останавливал на себе Ваше внимание. Вы, имевшая до того времени полноту жизни, — теперь вдруг увидели полноту по-иному. Мне и хотелось, чтобы Вы это пережили не в две недели, не в особых условиях жизни в Ш/енкурске/ и в К/адникове/, а в своей обычной домашней обстановке. Дело больше всего не в том, выходить ли за Б., а выходить ли вообще. Для девушки с Вашим устройением этот вопрос не праздный. Почему я и поставил, помните,

тогда вопрос о браке. Можно ведь отказаться и от брака с любимым человеком, если в душе что-то иное еще есть.

У Ш. Вин. вопрос о том, идти ли за С. С., у Вас не только в этом, но и в другом.

Поймите, моя родная, хорошая. Не Вам, а мне хочется почувствовать Ваше сердце.

Мне очень неприятно Ваше самоуничижение; Вы, если плохи в чем сейчас, можете сделаться лучше. Пусть не трясет Вас лихорадка от письма Александра П/авловича/*. На то Вы и христианка, чтобы исправить в конце концов все свои погрешности. Я молюсь за Вас. Молюсь в такое время, когда сердце особенно тянется к Богу, когда Рука Господня вот-вот коснется, карая, и нашего дома /храма/. Не унывайте, не беспокойтесь, я с Вами, с любовью большою всегда приду на помощь родной своей дочке. Как у Вас со службой? Что слышно о психотехнической/ лаборатории/? Может быть, еще продлится перерыв, быть может, приедете ко мне теперь. Половина дороги моя. Спасибо за все, за письма о других, за Ваше отношение ко мне, которого совершенно не стою. Хочется мне с Вами заняться молитвой Иисусовой. Очень хочется. Теперь многое для меня открылось по-иному и в благодарность за все, Вами сделанное, хочется поделиться с Вами, но не письмом. Устройте ко мне Лялю, она просится — может быть, вместе, если еще возможно Вам. Храни Вас Господи, Т., многое и от усталости. Не отдыхали. Ваше положение не из легких даже и не для больного человека. Укажет нам Господь путь, придет к Вам спокойствие, не

* Отец Бориса.

безразличие, а радостное решение в тишине и мире Христовом. Христос с Вами, родная, хорошая.

Август 1931 г.

(Получено в Шенкурске в ответ на наш вопрос о браке.)

Родной мой Боря! Не гневайся на меня, что промедлил ответом. Если бы можно было не отвечать, а повидаться с вами и поговорить. Вы мне близкие родные и душа моя раздирается. Вот все и медлю. Прости меня. Эти строки вовсе не указание, а вынужденный ответ и только. Писать мне трудно.

Сегодня день памяти преп. Серафима и муч. Романа. Поздравляю с праздником и днем Ангела нашего Ромы. Поздравляю тебя с большой радостью. Т. тебя любит. Это большое, великое счастье. Да поможет и тебе Господь полюбить по-настоящему свою избранницу. Да благословит Он ваш совместный путь.

Конечно, все люди эгоисты. Но требовательность — исключительная черта твоего характера. Чтобы все было для тебя и тебе. Сколько страданий связано у тебя было с этим. Что же удивит/ельного/, что сейчас, когда ты в особенных по трудности обстоятельствах, ты исходишь прежде всего от себя. Я очень хорошо тебя понимаю и отнюдь не упрекаю, родной мой. Но посмотри и на Т/аню/. Ты ничего не теряешь, а только приобретаешь. Обрати внимание на ту, которая, приобретая, теряет почти все, чем жила до сих пор. Это бывает при каждом браке, это по известным условиям в особой степени у Тани. Ведь жила же она до этого момента и была у нее полнота жизни. Теперь же ей приходится пере-страивать свою душу для иной полноты. Прежнее

должно сжаться, потесниться и уступить место новому, основанному для будущей полноты. Повторяю, если бы это и не была Таня, все равно, всякая девушка в муках (даже и при любви настоящей) рождает новую жизнь. Подумай, жила в семье, отдавала ей себя целиком и вдруг приходится оставлять эту любимую семью и устраивать новую... Ведь старое можно перестроить, а не уничтожить... На уничтожение одни темпы, на перестройку иные — здесь время и терпение прежде всего. Ведь перестройка самого нежного — человеческого сердца.

У Тани была полнота — Господь даст ей и в дальнейшем полноту — подожди только. Береги чужую душу. Смотри — она уже любит тебя. Это обязывает тебя к еще большей бережливости. Ты за Таней чересчур много берешь и подлинно ценного, духовного, и душевного. Знаешь историю курицы с золотыми яйцами. Вот так и с душой может быть. Родной мой, не сердись, а пойми, можно и с Таней остаться без Тани. Это тебе мой завет: береги чужую душу с первых же дней. Иначе душа, если не уйдет от тебя, то уйдет от себя. Пишу это не с чужих слов, а по своему опыту, Боря.

Найди в себе силы и отпусти сам. Отпусти и ради ее и ради себя. Это будет твоя великая и окончательная/ победительная/ победа над твоим великим себялюбием. Дай ей время, не мучай ее темпами, недели там, где нужны месяцы. Таня тебе еще пригодится, в гораздо большей степени, чем теперь. Она полюбит тебя еще больше, а вернется к тебе здоровой — и надрыва не будет. Пример Коношск. отшельника/ (имеется в виду Володя О., который был сослан в Коношу) у тебя перед глазами. Если бы он сразу вытребовал

к себе А/нну/, что бы получилось. Сейчас она сочетала в себе и семью и мужа. Вол/одя/ этим приобрел себе Анну. Конечно, как муж, он мог ее уговорить, но... в чем другом, а в семейном вопросе ампутация последнее дело, ничего доброго не предвещающая. Вот как я думаю. Прежде всего, от всего сердца поздравляю тебя с тем, что ты любим, а затем прошу принять эти слова, только как мои слова, а не указания. Понимаю твое положение, сердце мне говорит так, чтобы ты еще год потерпел, ведь и внешн/ие/ условия Шенкурска очень трудны для Т. к тому же. У тебя, конечно, остается еще одно опасение /ее ареста в Москве/, но там видно будет на месте, как его преодолеть.

Христос с тобой. Прости меня.

Июль 1932 г. (В Шенкурске)

Прими, родной мой Боря, через меня грешного благословение Господне на получение благодати таинства Брака.

Тот, Кто видимо подтвердил вам правильность пути вашего, Тот и соединит вас, Тот и совершит Сам Таинство над вами.

„Иже за неизреченный Твой дар и многую благодать пришедый в Кану Галилейскую и тамошний брак благословивый... яко же тамо и zde пришед невидимым Твоим предстательством, благослови брак сей и подаждь рабом Твоим Борису и Татьяне живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь, в союзе мира...”

Христос, родной мой, с тобой.

Спасибо за все и прости меня Христа ради.

Любящий тебя всей душой. Твой И. С.

18 января 1933 г.

Поздравляю тебя, родной мой Боря, с Богоявлением Господним и наступающим днем Ангела Тани. Дай Господи, чтобы выявилось в душе твоей мирное решение трудного вопроса Вашего.

Что тебе написать? Помнишь, я писал тебе тогда, в тот момент, когда положение было в таком же роде. Припоминается сейчас чинопоследов/ание/ рукоположения. Когда наступает момент поставления, раздаются три, следующие один за другим, возгласы: повели, повелите, повели..., то есть соизволь, соизвольте, соизволь. Первый к рукополагаемому, второй к народу, избирающему рукополагаемого, и третий к епископу. Так в Церкви в таком исключительном, казалось бы, зависящем от Церкви вопросе, как поставление в священный сан — прежде всего обращаются к намеривающемуся воспринять благодать. Так вот и в жизни вообще. Повели ты, ты, родной, найди, если сможешь, силы в себе и повели. Ведь ты глава жены и спаситель тела. Вот все, что могу сказать тебе сейчас. Сохранить семью это наполовину сохранить устроение вообще. Сохранение семьи — это единомыслие и единоволлие. Дело не в службе. Родные должны помочь и помогут в это исключительное время. На то и связуются союзом любви. Если раньше ставился вопрос о том, что будет лучше для Тани, теперь должен в первую очередь решаться вопрос, как лучше для ребенка, во вторую, как лучше для Тани, носящей в себе этого ребенка и, в третьих, твой серьезный и большой вопрос.

„Вижу ее силы физические и душевные. Здесь рядом со мной самостоятельная в хозяйстве жизнь

была ей временами не под силу. Как трудно Ляле и т. д. ...”

Да, Тане это принудительный труд, не иначе. Только из любви к тебе подъятый и исполненный все же. Но с ребенком, и особенно первое время, ей еще трудней будет. Если в хозяйств/енной/ жизни ты еще мог ей несколько помогать, то в будущей новой обязанности ей нужна не только любящая, но и *умелая спокойная* помощь. Дело, повторяю, не в мат/ериальном/ только. Тебе ведь не понятна еще вся исключит/ельная/ трудность материнства для Тани. Не сомневаюсь, что впоследствии она будет прекрасной воспит/ательницей/ твоих детей, но там, где нужен только уход, уход... там она опять в том же печальнейшем положении, как у печки. Печное предстояние полугодовое ты до конца все-таки не понял. Что для одних легко, то каторжным трудом является для других. Но теперь ты многое понимаешь, а раньше зачастую, недоумевая, возмущался. Танино здоровье, кормление ребенка в связи с этим, всякие неизбежные неудачи и т. д. одно для всех и другое для Тани, а, стало быть, и для маленького. Наконец, роды первые в годах Тани дело серьезное, путешествие младенца из Шенкурска не менее рискованное. Просто взвесь и подумай. Ведь ты должен повелеть и семья тебя имеет своим главой. В крайности можно жить и под Москвой, если уж почему-нибудь будет душа твоя болеть /за безопасность Тани/. Боря, что бы ты ни надумал, помни, что всегда с тобой, помню тебя, люблю. Прости, что пишу так. Мне ведь так чувствуется, что исходить надо от маленького, что в таких случаях лучше быть у родных и никто лучше бабушек и дедушек не поможет. Тем более ваших дедушек и бабушек.

Письма мне то же, что печка Тане. Прости меня, нескладного и неисправн/ого/ в этом отношении.

Крепко целую тебя.

Христос с тобой. Прости.

Июнь 1933 г.

Родную мою Таню поздравляю с маленьким Алешей. Очень, очень рад благополучному началу его жизни. Спасибо, родная, за яблочки. Ведь это пасхальные яички мне скорбящему. Беспокоюсь о Ляле. Ничего не знаю.

Дедушек, бабушек, особенно Женину маму и папу поздравляю. Ведь они впервые получили такое высокое звание. Простите за все. Душой с Вами и всеми. Через 3—4 недели придет решение /приговор/. Что уж Господь даст. /Дело/ местное целиком.

Июнь 1933 г.

От всего сердца спасибо Вам, родная моя Танечка! И я ждал и я надеялся! Мне так трудно было внутренне переживать по-человечески голгофу нашего дома /церкви и общины/. В это время душа особенно стремилась к тем, которые без слов могут понять, без объяснений почувствовать все. Никогда в жизни еще не чувствовал Вас такой близкой, родной, нужной. Так Господь уж устроил, не пришлось возрадоваться радостью сочувствия и сострадания до конца. Но перед Лицом Божиим разве это меняет дело. Разве близость уничтожается расстоянием. Вот сейчас получил от Вас весточку и душа моя, в которой всегда было Вам место, радуется сознанием единства и чувством полноты. Спасибо Вам, что написали наконец. Я все ожидал и

думал уже, что-нибудь имеется в Вас, мешающее Вам написать мне. Дождался все-таки, получил и радуюсь. *Поздравляю Вас с новорожденным.* Крестик посылаю. В день воцерковления буду служить за семью Вашу молебен Господу, Матери Божьей и Угодникам нашим. Буду молиться и о Вашем здравии. Что Вы, что Вы! Почему плачете? Терпеть надо уже не за одну себя, а за всех троих, то есть втрое больше, чем раньше. Ведь величайшее дело творите сейчас, образ Божий, явленный в мир через Вас, воспитываете. Преодолеваете трудности материальные, тяготы родителей Ваших и т. д. Ведь все живем сейчас в горниле величайших страданий. Столько я повидал всего за эти месяцы. Вот уж когда терпением спасаются и „тенетами отчаяния удавляеми” погибают. Устроится, устроится все, а пока *поберегите себя*, папу, маму.

Простите меня за все: главное за нерадение, лень. Хочу, чтобы у крестной /о. Сергей называл себя в письмах — „крестной”/ дочка была такой же хорошей матерью, какой прекрасной дочерью /духовного своего отца/ явила себя в прежней жизни. Перекрестите за меня Алешеньку, крестик посылаю. Христос с Вами. Спасибо за Р. Б/оре/ пишу.

Июнь 1933 г.

Танечка, родная моя! Еще раз поздравляю Вас с рождением Алеши. Так мне хочется сейчас к Вам, помолиться с Вами, посидеть, побеседовать. Хочется написать Вам, что чувствую в трудные дни настоящих испытаний особенную близость к Вам. Через неделю-две решится моя участь. Помолитесь за меня, родная моя. Вы всегда были ко мне так внимательны. Спасибо Вам за все. Никогда не забуду ка-

нуна Воздвижения, день погребения Богоматери /дни, когда Таня была в Кандикове/. Вашего заболевания и выздоровления /ареста и неожиданного освобождения/. Сколько раз, наряду с Вашей мудростью, выявлялась на свет Божий простота и прямота души Вашей в отношении к Вашему отцу. Спасибо, родная, за все. По человечески мы больше не увидимся. Простите, милая, меня за все, причиненное мною за долгий ряд лет. Много радости получал я от Вас, когда душа Ваша звучала без слов в один тон с моей. В минуты тягчайшие последнего времени сознание, что существуете Вы, разделяющая трудности мои до конца, вливалось в меня, близкого к унынию, новую бодрость.

Да хранит Вас Господь. Перекрестите за меня Алешу. Передайте мою глубокую благодарность Боре и привет папе и маме.

Христос с Вами! Спасибо, простите!

Осень 1934 г.

Женюркиной сестренке шлю привет и сегодня особенно ее вспоминаю! Не нужно, дорогая, расстраиваться. Зачем. Если силенок нет, то в будущем придется пересмотреть и изменить, а теперь очень хорошо, что ребеночек будет не один. Единственный ребенок — сами лучше меня знаете — несчастный и неполноценный человек, в каких бы условиях ни проходила в дальнейшем его жизнь.

Душой часто с тобой. Как бы хотелось взглянуть теперь на вас. В этом году мне труднее, чем в прошлом, а внешние условия жизни гораздо лучше. Трудно чувствовать себя больным хроником — раньше же была надежда на выздоровление. Всего, всего тебе доброго. Помню и люблю.

1937 г.

Поздравляю, тебя, Танечка, с новым годом!

Желаю здоровья и семейного устроения. Как твоя няня? Если будешь у нее 11-го, передай ей сердечный привет. Она меня наверно помнит.

Передай мое поздравление Боре, поцелуй ребятшек.

Вспоминаю всегда. Сейчас мне трудновато. Оля все расскажет тебе. Всего, всего доброго. За весточку спасибо. Очень скучаю.

ВБЛИЗИ САРОВСКИХ СВЯТЫНЬ

В Арзамас я приехал часам к четырем вечера. Первое впечатление от этого города было невеселое: серое небо, дождь, невзрачное здание вокзала, рядом с ним автостанция, потрепанные автобусы, очереди у касс, грязь на улице, местами непролазная, старые деревянные домишки. Сразу бросился в глаза автобус с надписью „Дивеево“. Даже мелькнула мысль: сесть и поехать туда*, но остановил страх: а что дальше? Куда я там пойду? Увижу ли я то, что хотел бы увидеть? И я городским автобусом отправился в центр, где находится храм, о котором мне говорили раньше. Автобус был переполнен, стекла запотели, и я плохо различал, что за окном. Заметил только, что деревянные домишки сменились серыми каменными, а те опять деревянными. Наконец — центр, конечная остановка, — и сразу передо мной небольшой сад с памятником Ленину посередине, а за ним голубой собор. Собор там очень интересный, огромный, с четырьмя портиками, обращенными на четыре стороны света, и если не видишь куполов, то он напоминает античный храм. У колонн приюти-

* Я не думал ехать в Саров. Путешествуя по Горьковской области в поисках чудотворного списка иконы Владимирской Божией Матери, я по неожиданному стечению обстоятельств оказался сначала в Арзамасе, а затем в Дивееве и близ Сарова.

лись нищие. Вхожу внутрь и снова поражаюсь величиной. Изнутри храм показался мне еще обширнее, может быть потому, что квадратный и с очень высокими потолками, так что возникает ощущение простора. Три алтаря, средний особенно велик, а по стенам бесчисленные иконы — большие и малые, с окладами и без окладов, с лампадками и без лампадок. Хотя до всенощной оставалось еще часа полтора, уже порядочно народу, некоторые сидят, кое-кто даже на полу, люди больше простые, бедноватые, многие с сумками, значит, приезжие из окрестных деревень, а может быть, и городов. И вдруг из массы склонившихся молчаливых фигур вылетает мне навстречу женщина лет пятидесяти, такая же простая и бедноватая, как и большинство здесь, но с необычно радостным, приветливым лицом, и говорит: „Здравствуйте, бабушка (по бороде она приняла меня за священника), а мы на два дня приехали, тут переночуем, а завтра в город”.

Меня поразило такое непосредственное обращение. Так только ребенок-дошкольник делится своими мыслями с первым встречным. Я спросил: „В какой город?” — „В Саров”. Не помню, что она еще говорила, но слово Саров запало мне в душу. Сегодня утром на Горьковском автовокзале, еще не зная, что попаду в Арзамас, я вспомнил призыв бабушки Серафима ходить к нему на могилу и молиться ему примерно так: „Отче Серафиме, помоги мне на твоей земле”. Ведь село, куда я сначала ехал, сравнительно недалеко от Арзамаса, а следовательно, думал я, и от Дивеева. И вот теперь почти на пороге храма я получаю первую весточку из самого Сарова. Позже я узнал, что въезд туда только по про-

пускам и что там не осталось ни одной открытой церкви.

Я вышел побродить по городу. Центральная часть сохранила свой прежний купеческий вид: неподалеку возвышаются еще несколько каменных церквей, из которых действует только одна зимняя, заменяющая в холодное время собор; множество магазинов, лавочек на нижних этажах; тут же рынок; жилые дома выглядят солидно, крепко.

Центр неожиданно обрывается на крутом берегу речки, за ней в низине зеленые луга, а еще дальше — полоска железной дороги, пересекающей с шоссе на той стороне близ моста через речку, по которому все время ползут машины. За мостом продолжение города или, как позже выяснилось, примыкающее к Арзамасу село Выездное с очень красивым, издалика будто игрушечным светло-голубым храмом. Я поинтересовался у проходившей старушки, действующий ли это храм, и когда она ответила утвердительно, мне неожиданно захотелось быть на всенощной там, а не в громадном Соборе.

Начинало уже темнеть и тот край города с захламленными домишками, с храмом у перекрестка шоссе и одноколейкой, по которой почему-то необычно часто гремели товарные поезда, — весь этот уголок земли, с нависшими над ними тяжелыми тучами, бедный, заброшенный, мало кому интересный, странно притягивал к себе и навевал какую-то теплую грусть. Я вернулся на площадь перед Собором, сел в автобус и через пять минут был уже у ограды храма в Выездном. Храм хотя был и меньше Собора, но здесь вблизи показался мне тоже очень велик или скорее величествен рядом с деревенски-

ми избами, утками на пустыре, низкой каменной лавчонкой, грязным шоссе и какой-то странной в этом месте железной дорогой. Калитка в решетчатой ограде приоткрыта. Я приближаюсь к дверям, на них пудовый замок. По узенькой тропинке обхожу все здание кругом и вблизи алтарной части вижу могилу с надгробным камнем, на котором высечена стихотворная эпитафия. Читаю ее. Оказывается, здесь покоится тело крестьянина, построившего на свои средства и даже отчасти своими руками этот храм. Стихотворение написано местным священником, тоже по всей вероятности ныне покоящимся где-нибудь невдалеке. В углу ограды — сторожка. Двери ее приоткрыты и я вижу, как несколько женщин, прибывших позже меня, нерешительно проходят в нее. Я следую за ними. Мы садимся в темноватых сенях, где почти так же холодно и сыро, как на улице. Но через какое-то время нас приглашают пойти погреться в комнату. В ней чисто и тепло. Первое, что бросается мне в глаза: на стене рядом с немногими простыми иконами фотография с портрета преп. Серафима, идущего по лесу согнувшись и опираясь на палку. В печи пекут просфоры, а около на кровати кашляет и ворочается дед. После дождя и холода, которые как бы подчеркивают твое одиночество в чужом, незнакомом городе, эта обстановка согревает не только физически, но и духовно. Ты чувствуешь себя под крылышком о. Серафима. Маленькая комнатка наполнена благодатным теплом веры всех присутствующих — серьезных, сосредоточенных, немногословных, но в то же время добрых и приветливых — и тех, что не спеша, привычно и четко делают свое просфорное дело, и тех, что скромно сидят на скамейке у дверей,

изредка вполголоса переговариваясь. Я думаю, как бы попроситься ночевать после всенощной, но не решаюсь этого сделать, потому что очень боюсь, — хотя, наверное, напрасно, — разочароваться в этой тихой церковной идиллии, если мне вдруг откажут. Наконец, старушки кончают печь просфоры и собираются в церковь. Не хочется уходить отсюда и расставаться, быть может, навсегда, с людьми, ставшими мне столь симпатичными, хотя я обменялся с ними всего лишь несколькими словами.

Трудно выразить ощущение духовной общности, возникающее между христианами, иногда даже почти без всякого общения, просто, когда они видят друг друга. Это чувство лучше всего назвать умилением. Оно может возникнуть даже на улице или в транспорте, при виде священника или старушки с молитвенником в руках. Самое главное, что оно располагает к сердечной молитве за твоих братьев, встретившихся тебе на пути. В этом, мне думается, и выражается вселенскость Церкви, когда мы, верующие, ощущаем себя родными, несмотря на местные, возрастные, культурные или национальные барьеры, внешне разделяющие нас. И наоборот, среди людей мира сего мы чувствуем себя неуютно, как среди чужих, хотя бы это были наши близкие, знакомые или даже родственники.

Пройдя по мокрой траве и дорожке, вхожу в холодный, почти пустой храм. Какая торжественная тишина, как возвышенны и непохожи на все, что осталось за стенами, изображения Господа и святых, молчаливо ожидающих твоего молитвенного обращения. Узор иконостаса, поблескивающие серебром оклады, хоругви. Огоньки свечей и лампад. Как все это должно перерождать душу просто-

го народа, приходящего сюда из своих низеньких, почерневших избышек... Один или два человека размашисто крестятся и кладут поклоны перед иконами. Несколько старушек терпеливо ждут на скамейке у задней стены. Постепенно народу прибывает. Зажигают больше свечек, потом и электричество. Собрался и приготовился хор. Вот священник прошел в алтарь. Начинается служба... Поскольку Собор главная святыня города, народу в храме сравнительно немного, вряд ли наберется 300 человек. И хотя служба очень хорошая, холод и страх остаться без ночлега выталкивают меня из храма. Я решаю вернуться в Собор: там все-таки много приезжих, должны же они где-нибудь устраиваться, наверное, там есть хозяйки, которые, как у нас в Загорске, пускают ночевать за небольшую плату.

На улице уже почти совсем темно. Пока жду автобуса и сторонюсь грозящих обрызгать меня машин, мною опять овладевает чувство одиночества и беспомощности. Несколько минут назад я был как бы в семье, а сейчас снова один. Молюсь Богу и святым о помощи. Но вот подкатывает освещенный внутри автобус и через пять минут я опять среди своих, хотя теперь как-то мало верю в это. В храме жарко и тесно. Всего в нем, наверное, помещается около пяти тысяч человек. А сколько сейчас? Куда ни кинешь взгляд, море женских платков. Мужчин здесь немного, как и в большинстве наших храмов. Кончается всенощная. Приезжие собираются в небольшие группки. Я подхожу то к одной, то к другой, но меня не берут: „мужчину стесняемся брать, у нас все женщины“, — говорят мне. Кто-то советует: „Да вы ступайте к ящику. Там вас устроят“. Высокий бородач беспомощ-

но разводит руками: „Я бы взял тебя, да у меня уж полно... Ну подожди, я найду, к кому тебе пойти”.

Через несколько минут он подводит меня к человеку лет 60-ти с виду довольно суровому. Назовем его Владимиром. По дороге к себе Владимир почти со мной не разговаривал. Спросил только, откуда я и по каким делам здесь. Мы долго шли по длинной темной улице, перешагивая или обходя многочисленные лужи. Вдруг нас нагнал какой-то парень. Спросил, есть ли закурить. (Это обычный у воров и хулиганов способ остановить прохожего.) Получив ответ, что мы некурящие, продолжал за нами идти, что-то говоря и посвистывая. За одним из заборов ему ответили несколько голосов. Честно говоря, я испугался, не помню даже, какому из святых молился о спасении. Владимир же сохранял самообладание. Когда парень сказал: „Да не бойся, я не трону. Я в богов не верю, но не трону”, — он строго ответил: „Что это значит, тронешь? Попробуй тронь!” Видимо парень знал его, и знал, что он ходит в церковь. Вскоре парень отстал. Не вышли и его товарищи. Владимир пояснил мне, что тут часто бывают драки и грабежи. У женщин отнимают сумки с деньгами. Здесь недалеко живут цыгане и у них недавно была драка с какой-то местной шайкой. Поломали забор. Цыгане обещали, что если еще кто-нибудь к ним полезет, то они его убьют.

Господь не только не оставил меня без ночлега, но еще и охранил меня от злых людей. Если я тогда недостаточно возблагодарил Тебя, Господи, то благодарю Тебя сейчас, как и всех святых, кому я молился в минуты опасности.

Владимир жил в деревянном одноэтажном доми-

ке, каких на этой улице очень много. Досчатый забор с воротами. Я почувствовал полное облегчение лишь тогда, когда калитка за нами захлопнулась и мы очутились во дворе.

В доме чисто и светло. Обстановка хорошая, хотя и не очень богатая. Мебель пятидесятых годов. Аккуратно застеленные пышные кровати с пирамидой подушек. В комнатах кроме Владимира — его жена Анна и старушка. Садимся ужинать. Анна ставит на стол салат из помидоров и огурцов, сковороду жареной картошки и потом еще кашу. Степенно помолвившись, едим все из одной посуды. Владимир немногословно угощает: „Ешьте, ешьте, не стесняйтесь”. После чая я улучил момент, когда хозяин был один, и предложил деньги. Но он решительно отказался: „Нет, не надо. Мы с ночевальников не берем”. Спать меня уложили на диване, дав белоснежно-чистое постельное белье и теплое одеяло.

Засыпая я думал: „Как неправильно мы судим по наружности”. Человек, сначала показавшийся мне неприветливым из-за своей неразговорчивости и сурового вида, проявил истинно христианское гостеприимство или точнее страннoлюбие. Судя по выражению „ночевальник” я заключил, что он делает это постоянно: бесплатно кормит, поит незнакомых людей, приезжающих в Арзамас помолиться. Да пошлет ему Господь всякого благополучия и утешения, здравия душевного и телесного!

На Руси часто встречаются два типа христиан, и тот и другой довелось мне увидеть в Арзамасе. Правда, чаще всего они не выражены в совершенно чистом виде, в людях смешиваются черты обоих. В первом типе — его можно назвать уставным —

преобладают чувства долга и церковного послушания. Он свято хранит то, что завещано от отцов: веру, предания, обычаи. Ему нередко приходится вести тяжелую борьбу с собой, побеждать свой характер, страсти, дурные привычки, склонности. Не следует смешивать его с типом фарисея, заботящегося лишь об охранении буквы обряда и презиравшего грешника. Христианская любовь глубоко скрыта в его сердце, она не излучается наружу видимым для всех светом, а исподволь, понемногу сдвигает горы. К такому типу принадлежал Владимир, насколько я мог узнать его за короткое время. О втором я расскажу позже.

Утром хозяйка встала рано. Анна уже пекла что-то к обеду. Я разговорился с ней и вскоре мне стала ясна причина суровости Владимира. Недавно у них погиб сын. Он работал на заводе, считался хорошим мастером, имел семью, но в получку сильно выпивал. Возвращаясь с завода выпивши, он попал под машину. Анна вспоминала, что, узнав о его смерти, сослуживцы сокрушались: „Как же мы теперь будем без него... Так его ценили на работе, — не без материнской гордости заключила она. — Я все время молюсь за него. Но не знаю, Господь простит ли его, ведь он умер в пьяном виде. Мне советовали читать Псалтирь, а у нас его нет”.

В виде небольшого утешения я подарил ей свой молитвенник, чему она несказанно обрадовалась. Очень трогательно видеть, какую радость доставляет христианам из провинции каждая приобретенная духовная книга, или даже образок, лампадка. Я знал случаи, когда Евангелие, Псалтирь и другие книги Священного Писания, не говоря уже о канонах и акафистах, тщательно переписывались от ру-

ки. Глядя на религиозный голод этих людей, становится стыдно, как небрежно мы, москвичи, обращаемся иногда с религиозной литературой, которая к некоторым из нас попадает в достаточном количестве, как мы не ценим этот дар Божий. И пусть каждый верующий, который прочтет эти строки, подумает, что духовную милостыню подавать еще важнее и спасительнее, чем материальную, и пусть, если случится такая возможность, он не пожалеет отдать одной или двух даже не лишних для себя духовных книг приезжему брату или сестре во Христе.

Я пришел в Собор задолго до начала службы и сразу же оказался в той его части, где ранее не был. Мое внимание привлекли две святыни: большое деревянное Распятие с резным изображением Спасителя и Владимиро-Оранская икона Божией Матери. Распятие поразило меня тем, что лик Его напоминал мне лик на Туринской плащанице и даже венец по форме был похож на Туринский. Это распятие изготовлено в какой-то деревне, прославилось чудесами и называется почитателями Живоносным Крестом Господним. Не иначе как по Божьему вдохновению неизвестный деревенский мастер воспроизвел лик Туринской плащаницы задолго до того, как ее изображение попало в Россию.

Оранская икона отличалась от Владимирской в основном тем, что в ее нижней части были изображены Первосвятители Московские: Петр, Иона и Филипп*. Эта икона здесь глубоко чтима, о чем можно было судить по значительному скоплению

* Священномученика Гермогена я не различил, хотя не исключено, что и он изображен на этой иконе.

людей около нее еще до начала Литургии. Я спросил прислужницу о происхождении этой иконы, но она мало что могла сказать. Через некоторое время ко мне подошла маленькая старушка в очках, одетая во все черное (как я позже узнал, монахиня), и рассказала мне следующее: во время Пугачевского бунта икона находилась в одном мужском монастыре (кажется, в Мордовии, названия места я не помню). Пугачев требовал от монахов признания его царем. Получив отказ, он приказал сжечь монастырь вместе с братией. Нескольким монахам с Оранской иконой удалось скрыться в лесах. Затем икона была в женской обители, а с 1914 года она стоит в Арзамасском Соборе.

Вскоре я увидел и вчерашнего бородача, который свел меня с Владимиром, и в благодарность подарил ему маленькие иерусалимские четки, которые имел при себе. Его детской радости не было пределов. Он неоднократно целовал их, улыбался, показывал другим. Как дорого ему было получить памятку из далекой земли Господней! В конце службы он подошел ко мне и сказал: „Ты мне сделал большой подарок и я хочу тебе отплатить. Хочешь поехать в Саров?“ Я не смел мечтать о таком счастье, и счел это предложение великой ко мне милостью Божией, дарованной по молитве преп. Серафима в ответ на мое обращение к нему в Горьком. Бородач подвел меня к высокому худощавому человеку, тоже с окладистой бородой, и познакомил нас: „Это тоже твой тезка Алексей. Вот как складывается, два Алексея и поедут вместе в Саров“. „А как же мы туда поедем? — спросил я, — ведь в Саров не пускают“.

„Ничего, — отвечал Алексей. — В самый город мы

не пойдём, а пойдём к источнику, который из Сарова течёт. Но сначала нужно доехать до Дивеева”.

Вскоре мы были на автостанции. Перед кассами теснилась толпа. Мы встали в очередь. Правда, очередью то, что было перед нами, можно было назвать с большой натяжкой: невозможно было понять, кто в какую кассу стоит, подходившие лезли вперед и оттесняли стоявших раньше. Время от времени начиналась ругань и чуть ли не драка. Моя радость сразу же сменилась унынием. (Как слаба в нас бывает вера!) Только с помощью преп. Серафима, которому я все время молился: „отец Серафим, помоги, отец Серафим, помоги!” — меня наконец вынесло к кассе и я взял два билета на Дивеево (Алексей в это время заходил за сумкой, которую он оставил у знакомого). До отхода нашего рейса оставалось около двух часов и поэтому Алексей пригласил меня пойти пообедать к своему приятелю. Назовем его Василий Иванович.

Этот человек представлял собой другой тип христианина, о котором я обещал сказать и который я назову ангельским. Представителей этого типа характеризует прежде всего необыкновенная приветливость и открытость по отношению ко всем и каждому. Они с улыбкой встречают любого, обращающегося к ним, и готовы услужить ему. Они, как правило, не от мира сего, мало заботятся о завтрашнем дне и о том, что про них скажут или подумают. Их жизнь есть постоянное подтверждение истины, что „Бог есть любовь” и что „если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает” (1 Иоан. 4, 12). Их вера — это постоянное ощущение близости Бога и Его заботы о нас. Их молитва не есть выражение страха или обязанность почтения, а искреннее обращение

детей к любящему и любимому отцу. Все сказанное мною не означает, что они не могут сердиться, печалиться или грешить, но эти стороны их жизни можно сравнить с легкими тучками, лишь на время застилающими солнце любви, светящее теплым и ровным светом.

Василию Ивановичу было лет 70, но он держался необыкновенно молодо, бодро, по-солдатски. В его движениях не замечалось и следа старческой усталости, расслабленности, он был худощав, коротко острижен и носил высокие сапоги. Эти сапоги подчеркивали его принадлежность к старому, патриархальному быту, отдельные черты которого еще удастся заметить в наших небольших городках. Меня он встретил удивительно радушно: „Заходи, заходи, дорогой брат, садись, отдохни, а я буду обед готовить”. И он быстро начистил картошки, луку, поставил на газовую плиту суп из рыбных консервов, сковороду и чайник. Живет он в маленьком деревянном доме с крохотным садиком за сараем. В комнатах самое необходимое: старые столы, две железные кровати, рыжий платяной шкаф, не помню даже, есть ли у него стулья, больше лавки и табуретки. На стенах, кроме потемневших икон, фотографии родных (у него несколько сыновей) в обычном деревенском оформлении. Он живет один, но к нему постоянно кто-нибудь приезжает, причем больше верующие, чем родные. Как хорошо я чувствовал себя в этой незатейливой обстановке: как будто я приехал к далеким родственникам, которые меня давно дожидались. То же духовное тепло, которое я ощутил вчера в сторожке, наполняло жилище Василия Ивановича. В шкафчике я заметил несколько религиозных книг: конечно, Евангелие,

Псалтирь, молитвенник. Одну книгу Василий Иванович предложил мне почитать вслух, пока готовился обед. Она называлась „Пророчества Иисуса”, в ней рассказывалось, как те или иные Его пророчества осуществлялись на протяжении истории.

Позже, вспоминая часы, проведенные в этом доме, я пришел к мысли, что в глухих маленьких городах или деревнях наиболее соответствующей формой апостольства было бы не создание малых братств или обществ, какие распространены теперь среди нашей молодежи, так как в этих условиях их легко разгромить (ведь любые „сборища” на частной квартире сразу же привлекают внимание соседей и, кроме того, в психологии среднего человека воспринимаются как секты), а так называемое „излучающее христианство”, когда один твердо верующий человек или же христианская семья становится как бы духовным центром, влекущим к себе более слабых. Центр этот распространяет вокруг себя лучи христианской любви, выражающейся в гостепримстве, страннолюбии, утешительных беседах с терпящими горе, трудности, в помощи больному, старику, бедняку, и, наконец, в распространении Христова учения собственным живым словом, а также посредством книг, читаемых вместе с гостями или даваемых им для прочтения на дом. Сколько таких безвестных апостолов, тружеников Христовых рассеяно по нашей огромной стране! Будем же чаще поминать их в нашей домашней и церковной молитве. Господи, пошли им сил и средств в несении света Твоего учения тем душам, которые еще могут его воспринять!

Но вот обед готов и Василий Иванович налил всем по стакану святой воды и положил рядом с

нею просфоры. После краткой сердечной молитвы мы приступили к трапезе. Когда я попытался извиниться за то, что я стесняю хозяина, Василий Иванович так удивленно вскинул на меня глаза, что я почувствовал, что в самом деле говорю что-то неуместное. „Да что ты, брат дорогой! — воскликнул он, — как можно так говорить „стесняю“. Если ты пришел, то надо обязательно пообедать. Разве мы не христиане? Даже и говорить об этом нехорошо”, — заключил он с мягкой укоризной. Прощаясь, он троекратно расцеловался с нами и просил меня, если я приеду еще раз, обязательно у него остановиться.

И вот наконец мы влезает в маленький тесный автобус на Дивеево. Он уже почти полон, но все же удается найти сидячие места. Как томительно долго тянутся последние минуты! И какое волнение охватывает, когда заводится мотор и автобус трогается с места. Батюшка Серафим, благодарю тебя. Как настойчиво мы просим и как иногда поздно спохватываемся благодарить.

Шоссе пролегает через холмистые поля, которые особенно скучно выглядят осенним вечером. Незаметно начинает темнеть. На остановках бабы с объемистыми сумками вываливаются из автобуса посреди деревенских луж. В надвигающейся ночи все ярче разгорается в сердце радостный огонек, зажженный отцом Серафимом. Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас! Кто-то говорил мне раньше: проси больше преп. Серафима. Он добрый, он сделает. И вот с самого начала поездки я все больше, все различимее чувствую его доброту.

Впереди ряды густых деревьев по сторонам

шоссе. Алексей тихо говорит мне: „Читай неотступно Богородицу”. С этой молитвой въезжаем в Дивеево. Несмотря на почти полную темноту, успеваю заметить высокую колокольню у самого шоссе, затем купола храма несколько поодаль, наконец разворот, остановка, мы покидаем автобус и вот уже стоим на Дивеевской земле. Перед нами ярко освещенные окна магазина или буфета, слышны пьяные голоса людей, идущих к нему или от него. Несколько фонарей дают нам возможность ориентироваться. Алексей говорит мне: „Сначала пойдем на канавку. Читай дальше Богородицу. Вообще надо 150 раз прочесть”.

Где проходит знаменитая монастырская канавка, сразу трудно установить. Корпуса обители (в одном из них кино) стоят вперемежку с позднейшими постройками. Из темноты выступают углы каменных зданий, витрины магазинов, заборчики, сараи. Но вот несколько толстых старых деревьев, видимо посаженных еще тогда. Около них действительно канавка рядом с дорожкой, по которой доходим до угла тянувшегося вдоль канавки заборчика не то школы, не то детского сада. Поворачиваем. Опять вдоль забора по канавке. Отрезок улицы, фонарь. Приближаемся к огромному белокаменному храму. Опять фонарь. Разбитые ступени поднимаются к чернеющему пролету вырванных дверей, выше узкие и высокие, тоже черные, пролеты окон. Обходим храм. Дворы, сараи и нужники, дальше двухэтажное здание, около которого собралась группа людей. Один весело играет на гармошке. Когда подходим к ним, настораживаются, смотрят на нас. Ведь мы идем без шапок, оба с бородами, ясно зачем. Но ни слова в нашу сторону. Гармошка играет

чуть тише. Затем уже за нашими спинами ударяет с новой силой. Еще поворот. Мимо какого-то дома. У подъезда две старушки на скамеечке, дети играют около. Бегут в подъезд, один бросает насмешливо, но не злобно: „пойду исповедоваться”. Опять поворот — второй храм, площадь, с которой мы начинали путь. Узнаю впереди толстые деревья, значит, второй круг. Немного облегчения. Как долго тянулся первый. Как долго тянется второй. Мы здесь незнакомые, чужие, непрощенные, я так по крайней мере думаю но под защитой отца Серафима и Богородицы. Но как мало верю в эту защиту! Иначе не было бы страха. Страх говорит: вот сейчас слева (только слева) как брошенный в нас из тьмы камень вопрос: „Кто вы такие?” Но никого. Невдалеке сзади — зажженные фары, краем глаза вижу большой солдатский грузовик, что-то выгружает. Опять улица, опять храм, опять гармошка, опять взгляд на нас и ни слова. Легче идти по уже знакомым местам. Поворот. Прошли площадь. Уже близки деревья. И вдруг перед нами черная „Волга”. Стоит бесшумно. Но подфарники горят и красные огоньки сзади. Откуда она взялась? Ведь здесь даже асфальта нет. Но проходим мимо нее и опять никого. Последний круг. Совсем легко становится. Это мысли, но Богородицу все время читаю. Вдруг Алексей останавливается, поворачивается ко мне (он шел впереди). В руках у него белое распятие, которое он молча дает мне поцеловать. Закончив последний круг, идем ко храму. Поднимаемся по белым ступеням в черный пролет двери. Тучи на небе рассеялись и ярко светит луна. Она заглядывает в окна и внутри храма можно различить голые стены, сводчатые потолки, битый камень на полу. В этой полутьме и

тишине с особым благоговением и торжественностью звучит молитва Алексея: „Господи, помяни Николая, Александру, Алексея и всех сродников их во Царствии Твоем”.

Выйдя из храма можно разговаривать. Алексей рассказывает, что храм этот был построен перед самой революцией, но его не успели освятить. По тому месту, где мы ходили три раза, прошла сама Богородица и есть пророчество, что сюда не вступит нога Антихриста. По всей России пройдет Антихрист, а сюда не вступит. Вот тут недалеко живоносный источник, он течет из монастыря. Спускаемся по пригорку к плотине, образующей огромный пруд. Над прудом возвышаются силуэты куполов и колокольни. Один мой знакомый говорил, что в разрушенных храмах невидимо совершаются службы усопшими священниками, монахами и мирянами. Как приятно думать, что может быть в эту минуту над заснувшим городком несется неслышимый благовест колоколов и песнопения бесплотного хора. В темноте различаем деревянный желоб, по которому бежит вода. С молитвой и крестным знаменем омываем лицо. Сразу чувствую свежесть. Усталость и страх как рукой сняло. Это помощь Пресвятой Богородицы. Неверующий назовет это самовнушением. Но откуда оно могло произойти, если я ни подходя к источнику, ни омываясь из него, не только не внушал себе, но даже и не думал, что мне через минуту должно стать легче.

Мы попросились ночевать у местных жителей. К сожалению, я ничего не могу рассказать о них, так как боюсь невольно отплатить им злом за добро, наведя на их жилище непрощенных гостей. Гос-

поди, имена их Ты веси, воздай им Своей милостью за содеянное нам!

На другой день нам нужно было выйти очень рано. Около шести часов утра отходил автобус на Сатис, которым мы должны были доехать до Цыгановки, а дальше идти пешком к источнику. Начинало чуть светать, когда мы шли по пустынному городу к автобусной станции. По дороге еще раз омылись из источника. Мы пришли первыми. Но вскоре стали стягиваться еще люди. Две бабы с узлами, затем средних лет мужчина в кепке и с сумкой, народ все простой, местный. Пока мы ждали автобуса, мой спутник затеял замечательный разговор-проповедь. Он велся с народным юмором, но от этого не терял серьезности: целью его было напомнить этим в общем-то хорошим, но разболтанным от безверия людям о строгой христианской нравственности их отцов и дедов. К сожалению, по памяти я лишь приблизительно могу передать его содержание, сохраняя отдельные характерные выражения. Все началось с мелочей, с привычного обмена замечаниями о погоде, урожае. Мужчина с сумкой закурил. Тогда Алексей обратился к нему:

— Ты на меня не обижайся, дорогой человек, но я тебе скажу. Ты вот с утра куришь, а я двадцать лет курил и бросил. И сейчас видишь, в 60 лет здоров, не жалуясь ни на что. А куришь всю жизнь и потом начинается: легкие, печень, — нужно сразу бросать, взял всю пачку да и выбросил. А еще вот что: когда Иуда пошел вешаться, у него все внутренности выпали на землю, а на том месте вырос цветок по имени табак, а теперь люди берут в рот эту гадость. Вот ты и подумай, курить значит Иудину ж... целовать.

Мужчина стыдливо усмехнулся, но видимо бросать курить ему не хотелось.

— И теперь — восемнадцать лет, а уже пьяные с папиросами, скажешь им, так тебя же старика и изобьют. А раньше, если чего-нибудь малый напроказит, а старик увидит, то уши надерет да еще скажет: пойди, скажи отцу, за что я тебя надрал, а я зайду к нему проверю. И отец еще спасибо скажет. Я помню, пастушонком был лет в 12, так если потеряется корова или овца, отец мне говорит: иди, ищи и без нее домой не приходи. Вот я и ищу всю ночь, пока не найду. А сейчас и девки курят.

— Да, да, курят, — подхватили бабы.

— Раньше ребенок в деревне смотрел, как отец работает, и играл в это: то грабли себе смастерит, то лошадку сделает и запрягает, так и научается работе, а сейчас все игрушки ему покупают, а он пшеницу от ячменя не отличит.

— Верно, верно, — опять поддакнула одна баба. — Вот моя дочка идет со мной по полю и спрашивает: „Мама, а это что за колоски, я и не знаю”. А в школе учится.

— А то может скажет, булки на дереве растут, — посмеивается Алексей и продолжает. — Раньше вон сколько детей рожали — по пять, по шесть и больше, и крестили всех, и венчались. И все здоровые были: и дети и родители. А сейчас одни аборт. Глядишь в 25 лет, а она уже вся гнилая внутри. Да и в браке не живут, чуть поругались, уже и разводятся. Вот я вам расскажу еще такой случай. У меня был сосед партийный начальник, у него сын женатый. Вот утром выходят они в огород, а я в своем копаюсь и слышу, как отец спрашивает сына: ну как ты сегодня свою бабу пощупал? Мне так совестно

стало, что я отозвал его да и говорю: вот вы, большой человек, учите молодежь, чтобы она хорошо работала, не хулиганила. А как же она будет хорошая, если вы своему сыну такие вещи говорите. Вообще при детях нужно и с женой оберегаться, чтобы они этого не видели. Тогда хорошие вырастут дети...

Видно, что слушатели соглашались с Алексеем, хотя и не все выражали это вслух. Я подумал, что именно такими разговорами нужно подводить простой народ к мысли о Боге. Этим людям нужны яркие примеры из жизни, а не умозрительные рассуждения, которые им скучны и непонятны. Когда мы сели в автобус, я похвалил Алексея:

— Я еще больше мог бы сказать, — усмехнулся он, — да боюсь возьмут за шкуру.

Алексей — это современный странник. Он ездит с места на место, посетил многие святыни, постоянно молится, читает божественное, любит рассуждать о конце света и об Антихристе. Знает нашего отца Димитрия, какое-то время жил в Ташкенте, но там его чуть не забрали и он приехал в эти места. Такие странники, разъезжая по России, часто восполняют недостатки некоторых теплохладных пастырей, оторванных от жизни прихода.

До нашей цели было километров пятнадцать. Мимо мелькали серые деревеньки, все ближе темнели леса. Радостное волнение нарастало во мне с новой силой. Как все удивительно получилось! Я и не собирался в Дивеево, только один раз на вокзале мелькнула мимолетная мысль, и вот батюшка Серафим приглашает меня еще ближе, ближе к себе, под самый Саров. Накануне, пробираясь по грязи, я насквозь промочил свои ботинки, к утру они не

успели высохнуть. У хозяев нашлись старые калоши, которые я надел прямо на носки, думая, что в крайнем случае, если опять будет большая грязь, пойду босиком. Алексей одобрил эту идею: раньше босиком по снегу ходили и ничего. Температура в эти дни была не выше +10 градусов, но я уже не боялся. Слишком много мне было послано помощи свыше. Но Господь позаботился и о моих ногах. Мало того, что еще вчера вечером дождь перестал, но когда мы вышли из автобуса, перед нами лежала хорошая песчаная дорога по сосновому лесу. Никакой грязи, никаких луж.

Миновав почти безлюдную деревеньку и встреченные там лишь лаем собак, мы вышли к речке. На другой ее стороне, может быть в километре от нас, за колючей проволокой виднелся край города Сарова. Еще дальше поднимались один или два строительных крана среди каменных домов, остальное скрывал лес. Мы двинулись вдоль речки, ища переправу, Алексей сказал, что она должна быть где-то близко. По дороге он указал мне на несколько больших углублений в крутом берегу с грудями битого кирпича и щебня. Здесь раньше были пещеры отшельников-монахов. Он велел мне примечать, чтобы потом рассказать другим. Если бы я прошел здесь один, я и впрямь не обратил бы на них внимания.

Вдруг Алексей воскликнул: „А переправу-то смыло”.

Два берега реки, заросшие в этом месте деревьями и кустарниками, соединялись между собой лишь одним толстым стволом дерева. Речка была бурная, она вздулась от недавних дождей и уничтожила более солидную переправу, оставив все-таки этот

ствол как последнюю возможность. „Ну что ж, будем перебираться”, — сказал Алексей.

Мы выломали длинные, выше нашего роста палки, но самую большую надежду я возлагал на помощь Божию и преподобного Серафима, которому изо всех сил молился. Я вообще плохо сохраняю равновесие, идя по бревну, плавать не умею, а тут еще ствол сырой, а на мне калоши. Перекрестившись, мы начали переправу. Еще в самом начале пути (тут было набросано несколько стволов и двигаться было легче) мои ноги начали скользить. От страха я вполголоса запел псалом и с пением продолжил путь. Местами палка, на которую я опирался, не доставала до дна. Мутная вода подо мной бежала, волнуясь и закручиваясь в мелкие воронки. Продолжаю петь. Вот уже берег совсем близко. Хватаюсь за первое повисшее над водой дерево. Все! Выбравшись на траву, я от души, а не по обязанности, кладу несколько земных поклонов. Поистине прав тот, кто сказал, что по-настоящему молиться учишься среди опасностей. Пресвятая Богородица, отче Серафиме, благодарю Вас! Правда, предстоит еще обратная дорога, но она не так страшна. Ведь Серафим Саровский допустил меня к себе.

Дальше нас ведет тропинка среди высокой луговой травы. Какая здесь тишина! Но тишина эта прежде всего духовная. Где-то не очень далеко стрекочет трактор. Потом чуть слышно начинает играть радио. Но все равно тишина. Только радостно кричит сердце: допустил, допустил! Речка подходит к нам с одной стороны, а с другой — высокий берег. По его склону огромные сосны и березы. Кажется, раньше я никогда не видел таких. Вспоминаю, что в описаниях Саровской пустыни упоминаются эти

сосны. Значит тут, совсем близко! Скользкая грязь под ногами. Но не падаю. И вот, вижу над самой речкой выкрашенный голубой краской железный крест. Под ним источник. На камне стоит кружка дном вверх, заботливо оставленная для тех, кто будет набирать воду. На кресте прилеплены огарки свечей. Как жаль, что мы не взяли с собой спичек!

Алексей вытаскивает из мешочка Распятие, ставит его рядом с крестом: „Ну теперь давай раздеваться. Будем обливаться святой водой. Я обычно семь бидонов на себя выливаю (он взял бидончик). Раздеваться я тебе помогу, чтобы ты не поскользнулся”.

Ступаю в источник. Вода ледяная. Но на воздухе не очень холодно. Алексей наполняет бидон и говорит: „Ну, сколько на тебя вылить?” Я совершенно не представляю. „Ну, сначала три бидона во имя Пресвятой Троицы”. Он начинает петь: „Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...” и выливает на меня первый бидон. В первую секунду захватывает дух, но потом ничего. Я молюсь преподобному Серафиму. Затем второй и третий. „Ну, как?” — „Ничего”, — говорю я сквозь зубы. — „Можно еще?” — „Да”, — „Ну, тогда еще четыре: во имя четырех евангелистов”. Наконец все. Холода я больше не чувствую, наоборот, приятная теплота проникает все тело. Теперь я только молюсь. Вспоминаю своих друзей, родных, тех, кто сейчас далеко, кто хотел бы, но не может быть здесь. Имена сами приходят на ум. Это удивительно благодатное состояние. Я такого раньше никогда не испытывал. Имена все плывут, плывут. Больных, страждущих, неустроенных в жизни. Только бы больше их назвать. Успеть большее количество людей вознести в молитве к препо-

добному Серафиму. Ведь он сам просил: говорите, что у вас на душе. Молюсь об отыскании Владимирской иконы. О дорогом мне единстве христиан. Об уехавших за границу. О католиках. Допускает! Допускает! Это молитвенное состояние не моя заслуга, а благодать, ниспосланная заступничеством преподобного Серафима, может быть по молитве моей покойной бабушки, которая до революции ездила в Саров и привезла оттуда фотографии пустыньки и монастыря. Молюсь за нее, за мою покойную мать, за других усопших... Трудно сейчас перечислить все, о чем я тогда молился.

Теперь очередь Алексея. Я предлагаю ему помочь раздеться, но он отказывается, только просит положить одежду на сухое место. Он сам выливает на себя не менее семи бидонов. Одеваемся. Где-то слышен голос синички. А вот и она сама. Господи! Этот лес, эти сосны, эту синичку Ты послал мне по молитвам батюшки Серафима. Хочется еще побыть здесь, взобраться на гору, посмотреть, что там. Еще и еще раз окидываю взглядом окрестные места. Как лучше удержать их в памяти? Алексей советует взять несколько камешков из источника. „Потом, — говорит, — можно будет класть их в воду и пить ее”. Стараюсь набрать побольше камешков. Но они здесь мелкие и крошатся. Набираем бидон и бутылку воды. Благослови нас, преподобный отче Серафиме, на обратный путь. Св. Николай Чудотворец, помогай нам в дороге!

Алексей рассказывает мне, как один раз в этих местах его остановил конный охранник. „Я ведь только водички наберу и уйду, дальше мне не нужно”. Отпустил. Значит, все-таки пускают молиться. Значит, есть сердца у людей! Обратная переправа

все-таки страшновата. Кладу три земных поклона в благодарность. Цепляясь за мелкие сосенки и за суховатую траву, поднимаемся на песчаную кручу, с которой виден Саров. Трудно описать чувства, нахлынувшие на меня в эту минуту, когда я, добравшись до ее вершины и переведя дыхание, оборачиваюсь и сразу же вижу невдалеке высокую колокольню и купола храма, с детства знакомые мне по иконам, где св. Серафим изображен во весь рост на фоне монастыря. Их лучше всего выразить одним емким словом „сподобился”. Только тот, кто после трудного странствования дойдет, наконец, до далекой святыни (это может быть и Почаев, и Афон, и Иерусалим), поймет весь глубокий его смысл. Черные купола без крестов. Нельзя приложиться к его стенам. Но благодать все равно здесь. Кладем земные поклоны. Спасибо тебе, батюшка Серафим! Конец пути освещает выглянувшее солнце. Это как бы ответ святого на наши молитвы. В сосновом леске набираем опят к обеду. Как жаль, что все так быстро кончается.

Садимся в автобус и вот опять Дивеево. Идем к источнику первой игуменьи Александры. Затем еще раз обходим канавку. Днем лучше различаешь подробности: пруд, выкопанный монахинями, вид храма. Заходим еще раз внутрь. Вижу на потолке изображения Христа и Богородицы с 12-ю девами. Остальное все ободрано. Беру камешек из стены. В задней части храма в полу огромная дыра. Алексей рассказывает, что когда здесь устроили помещение для сельхозмашин, комбайн въехал в храм и провалился в подвал. Нас окружают играющие здесь мальчишки. Отношение любопытно-дружелюбное. Один из них предлагает повести нас в подвал и пока-

зять, что там. Спускаемся по узкой каменной лестнице. Подвал перегорожен на несколько помещений. Алексей рассказывает ребятам, что в таких подвальных келиях жили монахини. „За что их там держали?“ — спрашивает один из ребят по имени Володька. „Нет, — разъясняет Алексей. — Они сами себя туда запирали, чтобы молиться за других людей. Питались одной просфорой в день и доживали до 90 лет. Ты вот крещеный?“ — „Крещеный“, — отвечает Володька. Ребята слушают хорошо, внимательно, без смеха. Господи, спаси этого Володьку и других детей от неверия, от безбожия! И помоги Алексею в его трудах за то, что он сделал для меня и делает для других! Прощаемся с ребятами и уходим из храма. Другой храм, ранее действовавший, заколочен. Под дверями нагажено. Господи, прости им, не ведают, что творят!

На городской площади Алексей показывает мне березу, под которой похоронена игуменья Александра. У ее корней замечаю остатки кирпичной кладки и кусок железа, торчащий над ними. Это все, что осталось от надгробного памятника. Но береза цела. Ее пытались свалить бульдозером, зацепить тросом, но бульдозер сломался. Творение Божие оказалось более прочным, чем сооружение рук человеческих. Кладем по земному поклону. Поднявшись с земли оборачиваюсь и вижу невдалеке здание райкома с огромными окнами, разинутыми на нас, и с памятником Ленину перед входом. Может быть, партийцы уже привыкли к такому поклонению и не обращают на нас внимания.

Идем на обед. После обеда вокруг нас начинает крутиться какая-то подозрительная женщина и я решаю, что мне пора убраться восвояси. Алексей

остается. Обещаем молиться друг за друга. Спеша на автобус, последний раз захожу в храм. Еще и еще раз благодарю Богородицу и преп. Серафима. Молюсь им о помощи в пути. Беру с собой земли из канавки. Потом почти бегом на станцию. Через несколько минут отходит автобус на Арзамас. Есть свободное место. Другие лица, другие разговоры. Я вырван из Царства Божия и опять погружен в ту обычную мирскую суету, которой мы живем большую часть нашей жизни.

В заключение расскажу два предания, которые услышал в Дивееве. В России наступит такой голод, что другие страны будут вынуждены ее кормить. Чтобы удобнее это сделать, они соберутся на совещание и будут решать, как лучше разделить ее. Тогда явится среди них Преподобный Серафим, стукнет кулаком по столу и скажет: „Россия неделима”. И еще: перед концом света в Дивееве откроются храмы и начнутся службы.

Эти наивные рассказы, ценность которых я не берусь обсуждать, отражают народную любовь к нашему великому Святому и веру в его заступничество.

Гоголь писал, что „нужно проездиться по России”. Я думаю, что сейчас как нельзя более актуальны эти слова. Некоторые ждут от нашего времени какого-то массового религиозного возрождения. Другие, наоборот, считают, что русский народ совершенно нерелигиозный и от него нужно бежать, куда глаза глядят. Я не хочу спорить ни с теми, ни с другими. Скажу только, что в прошлом веке интеллигенция своим „хождением в народ” несла неверие. Хотелось бы, чтобы теперь она попыталась принести туда веру. Как это сделать, пусть каждый

сам решит для себя. И если он действительно болеет за наш народ, то Господь подскажет ему лучшее решение. Но даже, если не касаться этих больших проблем, поездки по святым местам глубинной России помогут приобрести лучшее представление о народном характере и народной вере.

1979

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА, СПАСИ НАС!

Ф и л а р е т, Митрополит Московский. Слова на Богородичные дни	5
--	---

ОТЦЫ ЦЕРКВИ

С в. В а с и л и й Великий. Беседа 19. <i>В день памяти св. сорока мучеников</i>	23
Преп. Ф е о д о р Студит. Оглашения: XIV, XXVI, LI, LXII	35

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Нестор, Камчатский миссионер	45
Т. В. Старец Севастиан Карагандинский	71

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

Отец И о а н н Кронштадтский. О молитве	141
Письма епископа Михаила Таврического Духовное завещание еп. Михаила Таврического и Симферопольского	151 203

Кончина Преосвященного еп. Михаила	204
Прот. Иоанн П о т а п о в. Завещание моим духовным детям	206
Павел Флоренский. Радость на веки	219

РУССКИЕ ПРАВЕДНИКИ

+++ Дедушка	230
Матренушка	241
Дьякон Михаил	245

ЖИТИЯ

К. Т р о и ц к и й. Печальник Земли русской. Размышления о преп. Сергии Радонежском	258
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

Лев Ж е г и н. Воспоминания о П. А. Флорен- ском. Приложение: Письмо П. А. Флоренского в „Маковец”	275
--	-----

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Т. И. К у п р и я н о в а. Моим друзьям	298
---	-----

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

А. З а л е с с к и й. Вблизи Саровских святынь	370
---	-----